

RIS

РУКОВОДСТВО
К ДЕЙСТВИЮ

РЕАБИЛИТАЦИЯ И (РЕ)ИНТЕГРАЦИЯ ПОСРЕДСТВОМ ЛИЧНОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И СТРУКТУРНОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ

UNITED STATES
INSTITUTE OF PEACE

Мнения, выраженные в данной публикации, принадлежат только ее авторам. Они не обязательно отражают мнения Института мира США или других учреждений, с которыми связаны авторы.

UNITED STATES INSTITUTE OF PEACE (ИНСТИТУТ МИРА США)

2301 Constitution Avenue NW
Washington, DC 20037
www.usip.org

© 2023 Endowment of the United States Institute of Peace (Фонд Института мира США).
Все права защищены.

За разрешением на фотокопирование или перепечатку материалов для использования в обучении, обратитесь посредством www.copyright.com в Центр по проверке авторских прав США. По вопросам, связанным с печатью, электронными ресурсами и прочими производными авторскими или издательскими правами, просьба обращаться по электронной почте permissions@usip.org.

Впервые опубликовано в 2023 г.

Напечатано в Соединенных Штатах Америки

Обложка и внутренний дизайн выполнены Impact Marketing. Внутренние штриховые иллюстрации Камилы Баймукашевой/iStock.

ISBN: 978-1-60127-917-0

Руководство RISE к действию

**Реабилитация и (ре)интеграция посредством
личной, общественной и структурной
вовлеченности**

*Лиза Ширх, Крис Босли
и Майкл Никончук*

О ДАННОМ РУКОВОДСТВЕ

Настоящее руководство к действию предоставляет организациям по укреплению мира и гражданского общества, инструкторам, посредникам, представителям местной власти и администраторам, а также другим заинтересованным лицам платформу для содействия реабилитации людей, прекращающих участие в насильственных действиях экстремистов, и их (ре)интеграции в местные сообщества и примирения с этими сообществами. Реабилитация и (ре)интеграция посредством личной, общественной и структурной вовлеченности (RISE) использует подход к укреплению мира, основанный на принципах общественного здравоохранения, и делает акцент на взаимодействиях, осуществляемых под руководством общин.

В шести модулях данного руководства к действию исследуются общественные, структурные и личные стимулирующие факторы, которые способствуют усилиям по дальнейшему успешному отказу от участия, по реабилитации и (ре)интеграции, предлагая чувство принадлежности и альтернативную идентичность, отвергающую насилие. Каждый модуль обрисовывает практики, которые снижают барьеры и открывают пространство, и готовность к просоциальной вовлеченности между (ре)интегрирующимися людьми и членами и структурами сообщества. В совокупности модули предназначены для того, чтобы помочь практикующим людям изменить поведение, способы самоидентификации и конфликтную среду.

Руководство предлагает простую для понимания, научно обоснованную информацию в доступной форме. Оно составлено с расчетом на следующую аудиторию:

- группы и лидеры местных сообществ и гражданского общества, которые хотят разработать и внедрить программы по отказу от участия, по реабилитации и (ре)интеграции;
- неправительственные организации, которые поддерживают местные сообщества путем разработки и внедрения таких программ;
- местные и государственные правительственные учреждения и их персонал, которые стремятся поддерживать инициативы под руководством общин; и
- неправительственные и международные организации, государственные правительственные учреждения и фонды, стремящиеся к инвестированию в доказательно обоснованные решения в ответ на проблемы отказа от участия, на проблемы реабилитации и (ре)интеграции.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОССАРИЙ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ	6
ВВЕДЕНИЕ	11
ЧАСТЬ I: ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ НА ЛИЧНОМ УРОВНЕ	33
МОДУЛЬ 1: СОДЕЙСТВИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОМУ ЗДОРОВЬЮ И БЛАГОПОЛУЧИЮ	34
МОДУЛЬ 2: ПОМОЩЬ В ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ	61
ЧАСТЬ II: ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НА УРОВНЯХ ОБЩЕСТВА И СООБЩЕСТВА	83
МОДУЛЬ 3: УМЕНЬШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОТТОРЖЕНИЯ	84
МОДУЛЬ 4: СОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	111
ЧАСТЬ III: ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА НА СТРУКТУРНОМ УРОВНЕ	136
МОДУЛЬ 5: СОДЕЙСТВИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРИМИРЕНИЮ	137
МОДУЛЬ 6: ВЫСТРАИВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ СООБЩЕСТВА К НЕГАТИВНЫМ ВНЕШНИМ ВОЗДЕЙСТВИЯМ	157
БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ ЛИСТ	184
ОБ АВТОРАХ	187
ОБ ИНСТИТУТЕ МИРА США	188

ГЛОССАРИЙ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Негативный детский опыт (НДО) — это потенциальные травмирующие события, имеющие место в детстве; сюда может относиться насилие, пренебрежение или бытовая дисфункция.

Поведенческое здоровье — это способность осуществлять основные компоненты повседневной жизни и справляться с ними, действовать со здоровым представлением о собственной личности, а также развивать и поддерживать положительные социальные связи. Поведенческое здоровье отвечает за взаимодействие биологических, эмоциональных, психологических и социальных элементов для содействия личному благополучию.

Поведенческое/психическое здоровье и психосоциальная поддержка (П/ПЗПСР) — это действия, направленные на содействие личному благополучию, психическому здоровью и навыкам здорового поведения.

Хронический стресс представляет собой накопление стрессовых переживаний, которые в результате воздействия на различные когнитивные и физиологические процессы могут вызывать долговременные негативные изменения физического и психологического здоровья и социальных отношений.

Коллективная травма состоит из травматических инцидентов, испытанных большой группой людей или определенными слоями общества.

Цикл насилия представляет собой насилие в общине, которое может продолжаться бесконечно, характеризующее связи между восприятием себя жертвой и выбором в пользу совершения ответного насилия в отношении других людей.

Дерадикализация. См. «Радикализация и дерадикализация».

Отказ от участия — это процесс, при котором люди отказываются от моделей поведения, относящихся к насильственным действиям экстремистов, и отвергают насилие как приемлемый способ разрешения конфликта, выражения недовольства или преследования цели.

Насильственные действия экстремистов являются формой насильственного конфликта, при котором люди задействуют набор моделей поведения, поощряющих, поддерживающих или совершающих насилие с целью изменения существующего политического или общественного устройства, а также продвигают нарратив «мы против них», оправдывающий убийство, устранение или совершение других насильственных действий в отношении людей, принадлежащих к определенным социальным или политическим группам. Данное руководство отдает приоритет использованию термина *насильственные действия экстремистов* вместо термина *насильственный экстремизм*, чтобы в качестве основного фокуса изменения выделить насильственное поведение, а не экстремистскую идеологию. Кроме того, термин *насильственные действия экстремистов* не допускает отнесения различных групп людей к насильственным экстремистам, вне зависимости от правового статуса или фактического уровня вовлеченности в насильственные действия экстремистов среди тех, кто часто попадает под описание этого термина (подробное разъяснение этих нюансов см. в разделе *(Ре)интегрирующиеся люди*).

Уязвимость означает отсутствие у сообщества способности реагировать на, приспосабливаться к, управлять, выдерживать или переживать стрессовые или деструктивные, или шоковые события главным образом из-за отсутствия социального доверия к другим группам и публичного доверия между правительством и гражданами.

Снижение вреда обозначает ряд принципов в предоставлении услуг, направленных на минимизацию негативных последствий поведения с высокой степенью риска, такого как употребление наркотиков. Оно предполагает прагматические и гуманные стратегии снижения личного и социального вреда, возникающего в результате рискованного поведения.

Теория межгруппового контакта придерживается мнения, что плодотворный контакт — положительный и кооперированный контакт, при котором участники разделяют равный статус власти с людьми из социальных аутгрупп — может уменьшить предубеждения и укрепить сплоченность общества.

Миροстроительство — это многосторонний и междисциплинарный подход к предотвращению, смягчению и разрешению конфликтов, учитывающий сложность, гуманность и конкретные обстоятельства для преобразования динамики между людьми и группами с целью построения обществ, структур, политики и отношений, которые могут укрепить и поддержать мир и справедливость.

(Ре)интегрирующиеся люди — это обобщающий термин для обозначения комплексных категорий людей, расселяющихся или проживающих в местных сообществах после демобилизации или выхода из групп воинствующих экстремистов, прекращения участия в насильственных действиях экстремистов и (или) выходящих из конфликта с воинствующими экстремистами, и примиряющихся с этими сообществами.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — это специфический кластер когнитивных, эмоциональных и поведенческих симптомов, сохраняющихся дольше тридцати дней после перенесения травмы, которые вызывают серьезное эмоциональное расстройство, влияющее на способность индивида функционировать социально, профессионально и в быту.

Предупреждение и противодействие насильственному экстремизму (П/ПНЭ) представляет собой концепцию, концентрирующуюся на некинетической политике и практике (дипломатическая, миростроительная, конструктивная и гуманитарная), чтобы побуждать людей отказаться от обращения к насилию; создать нации, сообщества и страны, устойчивые к насильственным действиям экстремистов; и снизить уровень вербовки, поддержки, содействия или вовлеченности в группы воинствующих экстремистов.

Просоциальное поведение является положительным, инклюзивным и должно содействовать общественному признанию или способствовать построению отношений и социальных связей.

Вовлеченность в интересах общества заключается в последовательных, положительных, инклюзивных взаимодействиях между (ре)интегрирующимися людьми и членами и структурами местного сообщества.

Психообразование предполагает предоставление информации эмпатийным, располагающим и структурированным способом, чтобы помочь людям лучше понять и справиться с поведенческими проблемами или проблемами психического здоровья.

Общественное здравоохранение — это междисциплинарная наука и практика защиты и улучшения здоровья, безопасности и благополучия людей и их сообществ путем продвижения здорового образа жизни, профилактики болезней и травм, а также выявления рисков для здоровья, включая насилие, и реагирование на них.

Радикализация и дерадикализация являются парными процессами в насильственных действиях экстремистов. Радикализация обозначает процесс, в ходе которого люди принимают убеждение или систему убеждений в том, что насилие в отношении другой социальной группы является необходимым для выживания с своей ингруппе. Дерадикализация означает процесс, в ходе которого люди приходят к отказу от таких радикальных убеждений. Радикализация и дерадикализация — результат сложной динамики — зависят от конкретной ситуации и периода и могут протекать идиосинкратически для каждого человека.

Примирение — процесс, посредством которого сообщества и люди, прекращающие участие в насильственных действиях экстремистов, регуманизируют друг друга и способствуют улаживанию разногласий, чтобы уменьшить социальное отторжение, открыть пространство для взаимодействия в интересах общества, удовлетворить потребности в справедливости и примирении, восстановить взаимоотношения и перейти от изоляции и страха к вовлечению и продуктивному участию в делах сообщества и общества в целом.

Реабилитация является вмешательством или комплексом вмешательств, направленных на изменение особенностей человека, прекращающего участие в насильственных действиях экстремистов или выходящего из насильственного экстремистского конфликта (например, жизненная позиция человека, когнитивные навыки и процессы, личность или психическое здоровье, а также социальные, образовательные или профессиональные навыки), которые считаются причиной агрессивного поведения человека. Конечной целью реабилитации является повышение благосостояния и снижение вероятности повторного нарушения со стороны индивида.

(Ре)интеграция — это процесс, посредством которого люди, прекращающие участие в насильственных действиях экстремистов, принимают просоциальную роль и отождествляют себя с обществом. (Ре)интеграция направлена на создание чувства вовлеченности и принадлежности к сообществу и снижение риска повторного участия в насилии или возврата к нему.

Реинтегративный стыд означает выражение общественного неодобрения пагубному поведению или действиям с одновременным предоставлением пути к искуплению, принятию и (ре)интеграции людям, принимавшим участие в таком поведении и действиях.

Устойчивость сообщества — это способность сообщества реагировать на, приспосабливаться к, управлять, выдерживать или переживать стрессовые, или деструктивные, или шоковые события, содействуя социальному доверию между группами и публичному доверию к структурам, которое может сохранить их благосостояние.

Устойчивость индивида — это состояние, в котором у человека есть способности и необходимая поддержка в социальной среде, чтобы реагировать на, приспосабливаться к, управлять, выдерживать или преодолевать кризисные или тяжелые изменения, полагаясь на положительные отношения, связи и стратегии управления стрессовыми ситуациями и регуляции эмоций.

Восстановительное правосудие представляет собой процесс устранения вреда, который (1) сосредотачивается на потребностях и голосах потерпевших для устранения причиненного им вреда; (2) поддерживает обидчиков, чтобы они понесли ответственность посредством процесса в рамках сообщества, направленного на примирение как потерпевших, так и обидчиков; (3) исследует вопрос в более широком контексте, чтобы выявить, могли ли обидчики также перенести большие структурные формы или циклы насилия.

Возмездие и наказание являются ответом на насилие, который оправдывает причинение преднамеренного вреда, узаконивает месть, увековечивает цикл насилия и не предлагает путей искупления или примирения.

Самопомощь — это процесс поддержания крепкого здоровья и личного благополучия с помощью моделей поведения, которые способствуют улучшению здоровья и активному лечению болезней или расстройств в случае их возникновения.

Представление о самом себе обозначает совокупность убеждений, определяющих, кем является человек.

Самоклеяние состоит из негативных взглядов, которых люди придерживаются о себе из-за определенной характеристики, часто интернализируемой и подкрепляемой клеймящими стереотипами, которых придерживаются другие члены общества.

Потрясения — это непредвиденные кризисы и события, которые нарушают способность человека или сообщества выживать и процветать.

Социальный капитал включает в себя запас материальных и нематериальных ресурсов в том числе сети взаимоотношений, нормы и принцип в рамках социальной единицы, которые способствуют сотрудничеству, принадлежности, связи и идентичности, а также обеспечивают эффективное функционирование общества.

Социальная сплоченность — это ощущение общей цели, идентичности и доверия между членами группы или жителями местности и готовность этих членов или жителей сотрудничать друг с другом для достижения общего блага. Социальная сплоченность может существовать в нескольких измерениях: *социальные связи* подразумевают связь между людьми, которые разделяют общую идентичность, как в семье; *социальный мост* подразумевает связь между людьми, находящимися в разных группах; *социальная привязка* означает связь между сообществами и государственными учреждениями.

Социально-экологические вмешательства, по данным Центров по контролю и профилактике заболеваний США (US Centers for Disease Control and Prevention), рассматривают сложное взаимодействие между индивидом, отношениями, сообществом и общественной динамикой, чтобы понять ряд факторов, подвергающих людей риску участия в насилии, и обозначить перекрестные отправные и точки приложения влияния по каждому из этих измерений, в процессе чего программы могут добиться перемен.

Социальная экология представляет собой многоуровневую систему, в рамках которой взаимодействия между людьми и окружающей их социальной средой оказывают влияние на индивидуальное поведение и общество. Социально-экологические модели принимают во внимание индивида и его принадлежность к людям, организациям и их сообществу в целом. Уровни социальной экологии включают в себя индивидуальный, межличностный, организационный, общественный и публичный порядок.

Социальная интеграция — это чувство принадлежности к принимающему сообществу, что включает в себя поддержание значимых отношений с другими и взаимное признание со стороны других групп в принимающем сообществе, чему часто способствует устранение барьеров, ограничивающих полноценное участие в социальных системах.

Социальные движения — это устойчивые, организованные коллективные усилия, направленные на какой-либо аспект содействия справедливому и равноправному распределению богатства, возможностей и привилегий в рамках общества.

Разнообразие системы социальных взаимодействий означает уровень этнического, религиозного, партийного, конфессионального и социально-экономического разнообразия во взаимодействиях и взаимоотношениях человека.

Социальное отторжение — это выражение или проявление негативного мнения или неодобрения в отношении отдельного лица или группы лиц на основе определенных характеристик.

Стрессоры — это продолжающиеся или систематические факторы, такие как политическая, экономическая или социальная изоляция и дискриминация, повышающие неустойчивость или уязвимость к насильственным действиям экстремистов.

Потерпевшие или **люди, которым был причинен вред**, и **обидчики** являются терминами, используемыми для описания пострадавших (потерпевших) и тех, кто причиняет вред другим. Ввиду цикличности насилия потерпевшие также могут причинить вред, а обидчики также могут быть потерпевшими.

Травма — это событие или ряд событий, часто опасных для жизни или воспринимаемых как опасные для жизни, которые пересиливают способность мозга и тела справляться с ними.

Информированная помощь при травматическом эпизоде является не специфической техникой или методом лечения, а осведомленностью и восприятием воздействия травматического стресса, которые поставщики услуг должны поддерживать на протяжении всего плана лечения, продвигая культуру безопасности, расширения возможностей и исцеления.

При ссылке на широко известное количество работ или заголовков термин **насильственный экстремизм** временами используется как синоним для обозначения *насильственных действий экстремистов*. См. «*Насильственные действия экстремистов*».

Воинствующий экстремист — термин, используемый в качестве составного прилагательного, для изменения события или явления, но не для описания или классификации лица, которое прекратило участие в насильственных действиях экстремистов, или в ходе должной правовой процедуры не было признано виновным в совершении преступления, связанного с терроризмом.

Благополучие семьи включает в себя открытое общение между членами семьи, взаимное оказание и получение эмоциональной поддержки, распределение обязанностей и признание уникального вклада каждого члена.

Благополучие сообщества — это совокупность факторов социальной сплоченности, социального капитала, а также факторов здоровья и устойчивости, которые позволяют людям процветать, реализовывать свой потенциал и справляться с потрясениями и стрессорами конструктивным и здоровым образом.

Благополучие человека означает сложное сочетание психических, поведенческих, физических факторов, а также фактора социального здоровья, которые включают в себя наличие положительных эмоций и настроений, отсутствие отрицательных эмоций, общую удовлетворенность жизнью и самореализацией, позитивное функционирование и способность справляться со стрессом и потрясениями.

ВВЕДЕНИЕ

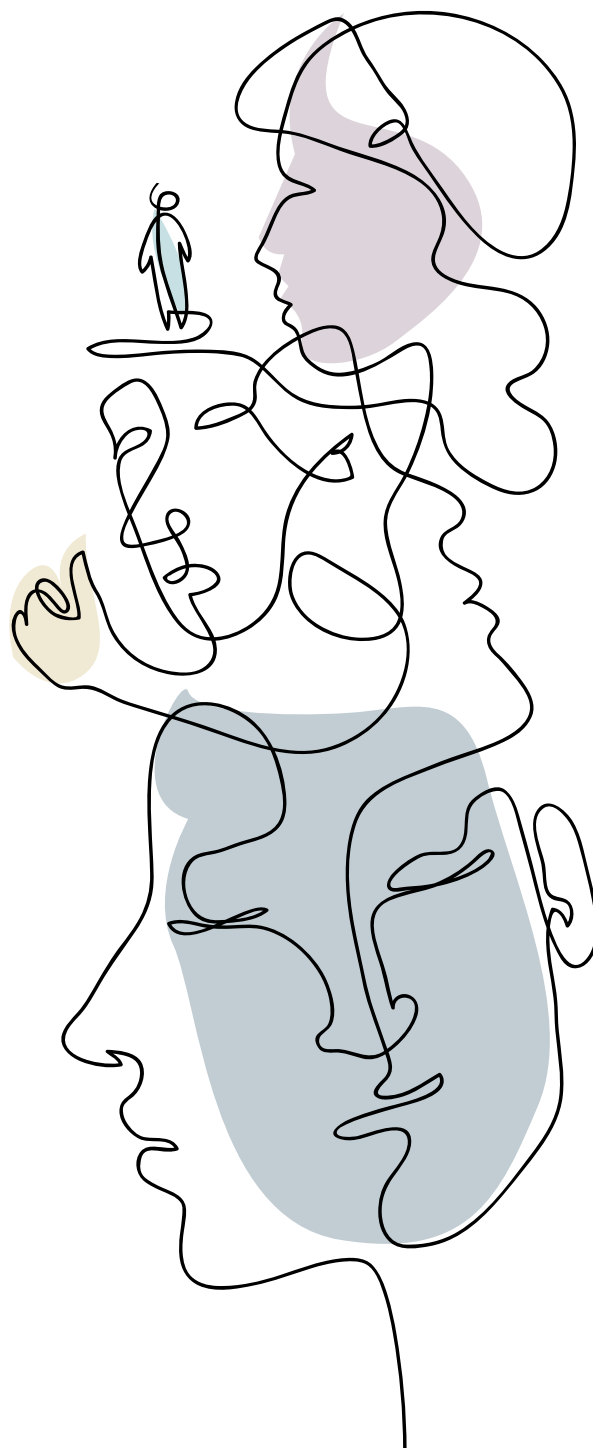
Она присоединилась к насильственному ультраправому движению в Австралии не просто потому, что была радикализована харизматическими политическими фигурами. Вместо этого, обманутая политиками, сотрудниками и так называемыми экспертами, которым, как она считала, могла доверять, она чувствовала себя бессильной и ощущала бездействие со стороны власти имущих. Ясность и солидарность, предложенные группой в это время неопределенности, обеспечили ей поддержку, к которой она стремилась.

Он отправился в Сирию не из-за своих фундаменталистских религиозных убеждений. Он считал своим долгом защитить своих братьев, а насилие было единственным известным ему способом достижения этого.

Причиной его присоединения к Бoko Харам было не расстройство личности или психическое недомогание, которое превратило его в воинствующего и непредсказуемого. Он присоединился потому, что доверял своим друзьям, которые последовали этому примеру, и не хотел потерять их. В любом случае, это было бы приключением.

Она последовала за ним в Сирию не потому, что хорошие жены почитают своих мужей и подчиняются им, а потому, что это казалось возможностью наконец построить жизнь в окружении других людей, разделяющих ее ценности.

Он не был зомбирован историей, которую узнал от своих родителей и всех их друзей. Он присоединился к Республиканской военизированной группе в Северной Ирландии просто потому, что они сражались против насилия и разорения, с которыми его сообщество столкнулось при власти лоялистов. Он хотел быть частью этой борьбы.

Она не поддерживала группировку, связанную с ИГИЛ на юге Филиппин, потому что выросла в ужасной нищете. Она поступила так, потому что это дало ей возможность проявить свободу воли так, как она никогда бы не смогла сделать это в своей традиционной деревне.

Теперь все они оказались демобилизованными из группы воинствующих экстремистов, с которой были связаны. Пытаясь восстановить свою жизнь, каждый из них чувствует себя пристыженным, заклеянным и маргинализированным своим сообществом, которое относится к ним со страхом, гневом или неодобрением. В некоторых случаях их семьи также стали объектом надзора со стороны правоохранительных органов или подверглись остракизму со стороны людей, которые когда-то были их друзьями. Каждый из них пытается дистанцироваться от насилия и примириться со своими соседями. Но каждый также является безработным, находится в состоянии стресса и унижения. А политическая несправедливость, от которой они укрывались до участия в насильственных действиях экстремистов, остается нерешенной.

Эти истории вымышленные, но любой, кто работал с людьми, прекратившими участие в насильственных действиях экстремистов, знает десятки, а то и сотни подобных историй, имевших место в действительности. И этим людям потребуются одинаковые вещи, такие как источник смысла, чувство принадлежности, канал для выражения субъектности и способность справляться с огромными стрессовыми воздействиями, чтобы избежать возвращения к насильственному, антисоциальному и нездоровому образу жизни.

К сожалению, вмешательства с целью разорвать цикл насилия иногда могут иметь ограниченные или неблагоприятные последствия для сообществ, которые они намереваются поддержать.¹ Контртеррористические усилия, сфокусированные в первую очередь на реагировании со стороны правоохранительных органов и в сфере безопасности, которые подразумевают огромные инвестиции, могут привести к большому количеству жертв, а также усугубить существующие недовольства или породить новые, способствующие насильственным действиям экстремистов.² Местные сообщества также часто рассматривают программы предотвращения и противодействия насильственному экстремизму (П/ПНЭ) как нисходящие мероприятия разведки по сбору информации для достижения целей национальной безопасности, а не как местные инициативы, сами по себе приносящие пользу сообществам. Кроме того, такие программы слишком часто фокусируются в первую очередь на непосредственном изменении взглядов и убеждений, а не на более практической поведенческой и социальной динамике, которая помогает объяснить причину участия людей в насильственных

«П/ПНЭ . . . программы слишком часто фокусируются в первую очередь на непосредственном изменении взглядов и убеждений, а не на более практической поведенческой и социальной динамике, которая помогает объяснить причину участия людей в насильственных действиях экстремистов».

действиях экстремистов. Более того, эти программы сдвинуты в сторону вмешательств на индивидуальном уровне и слишком мало внимания уделяют роли ситуативных структур и институций.³

Другой путь вперед — тот, который выходит за пределы ограничений этих подходов. От Сомали до Сингапура, от Индонезии до Северной Ирландии и от Нигерии до Норвегии — лидеры общин экспериментируют с новыми методами, чтобы помочь людям, отказавшимся от участия в насильственных действиях экстремистов. Эти эксперименты оказали влияние на разработку подхода, представленного в данном руководстве к действию: Реабилитация и (ре)интеграция посредством личной, общественной и структурной вовлеченности (RISE).

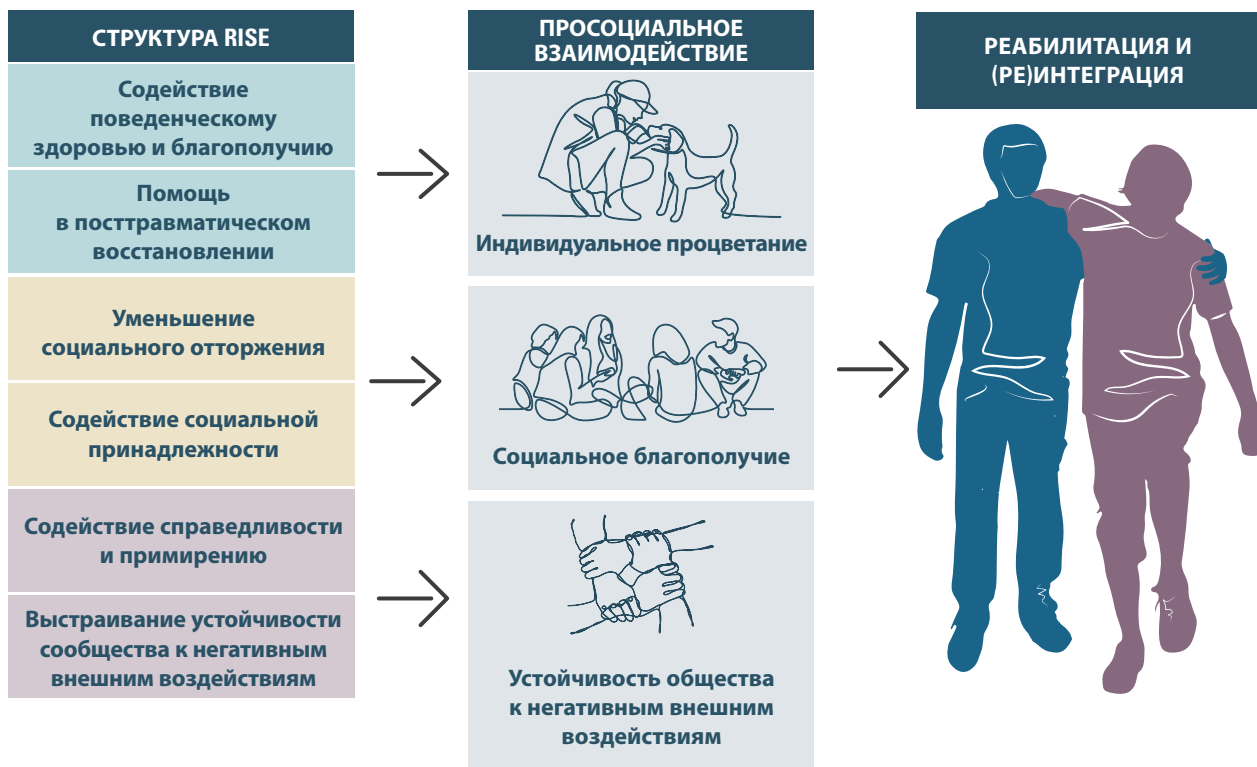

ЧТО ТАКОЕ RISE?

RISE предлагает просоциальный подход к отказу от участия, к реабилитации, (ре)интеграции и примирению после насильственных действий экстремистов, основывающийся на миростроительном подходе совместно с принципами общественного здравоохранения. Фокусирование на вовлеченности в интересах общества, а также на изменении отношения расширяет инструменты и связи, доступные для реагирования на насильственные действия экстремистов, и объединяет подходы к П/ПНЭ, миростроительству и общественному здравоохранению. Хотя подход RISE не ставит под сомнение то, что изменение отношения на индивидуальном уровне для тех, кто (ре)интегрируется, может быть важным для рассмотрения в определенных контекстах, но все же он фокусируется на содействии поведенческим изменениям, которые являются более измеримыми, и устраняют важные барьеры на уровне сообщества и структурном уровне.⁴ В этой связи цель RISE состоит в поощрении изменений поведения, которые поддерживают отказ от участия в насильственных действиях экстремистов и отказ от насилия, путем предоставления сообществам права снижать барьеры на пути к просоциальной вовлеченности и создавать возможности для примирения между людьми, отказавшимися от участия в насильственных действиях экстремистов, и местными сообществами. На рисунке I.1 как в текстовой, так и в визуальной форме представлена теория изменения, лежащая в основе RISE.

Рис. I.1. Теория изменения RISE

Успешная реабилитация и (ре)интеграция людей, прекращающих участие в насильственных действиях экстремистов, зависит от способности специалистов улучшить индивидуальное психологическое здоровье и благополучие, открыть пути к социальной, политической и экономической интеграции, а также обеспечить структурную подотчетность в отношении прав, безопасности и включения всех членов в сообщество. Если специалисты-практики смогут систематически поддерживать индивидуальные, социальные и структурные факторы устойчивости, они смогут стимулировать устойчивое, позитивное, инклюзивное взаимодействие между теми, кто отказывается от участия, и членами сообщества и институтами. Такое взаимодействие может наладить отношения и социальные связи, породить чувство принадлежности и предложить альтернативную идентичность, поддерживающую ненасильственные нормы. Если те, кто отказывается от участия, расширят свою социальную идентичность, включив в нее сверстников, отвергающих насилие, они тоже станут отвергать насилие, способствуя тем самым наибольшему успеху в реабилитации и (ре)интеграции людей, отказавшихся от участия в насильственных действиях экстремистов.

Ключевые термины RISE

С учетом того что RISE использует междисциплинарный подход к отказу от участия в насильственных действиях экстремистов, некоторые термины, имеющие решающее значение для их понимания, могут быть неизвестными. (Полный список терминов и концепций см. в глоссарии). В данном руководстве по действию используются четырнадцать ключевых терминов:

- **Поведенческое здоровье** — это способность осуществлять основные компоненты повседневной жизни и справляться с ними, действовать со здоровым представлением о собственной личности, а также развивать и поддерживать положительные социальные связи. Поведенческое здоровье отвечает за взаимодействие биологических, эмоциональных, психологических и социальных элементов для содействия личному благополучию.
- **Отказ от участия** — это процесс, при котором люди отказываются от моделей поведения, относящихся к насильственным действиям экстремистов, и отвергают насилие как приемлемый способ разрешения конфликта, выражения недовольства или преследования цели.
- **Насильственные действия экстремистов** являются формой насильственного конфликта, при котором люди задействуют набор моделей поведения, поощряющих, поддерживающих или совершающих насилие с целью изменения существующего политического или общественного устройства, а также продвигают нарратив «мы против них», оправдывающий убийство, устранение или совершение других насильственных действий в отношении людей, принадлежащих к определенным социальным или политическим группам.
- **Миростроительство** — это многосторонний и междисциплинарный подход к предотвращению, смягчению и разрешению конфликтов, учитывающий сложность, гуманность и конкретные обстоятельства для преобразования динамики между людьми и группами. Миростроительство нацелено на построение обществ, структур, политик и отношений, которые могут укрепить и поддержать мир и справедливость.
- **(Ре)интегрирующиеся люди** — это обобщающий термин для обозначения комплексных категорий людей, расселяющихся или проживающих в местных сообществах после демобилизации или выхода из групп воюющих экстремистов, прекращения участия в насильственных действиях экстремистов и (или) выходящих из конфликта с воюющими экстремистами, и примиряющихся с этими сообществами.
- **Вовлеченность в интересах общества** включает в себя последовательные, положительные, инклюзивные взаимодействия между (ре)интегрирующимися людьми и членами и структурами местного сообщества.

- **Общественное здравоохранение** — это междисциплинарная наука и практика защиты и улучшения здоровья, безопасности и благополучия людей и их сообществ путем продвижения здорового образа жизни, профилактики болезней и травм, а также выявления рисков для здоровья, включая насилие, и реагирование на них.

- **Реабилитация** является вмешательством или комплексом вмешательств, направленных на изменение особенностей человека, прекращающего участие в насильственных действиях экстремистов или выходящего из насильственного экстремистского конфликта (например, жизненная позиция человека, когнитивные навыки и процессы, личность или психическое здоровье, а также социальные, образовательные или профессиональные навыки), которые считаются причиной агрессивного поведения человека. Конечной целью реабилитации является повышение благосостояния и снижение вероятности повторного нарушения со стороны индивида.

- **(Ре)интеграция** — это процесс, посредством которого люди, прекращающие участие в насильственных действиях экстремистов, принимают просоциальную роль и отождествляют себя с обществом. (Ре)интеграция направлена на создание чувства вовлеченности и принадлежности к сообществу и снижение риска повторного участия в насильственных действиях экстремистов или возврата к ним. (См. также блок I.1 «Почему в определении (Ре)интегрирующиеся люди используются круглые скобки?»)

- **Устойчивость сообщества** означает способность сообщества реагировать на, приспосабливаться к, управлять, выдерживать или переживать стрессовые, или деструктивные, или шоковые события, содействуя социальному доверию между группами и публичному доверию к структурам, которое может сохранить их благосостояние.

- **Устойчивость индивида** означает состояние, в котором у индивида есть способности и необходимая поддержка в социальной среде, чтобы реагировать на, приспосабливаться к, управлять, выдерживать или преодолевать кризисные или тяжелые изменения, полагаясь на положительные отношения, связи и стратегии управления стрессовыми ситуациями и регуляции эмоций.

- **Социальная экология** представляет собой многоуровневую систему, в рамках которой взаимодействия между людьми и окружающей их социальной средой оказывают влияние на индивидуальное поведение и общество. Социально-экологические модели принимают во внимание индивида и его принадлежность к людям, организациям и их сообществу в целом; уровни социальной экологии включают индивидуальный, межличностный, организационный, общественный и публичный порядок.

- **Благополучие сообщества** — это совокупность факторов социальной сплоченности, социального капитала, а также факторов здоровья и устойчивости, которые позволяют людям процветать, реализовывать свой потенциал и справляться с потрясениями и стрессорами конструктивным и здоровым образом.

- **Благополучие человека** означает сложное сочетание психических, поведенческих, физических факторов, а также фактора социального здоровья, которые включают в себя наличие положительных эмоций и настроений, отсутствие отрицательных эмоций, общую удовлетворенность жизнью и самореализацией, позитивное функционирование и способность справляться со стрессом и потрясениями.

Ключевые характеристики RISE

RISE — это многогранный подход к многогранной проблеме. Несмотря на то, что она не представляет собой конкретную программу с линейным урегулированием или специальными вмешательствами, она является основой руководящих принципов, а также рекомендаций по планированию и разработке мер, которые можно адаптировать и применять в разных контекстах. Эта основа концентрируется на восьми основных характеристиках.

Включает в себя трансформацию

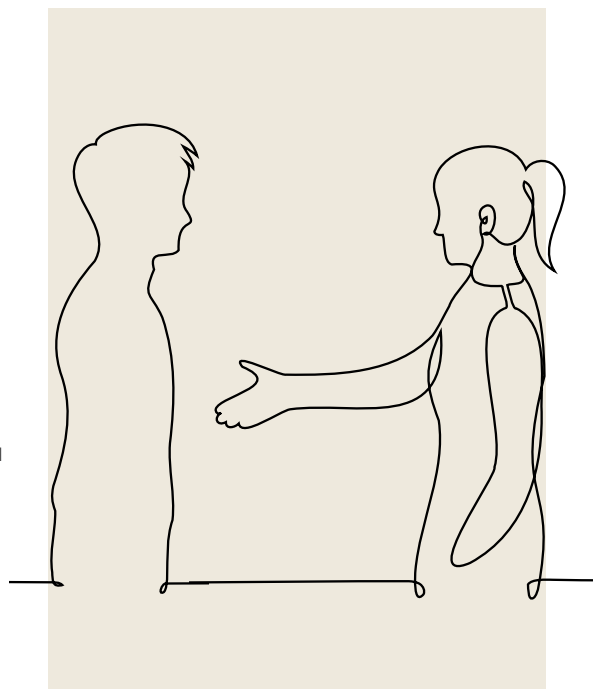
RISE обращается к динамике, которая обманным путем вынуждает людей на индивидуальном, эмоциональном и когнитивном; социальном, реляционном и общинном; а также структурном и политическом уровнях социальной экологии продолжать участие в насильственных действиях экстремистов. Подход нацелен на трансформацию поведения путем поощрения готовности обращаться за помощью и просоциально взаимодействовать с другими. Он направлен на трансформацию идентичности путем возврата к человеческому отношению к другим и принадлежности к альтернативной социальной группе. Он всегда направлен на трансформацию конфликта, увязывая профилактику конфликта с отказом от участия, рассматривая законное недовольство, которое часто способствует насильственным действиям экстремистов, и выстраивая социальный капитал, который устраняет разногласия и объединяет людей.

Фокусируется на изменении моделей поведения

Большинство людей, которые прекращают участие в насильственных действиях экстремистов, делают это по целому ряду причин, и изменение отношения является только одной из них, при этом играющей маргинальную роль в некоторых контекстах.⁵

Таким образом подходы к насильственным действиям экстремистов, направленные исключительно на изменение взглядов, во многих случаях вряд ли приведут к значимым изменениям, создавая серьезные проблемы для мониторинга и оценки программы. Эти подходы не в состоянии создавать альтернативные модели поведения или предложить альтернативную социальную группу. В этих подходах также игнорируется несметное количество контекстов, в которых насильственные идеологии, взгляды и системы убеждений используются в качестве прикрытия для рационализации или оправдания насилия, тогда как на самом деле зачастую более заметны более глубокие обиды и психосоциальные потребности.⁶

Социальные факторы, такие как искренние взаимодействия и заинтересованность в других людях, могут выстроить эмпатию и взаимоотношения, которые косвенным образом бросают вызов нарративам насильственного экстремизма и открывают возможность для перемен. Тот же эффект могут вызывать изменения на структурном уровне, направленные на устранение причин для недовольства, а также выстраивание вовлеченности или снижение неопределенности для людей, прекращающих участие в экстремизме.⁷ Факторы на индивидуальном уровне, такие как выгорание и разочарование в лидерах и первопричины, во многих обстоятельствах также могут играть роль в изменении моделей поведения.⁸

Однако подходы, ориентированные на прямой вызов мировоззрению, скорее вызовут резкий ответ, который может привести к социальному избеганию и укрепить приверженность человека делу, исключая любую возможность для изменения. Вместо стигматизации и изоляции людей во время этих процессов, усилия по отказу от участия, по реабилитации и (ре)интеграции нужно сосредоточить на выявление и устранение барьеров для просоциального взаимодействия: с одной стороны, с людьми, участвующими в экстремистском насилии или симпатизирующими ему, и с другой, — с членами местного сообщества и институтами.

Подход RISE заключается не в том, чтобы игнорировать или потворствовать ненавистным, вытесняющим убеждениям, которые дегуманизируют других людей и усугубляют социальные разногласия. Напротив, речь идет о косвенном вызове этим убеждениям путем концентрации внимания на замене агрессивного, антисоциального поведения здоровым, инклюзивным, которое может продемонстрировать лживость экстремистских нарративов, выстроить взаимоотношения и создать чувство принадлежности.

Признает сложность

Большинство людей, придерживающихся радикальных или экстремальных убеждений, никогда не участвуют в насильственных действиях экстремистов, а многие из тех, кто участвует, руководствуются причинами, не связанными с этими убеждениями.⁹ Процессы, посредством которых люди мобилизуются для участия в насильственных действиях экстремистов, являются сложными и непохожими на другие, а количество путей, ведущих к ним и от них, — бесконечно. Идеология может быть мотивирующим фактором, но чаще всего является лишь одним из многих других. Однако насильственные действия экстремистов по своей сути являются социальными: это форма коллективной деятельности и продукт жизненного опыта в данной социальной среде.¹⁰

Мобилизация в целях насилия происходит в результате взаимодействия калейдоскопа когнитивной, социальной и структурной динамики.¹¹ Социальные и политические причины недовольства, а также психологические и эмоциональные факторы, в том числе травма, виктимизация, безнадежность, неудовлетворенность свободой выбора, человеческие потребности в уважении и признании, как и определенные характеристики поведения и психического здоровья, взаимодействуют с восприятием маргинализации, отчуждения, социального ostracism и изоляции. Это взаимодействие может изменить взаимоотношения индивида с идентифицируемыми группами, часто приводя к тому, что люди смешивают групповую самоидентификацию с самоощущением и возвращают свою готовность идти на огромные жертвы ради того, что они считают самозащитой и групповой защитой.¹² Люди развиваются в качестве очень социальных существ, и наша социальная идентичность взаимодействует с глубоко укоренившимися реакциями и активирует их. Угрозы групповой идентичности и статусу могут вызвать глубокую защитную реакцию, в том числе в некоторых случаях насилие или дегуманизацию тех, кто считается угрозой.¹³

Акцент на вмешательствах, осуществляемых под руководством общин

Активное местное участие необходимо для развития чувства сопричастности, а также для разработки и реализации устойчивых и эффективных программ. Привлечение лиц, играющих ключевую роль в местном сообществе, к этапу оценки и планирования может помочь в создании программ, учитывающих неравенство позиций групп в этом сообществе. Знание местных особенностей также может помочь сформировать каналы связи, укрепить доверие и развить партнерские отношения между местными культурными или религиозными лидерами, поставщиками услуг в области психического

и поведенческого здоровья, а также ключевыми государственными и правоохранительными органами. В свою очередь, эти партнерские отношения могут помочь в улучшении и развитии программ с большей культурной компетентностью, местным резонансом и влиянием. (Этот вопрос более полно рассматривается ниже, см. «Почему местные сообщества имеют центральное значение для RISE?» на стр. 23.)

Отходит от исключительности насильственных действий экстремистов

Насильственные действия экстремистов являются только одним из многих неблагоприятных результатов, являющихся следствием знакомой совокупности факторов риска и социальной экологии. В литературе, посвященной вопросам преступности, участия в группировках, пагубного употребления наркотиков, зависимости, членовредительства, насилия со стороны близкого партнера, плохого состояния здоровья, неустойчивости, а также других форм политической нестабильности и насильственных конфликтов, освещаются темы, аналогичные тем, которые встречаются в исследованиях насильственного экстремизма. Темы социального отторжения, маргинализации, травмы, отсутствия свободы выбора и доступа к услугам, неравенства, относительной испорченности и нестабильного управления являются характеристиками многих форм проблем общинного и поведенческого здоровья. Врачи-практики в области общественного здравоохранения обладают измеряющимся десятилетиями опытом применения социально-экологических вмешательств, в которых используются отправные точки воздействия на отдельных лиц, социальные структуры, сообщества и институты с целью предотвращения насилия и изменения моделей поведения. RISE отходит от исключительности насильственных действий экстремистов, рассматривая их по аналогии с другими формами насилия. Для борьбы с этим конкретным его проявлением подход RISE опирается на широкий спектр научно-практических работ, относящихся к другим формам насилия и насильственных конфликтов.

Это «улица с двусторонним движением»

Насильственные действия экстремистов являются результатом взаимозависимости динамики на индивидуальном, отношенческом, общинном и социальном уровне: другими словами на уровне *социальной экологии*. Соответственно, отказ от участия, реабилитация и (ре)интеграция включают в себя изменения среди (ре)интегрирующихся людей, а также изменения среди затронутых сообществ, структур и институтов, которые способствуют сохранению причин для недовольства, социальной изоляции и насилия.

Социально-экологические модели иллюстрируют влияние факторов одного уровня на факторы других уровней. Врачи-практики в области общественного здравоохранения используют социально-экологические подходы, оказывающие давление на каждом уровне для повышения эффективности, устойчивости и области влияния вмешательств, предназначенных для решения сложных социальных проблем и проблем в области здравоохранения, включая профилактику насилия. RISE применяет тот же подход, чтобы высветлить потенциальные отправные точки, которые можно эффективно использовать одновременно на нескольких уровнях социальной экологии. Понимание ряда факторов, которые могут возводить барьеры на пути прекращения участия в насилии и насильственном экстремизме, позволяет программам учитывать когнитивную, поведенческую, реляционную, социальную, общественную, системную и структурную динамику, которая обманом заставляет людей продолжать участие в насильственных действиях экстремистов.

Применяет принцип снижения вреда

Подходы к снижению вреда сводят к минимуму риск и наращивают потенциал за счет смещения акцента с отдельных лиц на социальные ситуации, в которых они находятся. Эти подходы за счет применения низкопорогового доступа к услугам и восходящих альтернатив для решения сложных социальных проблем и проблем в области здравоохранения направлены на минимизацию неблагоприятных последствий моделей поведения с высокой степенью риска. Они также предлагают прагматичные и гуманные стратегии, которые начинаются с проверки жизненного опыта и встречи с людьми там, где они находятся; снижение вреда является подходом к общественному здравоохранению, известным (если не по названию, то на практике) многим миростроителям, и может связать компоненты мира и здравоохранения с ответом на насильственные действия экстремистов.

Использует язык, ориентированный на человека

Заимствуя передовой опыт в области общественного здравоохранения, уголовного правосудия и социальной работы, RISE признает неврологическое влияние языка и его структур на формирование восприятия и социальных установок, регуманизацию маргинализированных групп, снижение бремени социального отторжения, предоставление возможностей для социального обучения и оспаривания разобщающих нарративов, вызывающих недовольство. Такие слова, как *террорист* или *экстремист*, вызывают у нас негативную реакцию, поскольку ассоциируются с конфликтом и насилием. Никто не хочет вступать в контакт с террористом или экстремистом. В отличие от ретроспективного языка, который подчеркивает конфликт и ответственность, для примирения требуется язык, ориентированный на будущее, который визуализирует будущее, признает взаимную ответственность и поощряет самоанализ идентичности группы, а затем расширяет ее. Учитывая важность просоциального поведения в процессе прекращения участия и во время реабилитации, данное руководство к действию считает человека важнее ярлыка: в частности, во фразе *(ре)интегрирующиеся люди*, чтобы избежать усиления той самой идентичности, которую люди должны преобразовать.

Блок I.1. Почему во фразе «(ре)интегрирующиеся люди» используются круглые скобки?

В данном руководстве к действию фраза «(ре)интегрирующиеся люди» используется в качестве обобщающего термина для обозначения комплексной категории людей, реинтегрирующихся в местные сообщества и примиряющихся с ними после демобилизации или выхода из групп воинствующих экстремистов, отказа от участия в насильственных действиях экстремистов или выходящих из конфликта с воинствующими экстремистами. Круглые скобки указывают на то, что этот термин может применяться как к людям, которые повторно интегрируются в сообщество, так и к тем, кто это делает впервые, а именно к людям, которые возвращаются в свои родные сообщества или прекращают там свое участие в экстремизме; к людям, которые, возможно, вообще никогда не были полностью интегрированы в него и к людям, которые отказываются от участия в экстремизме в сообществе, не являющемся их домом.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ RISE?

По отдельности и совместно, ключевые характеристики подхода RISE отличают его от других подходов к борьбе с насильственными действиями экстремистов.

RISE в сравнении с борьбой с терроризмом

Борьба с терроризмом представляет собой ряд политических и практических мер, в первую очередь определяемых императивами безопасности и правового принуждения. В силу исторических обстоятельств, подходы к борьбе с терроризмом рассматривают влияние насильственных действий экстремистов на национальную оборону и уголовное правосудие, часто уделяя минимальное внимание благополучию (ре)интегрирующихся людей и затронутых сообществ. Однако в отсутствие реформ, направленных на повышение благосостояния, подходы к борьбе с терроризмом могут поддержать хищнические государственные аппараты и способствовать сохранению побуждающих факторов, лежащих в основе насильственных действий экстремистов, и в то же время, в лучшем случае, упустить уникальные возможности для создания более устойчивых и здоровых сообществ. Поскольку RISE отходит от исключительности насильственных действий экстремистов, это позволяет исполнителям и заинтересованным сторонам шире рассматривать индивидуальное и общественное благополучие, предпринимая ряд действий (таких как запуск социально-экологических вмешательств, предоставление информированной помощи при травматическом эпизоде, участие в практиках уменьшения социального отторжения, а также предложение поведенческой, психической здравоохранительной и психосоциальной поддержки для улучшения доступа к медицинскому обслуживанию); поощряя активное обращение за медицинской помощью и наращивая потенциал сообщества, его благополучие и устойчивость. В конечном итоге, RISE не стремится игнорировать требования безопасности и правоохранительных органов, но вместо этого внедряет реформы, которые создают, поддерживают и сохраняют более стойкие сообщества, способные устойчиво (ре)интегрировать людей, прекращающих участие в насильственных действиях экстремистов.

«RISE не стремится игнорировать требования безопасности и правоохранительных органов, но вместо этого внедряет реформы, которые создают, поддерживают и сохраняют более стойкие сообщества».

RISE в сравнении с П/ПНЭ

Подобно борьбе с терроризмом, П/ПНЭ представляет собой ряд политических и практических мер, в первую очередь определяемых императивами безопасности и правового принуждения. В то время как борьба с терроризмом сосредоточена преимущественно на вторичном предотвращении (то есть на вмешательствах, направленных после выявления причастных к ней субъектов на замедление или прекращение насильственной экстремистской деятельности),

П/ПНЭ постепенно эволюционировала, включив в себя ряд превентивных практик в различных глобальных контекстах. К ним относятся первичные практики (выстраивание устойчивости к насильственным действиям экстремистов до того, как они произойдут), вторичные и третичные практики (реабилитация тех, кто пострадал от насильственных действий экстремистов или принимал в них участие, и снижение рисков рецидивизма). В рамках полного спектра действий по П/ПНЭ, RISE фокусируется на третичной стороне, а именно на людях, которые уже участвовали в насильственных действиях экстремистов и на тех, кто испытал их на себе, стал их свидетелем, подстрекал к ним или причинял вред. Этот вред влияет на модели поведения, мышление и взаимоотношения, а также создает проблемы, отличные от возникающих у людей, не участвовавших в насильственных действиях экстремистов. В подходе RISE, предотвращение и прекращение участия в насильственных действиях экстремистов являются не двумя отдельными точками на противоположных концах континуума, а целостно связанными. Вместе они замыкают круг и прерывают цикл насильственных действий экстремистов.

RISE в сравнении с дерадикализацией

RISE фокусируется на насильственном поведении, тогда как традиционные усилия по дерадикализации сосредоточены, в первую очередь, на индивидуальных убеждениях, идеологиях и установках.¹⁴ Многие из этих усилий контролируют идеологию и мышление, и при этом рискуют ограничить свободу выражения мнений и свободу вероисповедания, криминализируя по сути субъективную совокупность верований. Подходы к дерадикализации часто основываются на предположении о том, что поведение является результатом мировоззрения и убеждений, а не на признании того, что к участию в насильственных действиях экстремистов людей побуждают многие факторы, в том числе проблемы с поведенческим здоровьем, такие как травмы, социальное отторжение, отчуждение и изоляция. Принуждение кого-либо изменить свое мировоззрение чрезвычайно сложно и требует наличия больших ресурсов, а также может заставить их еще больше погрузиться в свою систему убеждений и укрепить свою приверженность делу. RISE борется с пагубными и пропагандирующими ненависть убеждениями, отдавая приоритет вмешательствам, которые поддерживают поведенческое здоровье и социальное благополучие.

«В подходе RISE, предотвращение и прекращение участия в насильственных действиях экстремистов являются не двумя отдельными точками на противоположных концах континуума, а целостно связанными. Вместе они замыкают круг и прерывают цикл насильственных действий экстремистов».

ПОЧЕМУ МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА ИМЕЮТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ RISE?

RISE отдает приоритет вмешательствам, проводимым на местном уровне, и поощряет принцип «местной собственности». Местные сообщества могут создавать программы с учетом культурной специфики, опирающиеся на местный потенциал и вызывающие волновые эффекты, которые оказывают положительное влияние на более широкие цели здравоохранения и безопасности сообщества. Подходы на уровне сообщества могут позволить сообществам оказать поддержку и заботу другим людям способами, создающими благоприятную почву для восстановления и устойчивости.

Хотя иностранные эксперты могут быть полезны сообществам, они никогда не должны быть движущей силой местных вмешательств по причинам, обусловленным культурой, потенциалом и устойчивостью.

Культура. Каждая культура и контекст уникальны, и местные жители лучше всех знают, какие ресурсы и потребности существуют в их сообществе, которые могут способствовать или препятствовать (ре)интеграции. Посторонние люди, действующие из лучших побуждений, могут не владеть местными языками; не знать религиозных и культурных традиций; экономического, политического и социального контекста; а также истории. Когда местные сообщества выражают заинтересованность в программе, предоставляя информацию и консультации по приоритетам, политике, бюджетам и программам, можно точнее скорректировать вмешательства, чтобы они соответствовали ценностям, нормам и ритуалам местного сообщества. Программу RISE целесообразно представить на том языке, в той формулировке и в тех действиях, которые знакомы членам сообщества и находят у них отклик. Когда программы предлагаются способом, который находит отклик и создает поддержку сообщества, вмешательства могут охватить те части сообщества, которые при других обстоятельствах могли остаться незадействованными, и устранить многие барьеры, с которыми сталкиваются люди в маргинализированных группах, в том числе те, кто прекращает участие в насильственных действиях экстремистов.

Потенциал. Местные сообщества могут быть движущей силой собственного здоровья, благополучия, изменений и социальной справедливости. Во многих ситуациях, где RISE является актуальным подходом, руководители местных органов власти, просветительской деятельности, религиозные деятели, медицинские работники, социальные работники и другие живут в своем сообществе и понимают его. Также они часто находятся в положении, которое будет обуславливать необходимость регулярных взаимодействий с (ре)интегрирующимися людьми, и могут обладать властью, позволяющей облегчить процесс (ре)интеграции посредством предоставления контролируемых ими ресурсов. Это ключевые заинтересованные стороны. В условиях нехватки таких ресурсов, в частности, медицинских и социальных работников, программа RISE делает акцент на эффективном использовании общинных или традиционных практик, которые часто претерпевали изменения с тем, чтобы справиться с многими аналогичными проблемами, с которыми сталкиваются богатые ресурсами места, способами, выдвигающими местные сильные стороны на передний план. RISE также придает особое значение предоставлению местным сообществам необходимой подготовки и ресурсов для решения этих сложных проблем, одновременно работая в рамках устойчивых практик.

Устойчивость. Иностранные интервенции стоят дороже и зависят от посторонних людей, приезжающих в сообщества, что, в свою очередь, может привести к локальной подвластности или чрезмерной зависимости от постоянного иностранного присутствия и финансирования, а не к принятию более устойчивых моделей. Местные члены сообщества лучше подходят для разработки программ в рамках долгосрочных финансовых средств сообщества и для создания местных знаний, которые могут поддерживать примирение даже после израсходования финансирования первоначальной программы.

Кого следует привлекать?

Слишком часто консультации с сообществом представляют собой упражнение «для галочки», к которым привлекается лишь горстка представителей элиты, часто мужской половины гражданского общества.¹⁵ Это не соответствует поставленным целям.

Участие сообщества должно включать в себя следующие заинтересованные стороны:

- **Разных членов сообщества.** Даже в, казалось бы, однородном сообществе существуют разные переживания, взгляды и социальные разногласия. Люди разного гендера, возраста, социально-экономического класса, уровня образования, цвета кожи и других маркеров идентичности могут преподнести уникальные перспективы и потенциал.
- **Лидеров сообщества и творцов общественного мнения.** Люди с многочисленными социальными связями или играющие руководящие роли в таких областях, как религия и образование, могут стимулировать заинтересованность сообщества в разработке программы RISE.
- **Членов семей (ре)интегрирующихся людей.** У членов семей есть серьезная заинтересованность в процессе RISE. Их вклад является существенным для формирования успешных программ.
- **Коллег (ре)интегрирующихся людей.** Коллеги могут иметь существенное влияние на людей, прекращающих участие в экстремистской деятельности. Их вклад в каждую фазу вмешательства может быть неоценимым.
- **Субъектов местных и национальных правительств.** В идеале, представители местной власти должны поддерживать и играть центральную роль в процессе RISE. Представители центральной власти могут обладать необходимыми ресурсами для запуска программы.
- **Местное гражданское общество, медицинские организации и организации, действующие на уровне общины.** Местные организации могут обладать опытом, представляющим интерес для процесса RISE. У них могут быть программы, связанные с уменьшением других форм насилия и устойчивостью сообщества. Местные поставщики услуг здравоохранения играют решающую роль в предоставлении услуг по охране психического здоровья и восстановления после травмы.
- **Органы безопасности и правоохранительные органы.** Субъекты безопасности играют сложную роль. Сотрудничество программ RISE с органами безопасности должно быть крайне взвешенным, чтобы избежать внесудебного преследования и наблюдения за (ре)интегрирующимися людьми и их семьями, чтобы воздерживаться от расширения полномочий злоупотребляющих своими полномочиями или хищнических сил безопасности, чтобы защищать частную жизнь (ре)интегрирующихся людей, и гарантировать легитимность организаций гражданского общества как независимых и полезных для социального благополучия местных сообществ.

К этим заинтересованным сторонам сообщества должны присоединиться, но не управлять ими или иным образом главенствовать над ними, национальные и международные технические эксперты, которые могут делиться соображениями о научно-обоснованном передовом опыте, оценке и разработке программ, мониторинге и оценке других ситуаций. Внешние эксперты могут предоставить уникальную точку зрения, дополняющую, но не заменяющую местное руководство процессом RISE.

Что требуется для конструктивного участия сообщества в RISE?

В RISE местное участие выходит за рамки пассивного участия сообщества, при котором его членам сообщают о том, что произойдет, или же с ними кратко консультируются, но при этом у них практически нет возможностей для формирования вмешательств. Вместо этого члены сообщества активно задействованы в программе на протяжении всего ее жизненного цикла, от оценки до разработки, внедрения и итогового анализа, а также мониторинга на каждом этапе программы.

ЭТАП 1

Первым этапом любого процесса RISE является *оценка* местной специфики и ее уникальных потребностей. Все установленные ключевые заинтересованные стороны должны принимать участие в оценке. В идеале местная общественная организация будет проводить оценку с использованием установленной методологии, такой как совместное исследование действий, которое подразумевает, что ключевые местные заинтересованные стороны определяют вопросы исследования и самостоятельно проводят его. Комитеты программы на базе общины, состоящие из указанных ключевых заинтересованных сторон, могут оказать решающую поддержку программам, сопоставляя существующие ресурсы, потенциал и активы в рамках сообщества, а также оценивая потребности и динамику конфликта. Такая оценка может определить различные заинтересованные стороны и партнеров, место их нахождения и то, какие источники власти или ресурсы они могут принести.

ЭТАП 2

Следующий этап состоит в *разработке* вмешательства — серии проектов, — направленных на удовлетворение уникальных потребностей и культурных сред, выявленных в ходе оценки. Принцип «местной собственности» может обеспечить соответствие стратегий вмешательства местным языкам, ценностям и нормам. Затем местные лидеры и творцы общественного мнения могут играть ведущую роль в разъяснении структуры процесса RISE остальным членам сообщества.

ЭТАП 3

Процесс разработки заключается в распределении разных ролей между всеми основными заинтересованными сторонами в сообществе на третьем этапе, а именно во время *реализации*. Если эти роли должны дополнять друг друга, для реализации также требуется механизм координации, способный в ходе процесса координировать усилия широкого круга субъектов сообщества для поддержки как (ре)интегрирующихся людей, так и более широкого сообщества.

ЭТАП 4

Четвертым и заключительным этапом является *анализ*. Заинтересованные стороны сообщества имеют все шансы стать «глазами и ушами» вмешательства, определяя как желаемый эффект вмешательства, так и его непреднамеренные последствия.

Глубокий анализ проводится на заключительном этапе, но *мониторинг и оценка* (МиО) должны присутствовать на каждой фазе жизненного цикла программы и необходимы для безопасности сообщества. Непрерывный МиО также может помочь предотвратить бесполезную трату ресурсов, если программа не работает должным образом, позволяя руководителям программы выявлять ее недостатки и вносить изменения для их устранения.

КАК РАЗРАБАТЫВАЛОСЬ ДАННОЕ РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Разработка этого руководства к действию отражает идею отделения насильственных действий экстремистов от других форм насилия и конфликтов, объединяя в течение трех лет широкий круг экспертов и специалистов. Структура руководства впервые была сформулирована в 2020 году Крисом Босли и Линн Эрдберг Штедман из United States Institute of Peace (Институт мира США).¹⁶ Вместе эти фундаментальные публикации представляют собой обзор исчерпывающих доказательств и литературы, сформировавших концептуальный и теоретический этос подхода RISE.

Авторы руководства были выбраны на основании их опыта применения подходов к миростроительству для решения проблемы насильственных действий экстремистов. Также авторов выбрали за их опыт в области разрешения конфликтов и примирения; а также их экспертных знаний поведенческой науки о насильственных конфликтах, насилии в обществе и реинтеграции комбатантов. (Биографии авторов представлены в конце данного руководства).

Содержание руководства было собрано во время проведения серии семинаров, в которых приняли участие эксперты-практики в области целого ряда разнонаправленных дисциплин, относящихся к рассматриваемым вопросам и темам. На каждом семинаре, проводимом под руководством тематического консультанта, освещались последние исследования, передовой опыт и концептуальные достижения, относящиеся к конкретному модулю данного руководства. Нарботки, идеи и опыт, которыми поделились участники семинаров, легли в основу содержания данного руководства. (Эти эксперты указаны в благодарностях в конце данного руководства).

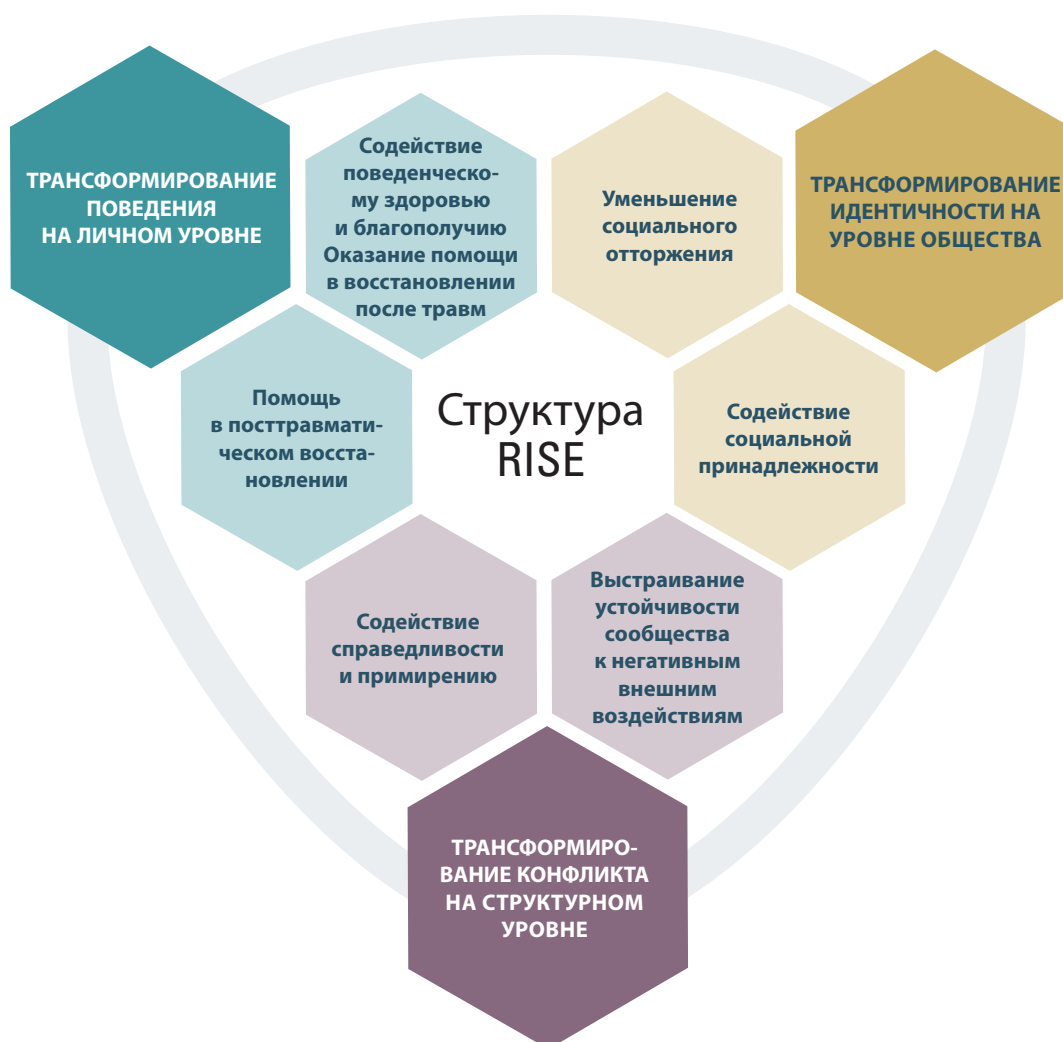
Каждый семинар проводился одним или двумя тематическими консультантами, являющимися всемирно известными экспертами в своей области. Их исследование предоставило доказательную базу, обеспечившую соответствие содержания руководства современному уровню знаний. Эти консультанты отрецензировали содержание и рекомендации, предлагаемые в этом руководстве, и внесли крайне важный вклад в обеспечение их достоверности.

«Разработка этого руководства к действию отражает идею отделения насильственных действий экстремистов от других форм насилия и конфликтов».

КАК ОРГАНИЗОВАНО ЭТО РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Руководство к действию разделено на три части, каждая из которых содержит по два модуля. Каждая часть охватывает определенное измерение динамики отказа от участия, динамики реабилитации и (ре)интеграции: индивидуальное, социальное и структурное. Следует подчеркнуть, что это деление никоим образом не является четко выраженным; имеет место существенное взаимное наложение между тремя частями; а читателям во время разработки и реализации программы рекомендуется помнить о социальной экологии в целом. Точно так же, хотя каждый модуль в некоторой степени и является самостоятельным, читателям рекомендуется ознакомиться со всеми шестью модулями, поскольку каждый содержит элементы, которые важно учитывать в большинстве случаев.

Рис. I.2. Структура RISE

Какие вопросы охватывают шесть модулей

Каждый модуль посвящен одному из шести компонентов структуры RISE. Как показано на рисунке 1.2, эта структура является не линейной, а модульной, состоящей из взаимосвязанных элементов, которые влияют друг на друга и основываются друг на друге. Практики, использующие подход RISE, могут отдать предпочтение сосредоточению своей деятельности только на части структуры, например, на разработке и реализации программы для уменьшения социального отторжения в местном сообществе, или же могут использовать несколько, или даже все части структуры.

ЧАСТЬ

1

Модуль 1: Содействие поведенческому здоровью и благополучию. Проблемы с поведенческим здоровьем часто создают препятствия для RISE. Модуль 1 ориентирован на снижение барьеров для просоциальной вовлеченности путем изучения того, как сообщества могут содействовать поведенческому здоровью и благополучию, эффективно применяя измеряемый десятилетиями опыт общественного здравоохранения, используя положительные ресурсы сообщества для изменения поведения, а также поощряя активное обращение за помощью и просоциальное поведение.

Модуль 2: Помощь в посттравматическом восстановлении. Травма является препятствием для RISE. Модуль 2 снижает барьеры для просоциальной вовлеченности, исследует как сообщества могут содействовать восстановлению после травмы. Травма может быть связана с насильственными действиями экстремистов множеством разных способов: травма может способствовать первоначальной мобилизации человека в насильственные действия экстремистов; насильственные действия экстремистов могут подвергать человека травмирующим событиям как потерпевшего, свидетеля или преступника; а также травма может быть связана со стыдом, беспомощностью и изоляцией того, кто (ре)интегрируется в сообщества, которые могут неохотно принимать обратно такого человека. К ответным неблагоприятным реакциям на травму можно отнести социальное избегание, а также трудности с доверием или формированием отношений и социальных связей, где оба эти фактора могут возводить значительные препятствия на пути к прекращению участия в экстремизме, во время реабилитации и примирения.

ЧАСТЬ

2

Модуль 3: Уменьшение социального отторжения. Социальное отторжение является препятствием для RISE. Модуль 3 снижает барьеры для просоциальной вовлеченности, исследуя то, как сообщества могут уменьшить социальное отторжение по отношению к (ре)интегрирующимся людям и более широким социальным группам, с которыми они себя отождествляют. В области общественного здравоохранения, уголовного правосудия и социальной работы десятилетиями разрабатывались стратегии уменьшения социального отторжения по отношению к группам населения, вовлеченным в поведение с высокой степенью риска или девиантное поведение. Суть RISE заключается в регуманизации — регуманизации не только общества в глазах тех, кто прекращает участие в насилии, но также регуманизации этих людей в глазах общества с тем, чтобы открыть возможности в сообществах, в которых просоциальная вовлеченность может происходить безопасно и искренне.

Модуль 4: Содействие социальной принадлежности. Социальная изоляция является препятствием для RISE. Модуль 4 снижает барьеры для просоциальной вовлеченности, исследует, как сообщества могут содействовать социальному взаимодействию. Разнообразие социальных связей является защитным фактором от различных последствий насильственных и антисоциальных действий, включая в себя вовлеченность в насильственные действия экстремистов. Устойчивое, позитивное, инклюзивное взаимодействие между людьми, прекращающими участие в насильственных действиях экстремистов, и их сообществами может изменить отношения, развить эмпатию, стимулировать социальное обучение, регуманизировать других, способствовать примирению, создать чувство принадлежности и предложить альтернативную идентичность.

Модуль 5: Содействие справедливости и примирению. Восприятие вреда и несправедливости является препятствием для RISE. Модуль 5 исследует, как сообщества могут снизить барьеры для просоциальной вовлеченности путем содействия справедливости и примирению. Сообщества, пострадавшие от насильственных действий экстремистов, могут злиться на тех, кто прекращает участие в насильственных действиях экстремистов, и ощущать себя преданными ими, что может закрыть возможности для возникновения значимой просоциальной вовлеченности. Общинные ритуалы и процессы искупления, исцеления и примирения могут задать траекторию для совместного движения вперед.

Модуль 6: Выстраивание устойчивости сообщества к негативным внешним воздействиям.

Системные, структурные и экологические стрессоры и потрясения являются препятствиями для RISE. Модуль 6 исследует, как сообщества могут снизить барьеры для просоциальной вовлеченности, выстраивая устойчивость. Люди, прекращающие участие в насильственных действиях экстремистов, часто делают это в тех же условиях, которые изначально способствовали их вовлеченности в такие действия. Взаимодействие с одними и теми же социальными структурами; соприкосновение с одними и теми же политическими и социальными системами, структурами и нормами; а также доступ к одним и тем же источникам информации обеспечит аналогичный жизненный опыт. Выстраивание устойчивости включает в себя вмешательства, которые обеспечивают защиту людей от потрясений или стрессов, способствующих такому опыту, объединяют людей для противостояния этим потрясениям или стрессам, а также преобразовывают факторы, которые могут быть их причиной.

Какова структура модулей?

Все модули состоят из одинаковых разделов:

- **Небольшой рассказ.** Небольшой вступительный рассказ, являющийся вымышленным, но реалистичным примером того, как можно применить модуль к (ре)интегрирующимся людям в конкретном контексте.
- **Выводы.** Краткое описание модуля, включающее объяснение теории изменения, лежащей в основе этого модуля, а также того, какое место его тема занимает в подходе RISE.
- **Ключевые понятия.** Определения ключевых понятий, используемых в модуле.
- **Обоснование действия.** Доказательный обзор основных моментов, объясняющий связь модуля с насильственными действиями экстремистов и с RISE.
- **Как предпринять действия.** Раздел, в котором обрисовывается как ряд конкретных способов практического применения программ, так и вмешательства, которые специалисты-практики и организации-исполнители могут применить для реализации этоса RISE, а также включает рекомендации по планированию и разработке, вмешательствам и мероприятиям, а также мониторингу и оценке.
- **Примеры.** Примеры и истории с места событий, иллюстрирующие то, как некоторые из ключевых тем модуля могут выглядеть на практике.
- **Источники.** Аннотированный список дополнительных источников, которые могут помочь программам при реализации элементов модуля.

ЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТ ЭТО РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Данное руководство задумывалось как средство содействия местным ключевым заинтересованным сторонам в ситуациях, относящихся к людям, прекращающим участие в насильственных действиях экстремистов и реинтегрирующимся в местные сообщества. Сопутствующие процессы включают в себя, помимо прочего, репатриацию; административные процедуры, связанные с первичной обработкой, проверкой биографических данных или оценкой рисков и потребностей, а также организацией рассмотрения дела; и решения органов обвинения.¹⁷ Данное руководство не рассматривает эти процессы, а направлено на поддержку (ре)интеграции людей, выходящих из контекстов насильственного экстремизма, обратно в местные сообщества.

Соответственно это руководство к действию не рассматривает условия содержания под стражей (а именно учреждения, в которых правоохранительные органы содержат лиц, содержащихся под стражей, в тюрьме или в исправительных учреждениях), которые создают особые проблемы прекращению участия в насильственных действиях экстремистов. Руководство также не предназначено для содействия правоохранительным или судебным органам в принятии решений о том, кого и как следует преследовать за преступления, связанные с терроризмом. Уголовное преследование и взятие под стражу, безусловно, может быть уместным во многих случаях, но RISE не решается давать представление об определении рисков, организации рассмотрения дел или классификации. Руководство признает, что (ре)интегрирующиеся люди могут представлять собой сложные комбинации преступника и жертвы, с распутыванием которых у систем правосудия могут возникнуть трудности. Многие (ре)интегрирующиеся люди также могут и не быть хорошими кандидатами для уголовного преследования или взятия под стражу по целому ряду причин, таких как проблемы со сбором доказательств в районах боевых действий за границей при соблюдении юридических и доказательных стандартов. В настоящем руководстве рассматриваются проблемы, связанные с людьми, (ре)интегрирующимися в местные сообщества либо сразу после периода участия в насильственных действиях экстремистов, либо после отбытия наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с экстремизмом.

В этом руководстве к действию также не рассматриваются проблемы развития, благосостояния и защиты детей при выходе из вооруженных экстремистских конфликтов. Тем не менее определение и удовлетворение этих особых потребностей имеет жизненно важное значение. Эксперты в области развития, защиты, социализации и благополучия детей могут проследить за тем, чтобы программы отказа от участия, по реабилитации и (ре)интеграции внимательно относились к уникальным потребностям детей при выходе из насильственных экстремистских конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Более подробную информацию см. в: John Horgan, «Deradicalization Programs: Recommendations for Policy and Practice», Policy Note, RESOLVE Network, август 2021, <https://resolvenet.org/research/deradicalization-programs-recommendations-policy-and-practice>.
- 2 Недавний обзор расходов США на борьбу с терроризмом см. в Stimson Study Group, Counterterrorism Spending: *Protecting America while Promoting Efficiencies and Accountability* (Washington, DC: Stimson Center, 2018). Обзор потерь среди гражданского населения и возможных последствий, связанных с программой беспилотников США, см. в Naureen Shah et al., *The Civilian Impact of Drones: Unexamined Costs, Unanswered Questions* (New York: Center for Civilians in Conflict and Human Rights Clinic at Columbia Law School, 2012).
- 3 William Stephens, Stijn Sieckelinck, and Hans Boutellier, «Preventing Violent Extremism: A Review of the Literature», *Studies in Conflict and Terrorism* 44, no. 4 (2021); Isabella Pistone et al., «A Scoping Review of Interventions for Preventing and Countering Violent Extremism: Current Status and Implications for Future Research», *Journal for Deradicalization* 19 (весна 2019). Подробнее о взглядах сообщества на программы ПНЭ (противодействия насильственному экстремизму), в том числе направленные на перспективы реинтеграции, см. в Tarela Juliet Ike et al., «Community Perspectives of Former Terrorist Combatants, Militants and Reintegration Programmes in Nigeria: A Systematic Review», *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression* 14, no. 2 (2022): 142–168; Vanda Felbab-Brown, «In Nigeria, We Don't Want Them Back: Amnesty, Defectors' Programs, Leniency Measures, Informal Reconciliation, and Punitive Responses to Boko Haram», in *The Limits of Punishment: Transitional Justice and Violent Extremism*, ed. Vanda Felbab-Brown et al. (Токио: Университет Организации Объединенных Наций, 2018), 83–125.
- 4 Подробную информацию о связях между отношением и поведением см. James Khalil, John Horgan, and Martine Zeuthen, «The Attitudes-Behaviors Corrective (ABC) Model of Violent Extremism», *Terrorism and Political Violence* 34, no. 3 (2022).
- 5 Подробнее о причинах, побуждающих людей прекратить участие в насильственных действиях экстремистов, см. в Mary Beth Altier et al., «Why They leave: An Analysis of Terrorist Disengagement Events from Eighty-Seven Autobiographical Accounts», *Security Studies* 26, no. 2 (2017): 319–121; Kate Barrelle, «Pro-integration: Disengagement from and Life After Extremism», *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression* 7, no. 2 (2015): 132–133; Tore Bjørgo and John Horgan, eds., *Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement* (New York: Routledge, 2009).
- 6 Подробнее об пределах охвата программ по противодействию пропаганде в социальных сетях см. в Nafees Hamid, «Don't Just Counter-Message; Counter-Engage» (The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 28 ноября 2018 г.). Подробнее об основаниях для недовольства см. в Ahmed Ajil, «Politico-ideological Violence: Zooming in on Grievances», *European Journal of Criminology* 19, no. 2 (2022): 304–321. О потребностях см. Sarah V. Marsden, *Reintegrating Extremists: Deradicalisation and Desistance* (London: Palgrave Macmillan, 2017); Ervin Staub, *Overcoming Evil: Genocide, Violent Conflict, and Terrorism* (Oxford: Oxford University Press, 2010); Arie W. Kruglanski et al., *The Three Pillars of Radicalization: Needs, Narratives, and Networks* (Oxford: Oxford University Press, 2019).
- 7 О неопределенности и снижении неопределенности см. J. M. Berger, *Extremism* (Cambridge, MA: MIT Press, 2018); James Khalil et al., *Journeys through Extremism: The Experiences of Forced Recruits in Boko Haram* (Washington, DC: RESOLVE Network, 2022). <https://doi.org/10.37805/cbags2022.2>
- 8 См. Mary Beth Altier, Christian N. Thoroughgood, and John G. Horgan, «Turning Away from Terrorism: Lessons from Psychology, Sociology, and Criminology», *Journal of Peace Research* 51, no. 5 (сентябрь 2014): 647–661; John Horgan et al., «Walking Away: The Disengagement and De-radicalization of a Violent Right-wing Extremist», *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression* 9, no. 2 (2017): 63–77; Joshua Ronald Gubler, Eran Halperin, and Gilad Hirschberger, «Humanizing the Outgroup in Contexts of Protracted Intergroup Conflict», *Journal of Experimental Political Science* 2, no. 1 (2015): 36–46.
- 9 Bart Schuurman and Max Taylor, «Reconsidering Radicalization: Fanaticism and the Link between Ideas and Violence», *Perspectives on Terrorism* 12, no. 1 (2018): 3–22.

- 10 Подробнее о насильственных действиях экстремистов как коллективном действии см. Laura G.E. Smith, Leda Blackwood, and Emma Thomas, «The Need to Refocus on the Group as the Site of Radicalization,» *Perspectives of Psychological Science* 15, no. 2 (March 2020): 328, 335.
- 11 Более подробно о сложности насильственных действий экстремистов см. в Noémie Bouhana, «The Moral Ecology of Extremism, A Systemic Perspective,» UK Commission for Counter Extremism, июль 2019, 14–15, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/834354/Bouhana-The-moral-ecology-of-extremism.pdf; Magnus Ranstorp, «The Root Causes of Violent Extremism,» Issue Paper, RAN Centre of Excellence, апрель 2016, 3, https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/ran-papers/docs/issue_paper_root-causes_jan2016_en.pdf.
- 12 Подробнее о том, как социальный остракизм и кризис идентичности могут способствовать участию в насильственных действиях экстремистов см. в Clara Pretus et al., «Neural and Behavioral Correlates of Sacred Values and Vulnerability to Violent Extremism,» *Frontiers in Psychology* 9 (декабрь 2018): 1–12; Scott Atran, «The Devoted Actor: Unconditional Commitment and Intractable Conflict across Cultures,» *Current Anthropology* 57, no. 13 (June 2016): S197.
- 13 Подробнее о нейробиологии групповой принадлежности и насильственных действиях экстремистов см. в Michael Niconchuk, «Towards a Meaningful Integration of Brain Science Research in P/CVE Programming,» in *Contemporary P/CVE Research and Practice*, ed. Lilah El Sayed and Jamal Barnes (Joondalup, AUS: Hedayah and Edith Cowan University, 2017), 20–41. Подробнее о психологии дегуманизации см. в Jeroen Vaes et al., «Seven Clarifications on the Psychology of Dehumanization,» *Perspectives on Psychological Science* 16, no. 1 (2021): 28-32. Подробнее о триггерах защитных реакций см. в Pretus et al. «Neural and Behavioral Correlates.»
- 14 См., например, Mary Beth Altier, *Violent Extremist Disengagement and Reintegration: Lessons from Over 30 Years of DDR* (Washington, DC: RESOLVE Network, 2021). Больше дискуссий по термину *дерадикализация* и сопутствующую литературу см. в «A New Approach? Deradicalization Programs and Counterterrorism,» International Peace Institute (март 2010), www.ipinst.org/wp-content/uploads/publications/a_new_approach_epub.pdf; Lina Grip and Jenniina Kotajoki, «Deradicalisation, Disengagement, Rehabilitation and Reintegration of Violent Extremists in Conflict-Affected Contexts: A Systematic Literature Review,» *Conflict, Security & Development* 19, no. 4 (2019): 371-402. Обсуждение дерадикализации в связи с отказом от участия, реинтеграцией и другими связанными терминами см. в Megan K. McBride et al., «Evaluating Terrorist and Extremist Reintegration Programming: A Systematic Literature Review,» *Journal for Deradicalization* 32 (осень 2022).
- 15 Alpaslan Özerdem, «A Re-Conceptualisation of Ex-Combatant Reintegration: 'Social Reintegration' Approach,» *Conflict, Security, and Development* 12, no. 1 (2012): 51–73; Kathleen Kuehnast and Danielle Robertson, *Gender Inclusive Framework and Theory* (Washington, DC: United States Institute of Peace, 2018).
- 16 См. Chris Bosley, «Violent Extremist Disengagement and Reconciliation: A Peacebuilding Approach,» *Peaceworks* no. 163 (Washington, DC: United States Institute of Peace, июль 2020), www.usip.org/sites/default/files/2020-07/20200729-pw_163-violent_extremist_disengagement_and_reconciliation_a_peacebuilding_approach-pw.pdf; Leanne Erdberg Steadman, «Disengagement and Reconciliation in Conflict-Affected Settings,» Special Report no. 475 (Washington, DC: United States Institute of Peace, 7 августа, 2020), www.usip.org/sites/default/files/2020-08/sr_475-disengagement_and_reconciliation_in_conflict-affected_settings-sr.pdf.
- 17 Источники, относящиеся к другим этапам программы отказа от участия, программы реабилитации и (ре)интеграции, см. в Daniela Pisoiu and Thomas Renard, *Responses to Returning Foreign Terrorist Fighters and their Families*, 2nd ed. (Brussels: European Commission Radicalisation Awareness Network, 2022); Joseph Gyte, Sara Zeigler, and Thomson Hunter, *Blueprint of a Rehabilitation and Reintegration Center* (Abu Dhabi: Hedayah, 2020); Eelco Kessels et al., *Correcting the Course: Advancing Juvenile Justice Principles for Children Convicted of Violent Extremism Offenses* (New York: Global Centre for Cooperative Security, 2017); Eric Rosand, *Non-custodial Rehabilitation and Reintegration in Preventing and Countering Violent Extremism and Radicalization That Leads to Terrorism: A Guidebook for Policymakers and Practitioners in South-Eastern Europe* (Vienna: OSCE, 2020).

ЧАСТЬ I

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ НА ЛИЧНОМ УРОВНЕ

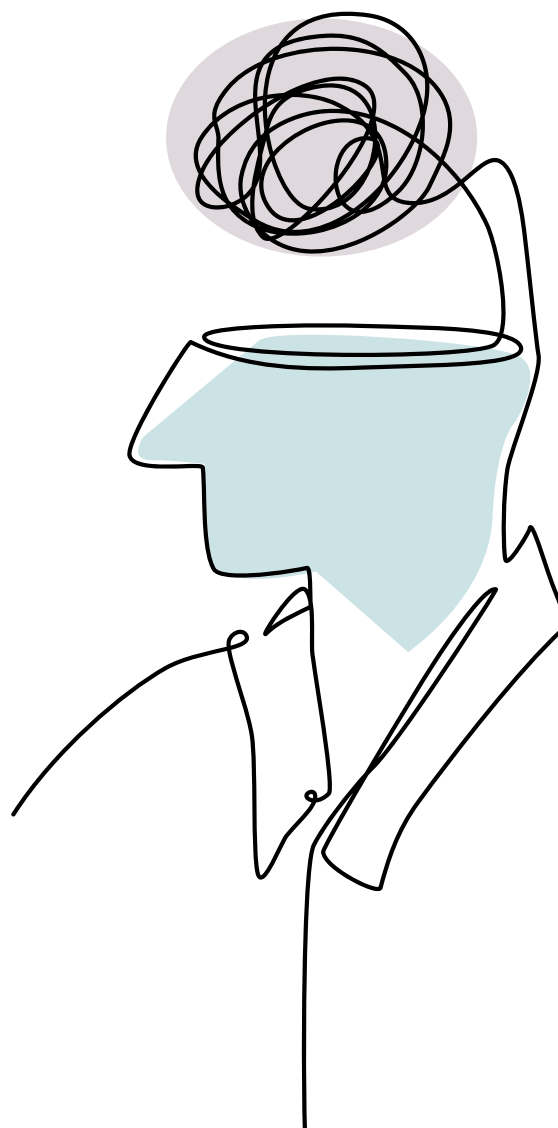
Вовлечение в насильственный экстремизм является выражением агрессивного поведения. В этой первой части руководства к действию рассматриваются принципы, касающиеся динамики психосоциального благополучия, связанной с изменением такого поведения. Понимание, а затем устранение барьеров, препятствующих способности человека здраво мыслить, вести себя и выстраивать отношения, может проложить пути для отказа от участия в насильственном экстремизме и (ре)интеграции в местные сообщества. Расширение доступности медицинской помощи при поведенческих расстройствах может способствовать активному обращению за медицинской помощью, а также начать устранять травмы и другие поведенческие и психосоциальные барьеры на пути к просоциальному взаимодействию.

МОДУЛЬ 1

СОДЕЙСТВИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОМУ ЗДОРОВЬЮ И БЛАГОПОЛУЧИЮ

Кристина быстро поняла, что будет нелегко перестать принимать обезболивающие, назначенные врачом после операции. В конце концов, она перестала пытаться. Опиоиды помогли ей чувствовать себя нормально, но из-за приема наркотических препаратов разрушились ее отношения с семьей. После потери работы и переезда к матери в местечко возле г. Брисбен, Австралия, она начала жаловаться врачу на свою зависимость и все вызываемые ею проблемы. Кристина усомнилась во всех дипломах, висевших на стенах офиса ее врача. «Да что они знают?», — стала регулярно задаваться вопросом она. Она была зла.

Кристина решила, что сама сможет побороть своих демонов. Возможно, антиваксеры были изначально правы: кто знает, что кладут компании в обезболивающие или другие препараты, которые она годами принимает от нервозности. После некоторых уговоров матери она начала принимать растительные лекарственные средства и занялась медитацией, и на какое-то время они помогли — пока один ее друг не сказал, что такой импорт из Индии и других мест был причастен к деградации австралийской культуры. Без работы или привычного порядка, которые могли бы дать ей почву под ногами, столкнувшись с ухудшением отношений с матерью и не имея возможности даже встречаться с остальными членами своей семьи, Кристина впала в серьезную депрессию. В ее городке было только три психиатра, и для нее было практически невозможно записаться на прием ни к одному из них. Некоторое время она думала о суициде.

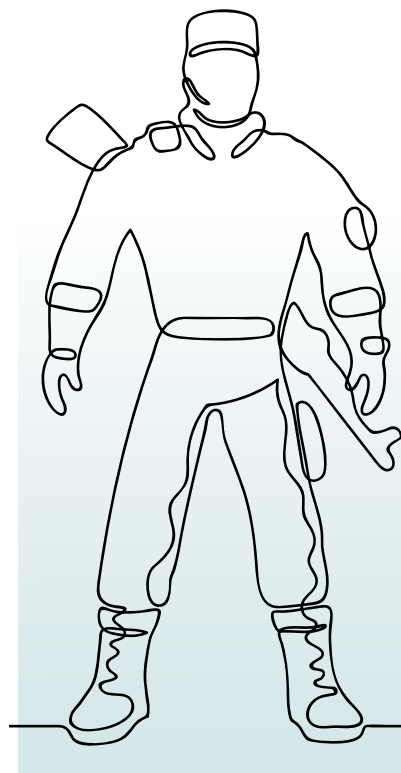
Поэтому Кристина обратилась к знакомым, с которыми ее познакомил подружка на политическом митинге. Кристина никогда не проявляла особого интереса к политике, но нашла там людей, которые, казалось, могли понять и пояснить череду трагедий в ее жизни. Они показали ей, где искать ответы и провести собственное исследование: в YouTube, Facebook, Reddit. Она начала копать и вскоре не могла остановиться. Каждый намек казался открытием, которым она должна была поделиться. Каждый намек, которым она делилась в социальных сетях, получал лайки и комментарии, а она стала частью эксклюзивного сообщества, которое наткнулось на глубокую скрытую правду. Она обрела чувство цели, принадлежности, уважения, поддержки — всё то, что забыла и в чем нуждалась.

Не зная другого способа направить свое отчаяние и разочарование, всего несколько месяцев спустя она последовала за ними в Мельбурн, твердо стоя рядом с другими людьми в масках, вооруженными дубинками, палками и камнями, на переднем крае протестов против вакцинации. У нее был с собой пистолет, которым она едва умела пользоваться, и транспарант, сделанный ею на групповом барбекю накануне вечером.*

ВЫВОДЫ

Насильственные действия экстремистов являются формой насилия. Это губительное поведение, имеющее негативные последствия как для тех, кто ведет себя подобным образом, так и для тех, на кого направлено такое поведение, помимо местных сообществ и общества в целом, которых оно затронуло. На мобилизацию для участия в насильственных действиях экстремистов как правило влияет множество индивидуальных, социальных и внешних факторов. Неблагоприятный опыт в детском и взрослом возрасте, неудовлетворенные социальные и психологические потребности, социальное отчуждение или изоляция, а также другие внешние и политические факторы, могут способствовать участию в насильственных действиях экстремистов так же, как и проявлению другого антисоциального поведения вроде употребления вредных веществ, трудностям в межличностных отношениях и другим формам насилия. Цикл насилия часто не заканчивается на этом, потому что в результате участия как в насильственных действиях экстремистов, так и в самом процессе отказа от такого участия и во время (ре)интеграции, возникают новые проблемы с поведенческим здоровьем.

Независимо от того, направлены ли они на борьбу с агрессивным или другим антисоциальным поведением, вмешательства в области поведенческого здоровья нацелены на аспекты личного благополучия и социального функционирования с целью развития более здоровых моделей поведения и благоприятных социальных экосистем. Вмешательства могут заключаться в лечении диагностированных психических заболеваний и психических расстройств на более глубоком уровне клинического диагноза, а в также других мероприятиях, способствующих развитию здоровых

* Авторы выражают благодарность тематическому консультанту данного модуля: Брендону Кохрту, Доктору наук, Чарльзу и Соне Акман, преподавателям глобальной психиатрии, The George Washington University; и Стивену Вейне, MD, директору Centers for Global Medicine and Global Health, University of Illinois Chicago.

моделей поведения, таких как групповой восстановительный отдых или действия для обеспечения психологического и социального благополучия.

Успешное прекращение участия в экстремизме и реабилитация (ре)интегрирующихся людей требует всесторонней поддержки поведенческого здоровья, которая одновременно фокусируется на здоровье человека, динамике семейных и межличностных отношений, социальном функционировании в рамках сообществ, школ и рабочих мест. Помимо этого, требуется социальная и политическая поддержка, которая помогает расширить объем услуг, обеспечивающих возможность здорового и просоциального выбора, и содействует доступу к ним.

На рисунке 1.1 показано, как содействие поведенческому здоровью и благополучию может способствовать процветанию человека, поощряя готовность обращаться за помощью для преодоления психосоциальной уязвимости. Услуги по лечению поведенческих расстройств могут снизить барьеры для просоциальной вовлеченности и поощрить создание здоровых экосистем, способствуя положительным изменениям в биологии, познании и поведении человека, которые могут стимулировать здоровый, просоциальный выбор и создание социальных связей. Это не только приведет к процветанию отдельного человека, но также может улучшить благосостояние семей и сообществ, способствуя более широкой устойчивости к насильственным действиям экстремистов.

Рисунок 1.1. Поведенческое здоровье и RISE: Теория изменения

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Поведенческое здоровье — это способность осуществлять основные компоненты повседневной жизни и справляться с ними, действовать со здоровым представлением о собственной личности, а также развивать и поддерживать положительные социальные связи. Поведенческое здоровье отвечает за взаимодействие биологических, эмоциональных, психологических и социальных элементов для содействия личному благополучию.

Поведенческое/психическое здоровье и психосоциальная поддержка (П/ПЗПСП) — это действия, направленные на содействие личному благополучию, психическому здоровью и навыкам здорового поведения. П/ПЗПСП включает в себя зависимые от контекста системы поддержки, которые берут за основу имеющиеся сильные стороны местных сообществ.

Снижение вреда обозначает ряд принципов в предоставлении услуг, направленных на минимизацию негативных последствий поведения с высокой степенью риска, такого как употребление наркотиков. Оно предполагает прагматические и гуманные стратегии снижения личного и социального вреда, возникающего в результате рискованного поведения.

Просоциальное поведение является положительным, инклюзивным и должно содействовать общественному признанию или способствовать построению отношений и социальных связей.

Вовлеченность в интересах общества заключается в последовательных, положительных, инклюзивных взаимодействиях между (ре)интегрирующимися людьми и членами и структурами местного сообщества.

Социально-экологические вмешательства учитывают сложное взаимодействие между индивидом, отношениями, сообществом и социальной динамикой, чтобы получить правильное представление о причинах, подвергающих людей риску участия в насилии, и как можно добиться перемен с помощью программ.

Благополучие сообщества означает совокупность факторов социальной сплоченности, социального капитала, а также факторов здоровья и устойчивости, которые позволяют людям процветать, реализовывать свой потенциал и справляться с потрясениями и стрессорами конструктивным и здоровым образом.

Благополучие семьи включает в себя открытое общение между членами семьи, взаимное оказание и получение эмоциональной поддержки, распределение обязанностей и признание уникального вклада каждого члена.

Благополучие человека означает сложное сочетание психических, поведенческих, физических факторов, а также фактора социального здоровья, которые включают наличие положительных эмоций и настроений, отсутствие отрицательных эмоций, общую удовлетворенность жизнью и самореализацией, позитивное функционирование и способность справляться со стрессом и потрясениями.

ЗАЧЕМ ОБРАЩАТЬСЯ К ПОВЕДЕНЧЕСКОМУ ЗДОРОВЬЮ?

Подход к поведенческому здоровью предполагает неразрывную связь физического, психического и социального здоровья. Начиная с базового питания и здорового пищевого рациона, достаточного сна для восстановления и отдыха, а также физических упражнений и движения для укрепления здоровья тела, такой подход признает, что телесное здоровье способствует здоровью психологическому, а психологическое здоровье способствует позитивным социальным отношениям и поддерживается ними. В конечном итоге при таком подходе агрессивное поведение — это всего лишь поведение, и, как и другие модели социального поведения, находится под влиянием нашего социально-психологического состояния и контекста. Таким образом, вмешательства в поведенческое здоровье направлены на улучшение функционирования во всех основных областях жизни, включая индивидуальное физическое здоровье и личные взаимоотношения, с целью содействия просоциальным взаимодействиям и благополучию.

Поддержка поведенческого здоровья может заключаться не только в профессиональных вмешательствах в психическое здоровье для лечения диагностированного психического заболевания, но и в других формах консультирования и поддержки (таких как поддержка в области питания, поддержание здоровья, тренинг личностного роста, наставничество, восстановительный отдых и мероприятия по приобретению навыков) для устранения негативного поведения или проблем в отношениях, на рабочем месте, в семейной жизни или в других областях. Программы поддержки поведенческого здоровья также могут являться частью религиозной деятельности, спортивных программ и клубов, художественной деятельности, а также гражданской и социальной работы в сообществе.

Связь с насильственными действиями экстремистов

Связь между поведенческим здоровьем и насильственными действиями экстремистов является сложной. Насильственные действия экстремистов являются проблемой поведенческого здоровья постольку, поскольку индивидуальная психология и динамика отношений влияют на выбор присоединения к движениям воинствующих экстремистов и выхода из них или совершения насильственных действий.

Несмотря на то, что поведенческое здоровье традиционно фокусируется на психических заболеваниях и злоупотреблении психоактивными веществами, по большому счету речь идет о том, как отношения и контекст могут способствовать или препятствовать общему здоровью и благополучию. Как показано во вступительном рассказе, состояние поведенческого здоровья Кристины только отчасти было вызвано кризисом ее психического здоровья.

Потребности поведенческого здоровья лиц, вовлеченных в насильственные действия экстремистов, являются разнообразными. Их удовлетворение имеет огромное значение для исцеления восприятия изоляции и фрустрации, а также для предоставления людям просоциальных и ненасильственных альтернатив участию в насильственных действиях экстремистов или другим моделям агрессивного поведения.

Важно подчеркнуть, что подавляющее большинство людей, страдающих психическими или психологическими расстройствами любого рода, не склонны к насилию, не употребляют вредные для здоровья вещества и не наносят ущерба социальному благосостоянию. Люди, живущие с психическими расстройствами, скорее являются жертвами насилия, чем сами вовлечены в него. Более того, люди, живущие с психическими расстройствами и в необходимом объеме получающие терапию, корректирующую поведение, склонны к насилию не более, чем все другие лица. На людей с же с психическими заболеваниями, которые все же участвуют в насилии, как правило влияют другие факторы риска агрессивного поведения, такие как неблагоприятный детский опыт, употребление вредных веществ, насилие против них в прошлом, доступ к оружию, социально-экономические лишения или проживание в сообществе с высоким уровнем преступности.¹ Не существует прямой причинно-следственной связи между каким-либо психическим заболеванием или употреблением веществ и участием в насильственных действиях экстремистов. Тем не менее среди части людей, вовлеченных в насильственные действия экстремистов, такие проблемы с поведенческим здоровьем и психосоциальные нарушения являются нередким явлением. В некоторых случаях слабые связи, маргинализация или эмоциональный дистресс, приобретенный в результате неблагоприятного и травматического жизненного опыта, могут порождать модели социального избегания, агрессии и восприимчивости к социальному влиянию, которые могут играть важную роль в решении человека участвовать в насилии и движениях воинствующих экстремистов.² Кроме того, проблемы с поведенческим и психическим здоровьем могут обострить восприятие изоляции, отсутствия смысла и социальной принадлежности, а все это, в свою очередь, может способствовать участию человека в насильственных действиях экстремистов.

В задачи данного руководства к действию не входит подробное описание влияния конкретных социальных, эмоциональных и психологических факторов на мобилизацию людей для участия в насильственных действиях экстремистов. Но, как отмечается в отчете Национального совета США по психическому благополучию (US National Council for Mental Wellbeing), различные психосоциальные факторы, начиная от субъективно ощущаемой изоляции и заканчивая безнадежностью и неуслышанным недовольством или эмоциональным дистрессом, влияют на способность «мыслить и осознавать реальность, управлять настроением, формулировать и осуществлять планы и решения, адаптироваться к стрессу, вести себя и относиться к другим социально приемлемым образом, испытывать эмпатию, оптимизировать потребление и воздерживаться от умышленного членовредительства - или различных комбинаций таких проблем».³

Подобно Кристине из вступительного рассказа, многие люди обнаружили, что негативные изменения в состоянии их психологического, социального или физического здоровья способствуют антисоциальному поведению, в частности употреблению вредных веществ, проявлению насилия в сторону близкого партнера, участию в бандах и вовлеченности в насильственные действия экстремистов, а также побуждают их присоединяться к группам единомышленников, которые затем могут оказывать влияние на решения, принимаемые новым членом.⁴

Не навреди

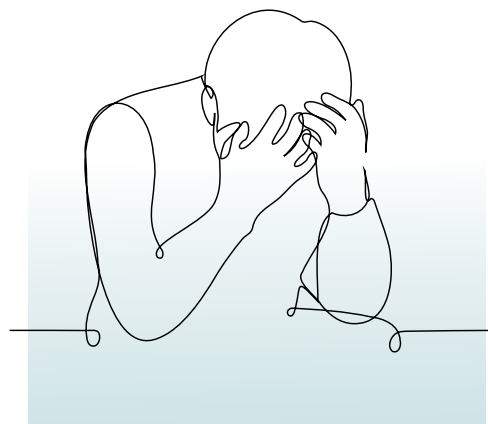
Хотя психические, психосоциальные и эмоциональные расстройства являются обычным явлением среди людей, вовлеченных в насильственные действия экстремистов, подавляющее большинство из имеющих такие проблемы не склонны к насилию. С людьми, принимающими участие в насильственных действиях экстремистов, не ассоциируется никакая психопатология, а программам следует быть внимательными, чтобы не заклеить людей с такими состояниями, преувеличивая связь между психическим здоровьем и насильственными действиями экстремистов.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что люди, участвующие в насильственных действиях экстремистов, часто испытывают трудности в отношениях с другими людьми в своих социальных сетях, зачастую в какой-то мере по причине психосоциальных проблем или проблем с поведенческим здоровьем, усложняющих эти отношения.⁵ Однако, как бы парадоксально это ни было, участие в группе воинствующих экстремистов часто предлагает краткосрочные психосоциальные преимущества в виде сопричастности, духовности, усиления влияния и социальной поддержки, которые могут облегчить страдания.⁶ Таким образом, факторы, способствующие мобилизации в группу воинствующих экстремистов, могут быть временно ослаблены членством в ней, поскольку содействие единомышленников в тот момент может показаться полезным, даже если группа защищает и пропагандирует антисоциальные, деструктивные модели поведения.

Несмотря на влияние бессознательных факторов, участие в насильственных действиях экстремистов и отказ от них, как правило, являются вариантами выбора и моделями поведения, соседствующими с альтернативами. Вмешательства в поведенческое здоровье могут помочь людям распознать эти альтернативы и получить доступ к ним или же снизить вероятность выбора антисоциальных моделей поведения, таких как насильственные действия экстремистов, губительное употребление наркотиков или любой другой из целого ряда моделей антисоциального поведения.

Связь с RISE

Устранение когнитивных факторов и динамики, которые могут повлиять на мобилизацию для участия в насильственных действиях экстремистов, в том числе травмы, виктимизация, стыд, унижение, подавление свободы воли и потребности человека в уважении и значимости имеет огромное значение для предоставления людям возможности изменить свое поведение и прекратить участие в насильственных действиях экстремистов, а также других моделях антисоциального поведения. Проблемы с поведенческим здоровьем могут как открыть путь к насильственным действиям экстремистов, так и возвести барьеры для успешной реабилитации.

Устранение психосоциального стресса, существовавшего до мобилизации в экстремизм, необходимо для предотвращения насилия в будущем. Устранение психосоциальных предвербовочных стрессоров также необходимо для предотвращения других антисоциальных последствий, которые могут возникнуть после прекращения участия, в том числе употребление вредных веществ, другие формы насилия и членовредительское поведение. Проблемы с поведенческим здоровьем, в том числе психические заболевания, употребление вредных веществ и психосоциальное расстройство (например, изоляция, маргинализация, нерешенная причина для недовольства), также могут появляться из-за участия в насильственных действиях экстремистов или в процессе (ре)интеграции.

Две специфические проблемы поведенческого здоровья заслуживают внимания, поскольку могут оказать существенное влияние на процесс RISE: ограниченный доступ к лечению поведенческих проблем и социальной поддержке.

Доступ к медицинскому обслуживанию

Люди могут не участвовать в программах реабилитации и других программах содействия или не обращаться за помощью в решении проблем с поведенческим здоровьем, что по целому ряду причин могло бы открыть возможности для более просоциального поведения. Среди таких причин находятся социальное отторжение, стыд, смущение, безнадежность или смирение, тревога, ограничительные социальные и культурные нормы, обида, слабое самоосознание, склонность к самоуверенности, отсутствие доверия к системам лечения или поставщикам медицинских услуг или боязнь репрессий.

Таким образом, применение П/ПЗПСП к RISE требует тщательной *культурной и контекстуальной адаптации*, а также коррекции методов и практики лечения в соответствии с социальными нормами, регулирующими процессы лечения и обращения за помощью в местных условиях. Предоставление П/ПЗПСП знакомыми и приемлемыми для местных сообществ способами может расширить понимание таких программ (ре)интегрирующимися людьми, которые при других обстоятельствах могли бы скептически отнестись к их ценности. Культурная адаптация гарантирует, что используемый язык доступен для понимания и не навешивает ярлыки на предполагаемых получателей услуг. Интеграция П/ПЗПСП в имеющиеся ресурсы сообщества, такие как традиционные и общинные обычаи, практики и процессы исцеления, подготовленные религиозные лидеры, педагоги, социальные работники и поставщики первичной медицинской помощи, может обойти многие барьеры, ограничивающие доступ (ре)интегрирующихся людей к помощи. Лидеры местных общественных и рекреационных групп также могут хорошо подходить для взаимодействия с нуждающимися в услугах людьми мотивирующим способом без навешивания ярлыков.

Притом, что люди часто сталкиваются с социальным отторжением из-за нарушений поведенческого здоровья, они также могут столкнуться с социальным отторжением на основании своей социальной идентичности или потому, что в сообществе на них смотрят с гневом и страхом. Самые высокие уровни дискриминации часто возникают в результате столкновения двух причин для остракизма: социального отторжения из-за психического расстройства и остракизма из-за принадлежности к экстремистской или агрессивной группировке. (Глубже этот вопрос рассматривается в модуле 3 «Уменьшение социального отторжения»).

«Предоставление П/ПЗПСП знакомыми и приемлемыми для местных сообществ способами может расширить понимание таких программ (ре)интегрирующимися людьми, которые при других обстоятельствах могли бы скептически отнестись к их ценности».

Сети внутри сообщества и реляционная поддержка

Насильственные действия экстремистов происходят в пределах социальной экологии, в рамках которой люди имеют дело с более широким социальным контекстом. Социальная, экономическая и политическая маргинализация разрушает здоровые социальные связи и может способствовать мобилизации человека для участия в насильственных действиях экстремистов. Когда человек теряет или испытывает недостаток в социальных связях, он может искать других, которые разделяют его боль и разочарование. Распространение социальных сетей в Интернете расширило возможности сетей воинствующих экстремистов для взаимодействия и манипулирования людьми, ищущими единомышленников для построения отношения на основании общих разочарований и взглядов. Это верно как при реабилитации, так и при мобилизации.

Социальные сети, как в Интернете так и лично, могут оказать помощь при стрессовом переживании. Однако они также могут задать направление насильственным действиям экстремистов ввиду своей уязвимости перед голосами и нарративами, предлагающими простые решения сложных проблем, наделяют смыслом и устанавливают связь с более широкой целью, а также ошибочно возлагают вину за часто законное недовольство.

Тем не менее, культивирование (ре)интегрирующимися людьми позитивных социальных связей за пределами установленных сетей, содействующих насильственным действиям экстремистов или вовлекающих в такие действия, имеет решающее значение для предотвращения повторного взаимодействия таких людей с бывшими группами, которые воспринимались как дающие защиту. Разрыв прочных социальных связей, в том числе связей внутри группы воинствующих экстремистов, может создать уязвимости для поведенческого здоровья (ре)интегрирующихся людей.

Медицинская помощь при поведенческих расстройствах может способствовать установлению положительных отношений с семьей, лидерами сообщества, духовенством и другими религиозными деятелями, а также группами сверстников в учебной и рабочей обстановке. Такая реляционная поддержка помогает людям прекратить участие в насильственных действиях экстремистов, уменьшая чувство изоляции или социального отчуждения и укрепляя связанность внутри сообщества, одновременно снижая риск воссоединения с бывшими группами. Тем не менее программы должны осознавать, что выход из группы экстремистов может создать вакуум в отношениях, который может усугубить другие факторы психосоциальной уязвимости.

Модель отношений между семьями и отдельными лицами, участвовавшими в насильственных действиях экстремистов, является сложной. Поддержка семьи может быть мощным источником устойчивости и фактором защиты от рецидивизма, однако люди, семьи которых сами поддерживают насильственные действия экстремистов, могут испытывать больше трудностей при отказе от экстремизма и (ре)интеграции в более широкое сообщество.

В некоторых обстоятельствах матери могут выступать в роли сторожей, чтобы не допустить увлечения уязвимых членов семьи насильственными действиями экстремистов, однако предположения о том, что матери всегда могут обнаружить или предотвратить радикализацию в семейном кругу, необходимо развенчивать.⁷ В действительности во многих случаях женщины играют важную роль в поддержке насильственных действий экстремистов, выступая в качестве рекрутеров, финансистов, а также блюстительниц норм и ценностей группы. В некоторых случаях, женщины также напрямую совершают насильственные действия. Точно так же, отцы могут формировать как здоровые гендерные нормы, способствующие прекращению участия в насилии и продвигающие реабилитацию, так и токсичные, подрывающие жизненно важные нормы отказа от насильственных методов или даже упрочивающие насилие, дискриминацию или другие модели деструктивного поведения. Другие члены семьи и сверстники также могут играть ведущую роль в привлечении более широких семейных ячеек к участию в группах и движениях воинствующим экстремистов или выходу из них.

Гендерные аспекты

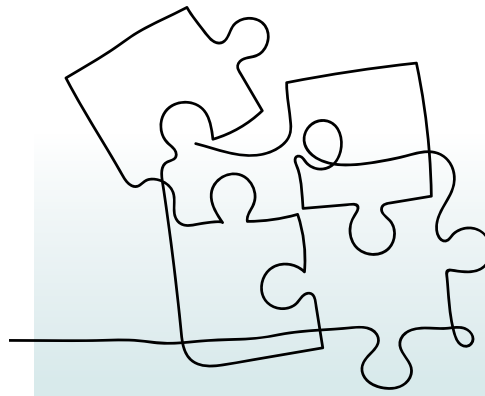
- Женщины, девочки, сексуальные и гендерные меньшинства часто сталкиваются с гендерным насилием и жестоким обращением при участии в насильственных действиях экстремистов. В таких случаях при отказе от участия в таких действиях и при (ре)интеграции им может потребоваться специализированная помощь.
- Исследования выявили сильную связь между женщинами, подвергшимися насилию, и развитием последующих проблем с поведенческим здоровьем, таких как употребление вредных веществ, ощущение бессилия, проблемы с эмоциональной регуляцией, гнев, стыд, депрессия, членовредительство и отрешенность от других.*
- Широко распространенная практика сексуального насилия среди мужчин, причастных к насильственным действиям экстремистов, может и дальше определять их поведение даже после прекращения участия и во время (ре)интеграции. (Ре)интегрирующиеся мужчины, которые чувствуют себя вправе заниматься грубым сексом и прославлять насилие, могут быть склонны к продолжению совершения насилия в отношении женщин и девочек или же чувствовать необходимость защитить их с помощью насилия.
- Женщины-члены групп воинствующих экстремистов могли примерять на себя большую роль ответственности и лидерства, чем позволяет гендерными нормами в их родных сообществах, что вызывает ощущение бессилия, неуважения или отсутствия свободы действий в отношении (ре)интеграции.

* См. Joseph P. Morrissey et al., «Outcomes for Women with Co-occurring Disorders and Trauma: Program- and Person-level Effects,» *Journal of Substance Abuse Treatment* 28, no. 2 (март 2005): 121-133.

КАК ВНЕДРИТЬ ПОМОЩЬ ПРИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВАХ

Аспекты планирования и разработки

Вмешательства в поведенческое здоровье могут помочь людям, прекращающим участие в насильственных действиях экстремистов, изменить определенные антисоциальные модели поведения и аспекты восприятия, что приведет к более здоровым отношениям и просоциальному взаимодействию с сообществом. Для RSE при разработке вмешательств в поведенческое здоровье важно учитывать несколько факторов и имеющийся передовой опыт, включая консультации с сообществом, повышение осведомленности, поддержку со стороны правоохранительных органов и структур.

Обеспечение равенства в вопросах здравоохранения

На многие сообщества влияет расстановка сил, которая маргинализирует или общественно порицает некоторых их членов и группы, воздвигая барьеры на пути доступа к медицинской помощи. Многие страны и сообщества испытывают недостаток ресурсов для предоставления сложных услуг по охране психического здоровья. В некоторых случаях создание в сообществах консультативных комитетов или комитетов по здравоохранению может способствовать реализации более справедливых и доступных программ в области охраны психического здоровья. Общественные комитеты могут принимать разные формы, но все они создают платформу, позволяющую сменяющимся участникам, работающим безвозмездно или за вознаграждение, озвучивать проблемы, генерировать полезные наработки посредством совместных исследований, а также озвучивать точки зрения и потребности различных групп в сообществе. Общественные комитеты могут повысить вероятность того, что вмешательства коснутся тех, кто маргинализован или был маргинализован в политическом, социальном и экономическом плане. Эти подходы также могут способствовать восстановлению или укреплению структур и систем, имеющих жизненно важное значение для устойчивости и благополучия сообщества, путем выявления положительных ресурсов сообщества, которые можно эффективно использовать или адаптировать для предоставления услуг по охране психического здоровья.⁸

Консультации с сообществом и лидерство могут способствовать созданию программ RISE, основанных на справедливости. Действительно, RISE представляет собой сложную задачу обеспечения равенства в вопросах здравоохранения. Насилие, в том числе насильственные действия экстремистов, подпитывается существующим неравенством, а также увековечивает и усугубляет неравенство в показателях здоровья и благополучия. Во многих местах осуществляемая политика и практика маргинализовала социальные группы и усугубила социально-экономические проблемы, ухудшая для этих сообществ и групп условия соседства, и вынуждая их нести непропорционально тяжелое бремя насилия и других неблагоприятных исходов для здоровья.⁹

Те же условия и неравенство, способствующие сохранению шаблонов плохого состояния здоровья и отсутствия безопасности, такие как несправедливый доступ к возможностям социальной мобильности, отсутствие политического представительства, высокий уровень злоупотреблений со стороны органов безопасности, исторически сложившаяся незащищенность от насилия, а также высокий уровень травматизма, расизма, и дискриминации также могут увеличить риск того, что сообщества столкнутся с высоким уровнем вовлеченности в насильственные действия экстремистов.

Насилие, страх перед насилием и возникающее в результате социальное отторжение могут усугубить дискриминацию, неравенство в доступе к медицинской помощи, ухудшить последствия для здоровья, качество жизни и общее благополучие. Хотя эти тенденции сложно устранить в условиях сообщества, с целью обеспечения справедливого предоставления помощи при расстройствах поведения, соизмеримой с проблемами, с которыми сталкиваются местные сообщества, программы прекращения участия в насилии и примирения не могут обладать должным уровнем устойчивости без решения проблемы такой структурной маргинализации. (Больше об устранении структурных барьеров для (ре)интеграции см. в модуле 6 «Выстраивание устойчивости сообщества к негативным внешним воздействиям»). Таким образом, консультации с сообществом играют крайне важную роль в понимании восприятия неравенства, расстановки сил и других вопросов, которые могут сказаться на доступе к медицинскому обслуживанию.

Просвещение семей, сверстников и сообщества по вопросам насильственных действий экстремистов и поведенческого здоровья

Повышение осведомленности о зависимости между насильственными действиями экстремистов, (ре)интеграции и поведенческим здоровьем в затронутых сообществах может снизить барьеры — за счет уменьшения социального отторжения, нормализации доступа и поощрения обращения за заместительной медицинской помощью — на пути к доступу к медицинской помощи при поведенческих расстройствах.

Программы могут организовывать учебные занятия в местных сообществах, но их охват может ограничиваться самостоятельным выбором и узкоспециальными интересами. Средства массовой информации и заслуживающие доверия общественные лидеры мнений могут привлекаться к повышению осведомленности и распространению позитивных посылов о П/ПЗПСП или рекламированию возможностей получения более глубоких знаний. Общественные организации могут внедрять психосоциальную поддержку, лечение травм и повышению грамотности в области поведенческого здоровья в другие виды деятельности, такие как обычаи или церемонии, системы официального образования, а также рекреационные, культурные и художественные мероприятия.

Несмотря на то, что насильственные действия экстремистов и другие формы насилия обладают некоторыми схожими характеристиками, лишь немногие члены сообщества могут понимать динамику насильственных действий экстремистов, в том числе и, возможно, в особой мере — это понимают семьи и друзья людей, участвовавших в насильственных действиях экстремистов. Знание взаимосвязи между поведенческим здоровьем и насильственными действиями экстремистов может помочь семьям, сверстникам и другим влиятельным членам сообщества, таким как учителя или религиозные лидеры, предвидеть и справляться с поведенческими проблемами, которые можно ожидать от (ре)интегрирующихся, как реагировать на эти проблемы и когда направить их на получение специализированной медицинской помощи.

Вмешательства в области поведенческого здоровья должны предоставлять целый ряд услуг по охране психического здоровья для всего сообщества, а не только для (ре)интегрирующихся в него людей. Представляется вероятным, что другие будут разделять недовольство, убеждения, установки и нарушения поведенческого здоровья, которые могут влиять на многие виды агрессивного и антисоциального поведения. Кроме того, сообщества, в которые (ре)интегрируются люди, сами могли пострадать от насильственных действий экстремистов, что потенциально добавляет больше барьеров на пути к успешной (ре)интеграции. При таком положении дел крайне важно, чтобы П/ПЗПСП приносило пользу целым сообществам, а не было нацелено только на людей, связанных с насильственными действиями экстремистов. Хотя на вмешательства в поведенческое здоровье, направленные на решение этих проблем, может уйти немало времени и других ресурсов, они не только способствуют повышению устойчивости сообществ и отдельных лиц в целом, но и сведут к минимуму социальное отторжение как (ре)интегрирующихся, так и всех тех, кто имеет доступ к П/ПЗПСП.

Устранение последствий для правоохранительных органов

Поставщики услуг в области поведенческого и психического здоровья имеют сложные отношения с правоохранительными органами.¹⁰ Органы безопасности закономерно заинтересованы в сотрудничестве с поставщиками услуг по охране психического здоровья, поскольку такие поставщики могут владеть конфиденциальной информацией о преступных намерениях или иметь представление о том, представляют ли их клиенты риск для общественной безопасности, а также потому, что поставщики П/ПЗПСП сами предлагают форму снижения риска. Тем не менее поставщики услуг по охране психического здоровья должны умело выбирать направление действий в рамках такого сотрудничества, уделяя первоочередное внимание своим обязательствам в отношении конфиденциальности и благополучия тех, кого они обслуживают, особенно в странах со слабой защитой поставщиков и клиентов или сектором безопасности, злоупотребляющим своими полномочиями, но не только в них.

В истории многих маргинализированных сообществ имеются случаи эксплуатации системой охраны психического здоровья и недоверия к ней. Во многих частях света помещение в специализированные психиатрические заведения использовалось в качестве одной из форм общественного контроля за политически маргинализированными группами. Поставщики услуг по охране психического здоровья иногда участвовали в программах по сбору и предоставлению информации политическим организациям, органам безопасности, злоупотребляющим своими полномочиями, а также правоохранительным органам и другим учреждениям. Важно щепетильно относиться к этому наследию и его роли в потенциальном сопротивлении, пытаясь поощрять взаимодействие с поставщиками услуг по охране психического здоровья.

Обеспечение осведомленности поставщиков П/ПЗПСП о местной системе уголовного правосудия может облегчить им возможность предоставить (ре)интегрирующимся людям четкие представления о таких стрессорах и методах их преодоления. Более того, в тех случаях, когда (ре)интегрирующиеся люди могут столкнуться с возможным уголовным преследованием или лишением свободы, такие знания могут обеспечить непрерывность оказания медицинской помощи, позволяя эффективно организовать рассмотрение дела и координировать осуществление исправительного воздействия между поставщиками услуг в сообществе и в местах лишения свободы. Подобные знания также могут внести ясность в разделение ролей и обязанностей между поставщиками П/ПЗПСП и правоохранительными органами, а также позволят поставщикам распознать и отстаивать возможности перенаправить привлеченных к суду клиентов в службу исправительного воздействия, если потребуется.

Чрезмерная заинтересованность правоохранительных органов (ре)интегрирующимися людьми может замедлить их реабилитацию. Целенаправленное повышенное наблюдение или преследование (ре)интегрирующихся людей, их семей или их сверстников может привести к риску социального отторжения, препятствуя необходимому для (ре)интеграции просоциальному участию и отбивая у людей охоту обращаться за услугами по охране психического здоровья.

«Чрезмерная заинтересованность правоохранительных органов (ре)интегрирующимися людьми может замедлить их реабилитацию. Целенаправленное повышенное наблюдение или преследование (ре)интегрирующихся людей, их семей или их сверстников может привести к риску социального отторжения, препятствуя необходимому для (ре)интеграции просоциальному участию и отбивая у людей охоту обращаться за услугами по охране психического здоровья».

В тех случаях, когда необходимо взаимодействие между (ре)интегрирующимися людьми и правоохранительными органами или органами безопасности, объединение навыков управления поведенческим здоровьем и специальных знаний о динамике (ре)интеграции и насильственных действиях экстремистов в рамках правоохранительных структур, — как путем обучения офицерского состава кризисному вмешательству, так и путем внедрения специалистов по П/ПЗПСП в штат этих структур, — может помочь ослабить кризис и свести к минимуму ошибочные представления, которые могут привести к конфронтации. Обучение методам работы полиции с общественностью может открыть органам безопасности глаза на возможности уделять больше внимания и ресурсов улучшению общего благосостояния сообщества, тем самым уменьшая значимость применения жесткого подхода. Таким же образом работа полиции с общественностью, альтернативы тюремному заключению и структуры подотчетности за методы борьбы с угнетением и расизмом могут снизить чрезмерную нацеленность на (ре)интегрирующихся людей.

Не навреди

- Местный и технический персонал должен как осуществлять надзор, так и пройти обучение по П/ПЗПСП.
- Поощрение культуры, отдающей приоритет самопомощи, поможет ограничить выгорание персонала.

Координирование поддержки со стороны учреждений

Программы по охране психического здоровья требуют скоординированного подхода с многосторонним участием. Общественные организации гражданского общества часто являются наиболее эффективными работниками «на фронтах». Но гражданское общество часто сталкивается с серьезными ограничениями своей работы и, как правило, испытывает нехватку ресурсов. Подходы к борьбе с терроризмом часто фокусируются на укреплении потенциала вооруженных сил, полиции, разведки и уголовного правосудия. Однако субъекты, выполняющие эти функции, обычно имеют ограниченные реальные связи с сообществами, пострадавшими от действий (ре)интегрирующихся людей. Подход с многосторонним участием устанавливает линии связи между этими субъектами, а также между ними и субъектами гражданского общества, чтобы извлечь пользу из их сильных сторон и укрепить доверие и сотрудничество.

При развитии и внедрении такого сотрудничества следует учитывать следующие рекомендации:

- Убедиться в том, что направление (ре)интегрирующихся людей к поставщикам П/ПЗПСП приводят к конкретным действиям. Управление ходом дела должно включать в себя разработку плана лечения, который координирует усилия вовлеченных заинтересованных сторон.
- Укрепить структуры здравоохранения сообщества и связи с учреждениями первичной медико-санитарной помощи для расширения доступа к услугам и их доступности.
- Продвигать услуги по охране психического здоровья, учитывающие культурные и религиозные особенности.
- Представить четкие протоколы для обмена информацией между организациями и службами.
- Создавать сети направлений в разных практических областях: гуманитарной, в области безопасности, миростроительства, примирения и развития и убедиться, что в эти сети входят доноры.
- Предлагать сообществу практические занятия для профессионалов, чтобы они могли учиться друг у друга и не повторять одних и тех же ошибок.

Типы вмешательств и мероприятий

Вмешательства в поведенческое здоровье (ре)интегрирующихся людей должны будут решать проблемы, с которыми сталкиваются люди и которые, для начала, могут повлиять на их решение включиться в насильственные действия экстремистов. Но при вмешательстве также необходимо учитывать, что проблемы, с которыми могут сталкиваться (ре)интегрирующиеся люди, не являются аналогичными тем, с которыми они сталкивались до своей вовлеченности в насильственные действия экстремистов. Опыт, приобретенный ими во время такой вовлеченности, и трудности, с которыми они сталкиваются в процессе отказа и (ре)интеграции, часто создают новые проблемы с поведенческим здоровьем, которые также необходимо решать.

Не навреди

Программы всегда должны защищать персональные данные участников, особенно тех, кто связан с людьми, прекращающими участие в насильственных действиях экстремистов, потому что раскрытие такой конфиденциальной информации может подвергнуть их социальному отторжению, повлиять на их психическое благополучие или подвергнуть их опасности.

Медицинская помощь при поведенческих расстройствах в контексте RISE является сложной многоаспектной задачей, затрагивающей весь процесс (ре)интеграции. Действительно, изменение антисоциальных моделей поведения на здоровые само по себе является итеративным процессом, происходящим одновременно с (ре)интеграцией. Это процесс не является линейным и вероятно столкнется с неудачами и проблемами, уникальными для каждого человека. Тем не менее П/ПЗПСП необходимо интегрировать на протяжении всего процесса, чтобы помочь (ре)интегрирующимся людям справляться с этими стрессовыми ситуациями по мере столкновения с ними.

Инициативы в области поведенческого здоровья для RISE заключаются в поощрении людей искать и принимать помощь, расширении охвата услуг по охране психического здоровья, а также содействию индивидуальному психосоциальному здоровью и умению справляться с жизненными трудностями.

Цель этих вмешательств должна выходить за рамки простого повышения общественной безопасности: она должна состоять в улучшении общего благополучия (ре)интегрирующихся людей и пострадавших сообществ, чтобы обеспечить устойчивое предотвращение причинения вреда себе и другим.

Поощрение активного обращения за медицинской помощью и расширение доступа к медицинскому обслуживанию

Среди различных способов увеличить число активных обращений за медицинской помощью и поощрить людей обращаться за профессиональной помощью можно назвать обучение привратников, просвещение сообщества и уменьшение социального отторжения.

Обучение привратников. Привратник — это человек, часто сверстник, член семьи, наставник или учитель, — который регулярно взаимодействует с кем-то (ре)интегрирующимся и которому последний доверяет. Привратник может опознать и пресечь потенциально агрессивное поведение, либо предоставляя базовую поддержку в области поведенческого здоровья, либо помогая тем, кто нуждается в более специализированной помощи.

Однако исследования указывают на то, что сверстники не хотят реагировать на агрессивное или пагубное поведение своих друзей. Они могут просто не распознать предупреждающие знаки, они могут бояться, что попытка решить проблему может повредить их отношениям, или же они не захотят рисковать навлечь опасность, позор или наказание на себя или своих друзей.¹¹

Обучение привратников тому, каких поведенческих проблем можно ожидать и как непосредственно оказывать базовые вмешательства и первую помощь при травмах, повысит вероятность того, что они будут их выполнять, а также лучше понимать, когда и как направлять людей к профессиональным поставщикам услуг П/ПЗПСП.

Подготовка привратников должна научить их следующему:

- замечать поведение, указывающее на склонность к насилию;
- интерпретировать поведение как чрезвычайную ситуацию;
- брать на себя ответственность за реагирование на чрезвычайную ситуацию;
- определять соответствующие формы помощи;
- выполнять решение об оказании помощи или обращении за помощью.¹²

Просвещение сообщества и уменьшение

социального отторжения. П/ПЗПСП для RISE должно бороться с социальным отторжением тех, кто обращается за услугами по охране психического здоровья. Услуги П/ПЗПСП должны не только адаптироваться под местную культуру и специфику, но и привлекать религиозных лидеров и людей, пользующихся доверием сообщества, для повышения осведомленности о существующих услугах и их продвижения. Вмешательства П/ПЗПСП должны предусматривать внедрение программ, которые реализуются посредством официальных учебных планов, средств массовой информации, целевой работы с населением и взаимодействия с влиятельными фигурами, а также внедрять программы, которые продвигают ключевые послы для уменьшения социального отторжения вмешательств в поведенческое здоровье и нормализации использования услуг по охране психического здоровья. Исследования указывают на то, что упрощенный социальный контакт с членами стигматизированной группы является одним из наиболее эффективных способов изменить отношение к ним и поведение. Таким образом, поиск мероприятий, которые могут быть разделены между людьми, имеющими доступ к услугам по защите психического здоровья, поставщиками услуг по охране психического здоровья и членами более широкого сообщества в безопасных условиях, может изменить отношение среди сообществ и отдельных лиц.

Не навреди

Для соблюдения стандартов оказания медицинской помощи и гарантии, что лечение поведенческих расстройств не усугубляет существующие и не создает новые психосоциальные или поведенческие проблемы, средний медицинский персонал должен находиться под наблюдением профессионального психолога со специальной подготовкой, обеспечивающей П/ПЗПСП лицам, пострадавшим от насилия.

Расширение охвата услуг по охране психического здоровья

Расширения охвата услуг по охране психического здоровья для включения в них (ре)интегрирующихся людей можно достичь несколькими способами, в том числе с помощью телемедицинских услуг, внедрения первичной медико-санитарной помощи и непрофессиональных общественных работников.

Телемедицинские услуги. В сообществах с ограниченными возможностями для лечения расстройств поведения или в которых социальное отторжение, или ограничительные социальные нормы могут препятствовать доступу людей к существующей помощи, П/ПЗПСП можно предлагать посредством онлайн-сервисов или национальной горячей линии. Телемедицинские услуги обеспечивают тот уровень конфиденциальности, который не могут обеспечить услуги, оказываемые при личной встрече, обходя опасения, которые могут помешать людям получить доступ к психиатрической помощи у всех на виду. Телемедицинские услуги могут предоставляться как специалистами в области поведенческого здоровья, так и неспециалистами, обученными тому, как осуществлять кратковременные психологические вмешательства.

Внедрение первичной медико-санитарной помощи. В условиях, когда люди не решаются получить доступ к лечению расстройств поведения из-за социального отторжения или ограничительных норм, услуги П/ПЗПСП можно сочетать с первичной медико-санитарной помощью. Это еще один способ избежать беспокойства из-за стыда или социального отторжения, потому что доступ к медицинской помощи при психических расстройствах будет невозможно отличить от доступа к медицинской помощи при телесных заболеваниях. Кроме того, наложение П/ПЗПСП на первичную медицинскую помощь может расширить доступ для (ре)интегрирующихся женщин или детей в условиях, где им требуется разрешение на доступ к медицинской помощи, что позволит им получать как П/ПЗПСП, так и первичную медицинскую помощь за одно посещение. Более того, оказание первичной медико-санитарной помощи позволяет интегрировать лечение таких проблем, как боль и проблемы с физическим здоровьем, а также профилактику заболеваний. К примеру, первичная медико-санитарная помощь является отличным способом объединить лечение хронической боли, отказ от курения и краткосрочные психологические вмешательства.

Гендерные аспекты

В глобальных гуманитарных условиях большая часть инвестиций и программ П/ПЗПСП направлена на женщин и детей. Для взрослых мужчин необходимо составить программу с большим научным обоснованием.

Непрофессиональные общественные работники. За счет усиления существующих ресурсов и факторов устойчивости, а также за счет нормализации потребностей поведенческого здоровья и предоставления базовых услуг, таких как обучение психологической самопомощи и мероприятия по регулированию эмоций, программы, ориентированные на потребности сообщества под управлением членов сообщества, обученных методам и принципам П/ПЗПСП, могут удовлетворять потребности сообществ, которые не получают достаточного обслуживания.¹³ Платформы для предоставления таких услуг могут включать в себя школы, церкви, офисы НПО, тюрьмы, общественные центры, публичные места и дистанционные технологии. Акцент на поведенческом благополучии «всего сообщества», к участию в котором привлекаются заслуживающие доверия и влиятельные в нескольких сферах деятельности члены сообщества, может помочь уменьшить социальное отторжение и вовлечь (ре)интегрирующихся людей, а также других членов сообщества, в определение потребностей в помощи.

Развитие индивидуального психосоциального здоровья и умения справляться с жизненными трудностями

Психосоциальное здоровье и умение справляться с жизненными трудностями, в частности управление стрессовыми ситуациями и создание смысла, могут помочь (ре)интегрирующимся людям изменить свои пагубные модели поведения на здоровые, просоциальные и ненасильственные альтернативы. Таким образом, продвижение таких умений является важным аспектом подхода к лечению поведенческих проблем. Существует несколько вариантов, необязательно взаимоисключающих, предоставления (ре)интегрирующимся людям возможности получить такие умения, в том числе парапрофессиональные вмешательства П/ПЗПСП, ритуалы и мотивационное консультирование.

Парапрофессиональные вмешательства П/ПЗПСП. Эксперты разработали некоторые вмешательства П/ПЗПСП, которые могут осуществляться непрофессиональными общественными работниками или парапрофессионалами и содействовать психосоциальному здоровью. К таким вмешательствам относится Problem Management Plus (PM+) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которое можно применять для решения различных поведенческих проблем. PM+ можно проводить в групповых или индивидуальных условиях, при этом групповое PM+ является эффективным подходом к улучшению социальной поддержки и просоциального поведения. Другие вмешательства включают в себя снижение стресса на основе осознанности, йогу и соматические (телесные) целительные практики, а также кампании по обучению психологической самопомощи и повышению осведомленности о последствиях стресса и травмы. Вмешательство Self-Help Plus (SH+), разработанное ВОЗ, требует минимального участия парапрофессионала и показало себя эффективным как в предотвращении, так и снижении психологического стресса.

Мотивационное консультирование. Мотивационное консультирование представляет собой метод общения с кем-то с целью мотивировать его на позитивное изменение поведения. Это поддающийся изучению межкультурный подход, основанный на навыках активного слушания и внимательного общения. Интервьюер предлагает человеку подумать, а затем направить свое собственное повествование или историю о своем выборе модели поведения. Мотивационное консультирование является клиент-центрированным и эмпирически обоснованным. Оно предназначено для того, чтобы вызвать изменения у людей, которые двойственно относятся к изменениям. Оно делает акцент на сотрудничестве, а не на конфронтации, на воскрешении в памяти, а не на образовании, и на автономии, а не на авторитете. Мотивационное консультирование могут проводить как профессионалы, так и парапрофессионалы.¹⁴

«Психосоциальное здоровье и умение справляться с жизненными трудностями, в частности управление стрессовыми ситуациями и создание смысла, могут помочь (ре)интегрирующимся людям изменить свои пагубные модели поведения на здоровые, просоциальные и ненасильственные альтернативы».

Ритуалы. Ритуалы трансформации могут помочь людям в создании смысла в переходный период. Сообщества передают традиционные ритуалы из поколения в поколение. Ритуалы основаны на символах, богаты метафорами и открыты для множества интерпретаций, и все эти характеристики позволяют непрямым образом общаться на деликатные темы. Символы являются ключом к формированию идентичности, а ритуалы — символическими действиями, которые могут помочь отдельным лицам и сообществам преобразовать свою идентичность из жертвы в потерпевшего или из преступника в члена сообщества.

Ритуалы, отмечающие трансформацию и новую идентичность, и в достаточной мере укоренившиеся в психике сообществ, чтобы придать легитимность и доверие этим навешенным ярлыкам, могут стать мощными инструментами изменения поведения и привести к лучшим результатам (ре)интеграции.¹⁵ Ритуалы принимают разные формы и необязательно являются церемониальными событиями. Любой ежедневный ритуал может обеспечить структуру и предсказуемый распорядок дня, что может уменьшить неопределенность, а также помочь снять стресс и унять тревогу, которые возводят барьеры на пути к участию в просоциальной деятельности.

Не навреди

Важно, чтобы любая ритуальная практика являлась добровольной для участников. Некоторые общины, религиозные группы и другие организации вынуждают бывших комбатантов проходить через определенные ритуалы, прежде чем им будет позволено вернуться в свои общины. Особо негативные последствия может иметь принуждение женщин проходить через (ре)интеграционные ритуалы, которые могут вселять неуверенность или быть мучительными. Кроме того, важно, чтобы программы П/ПЗПСП не полагались исключительно на ритуалы тогда, когда некоторым людям могут потребоваться более специализированные или клинические услуги.

Мониторинг и оценка

Для успешного внедрения услуг П/ПЗПСП требуется создание местных систем мониторинга и оценки. МиО важны для измерения ключевых аспектов услуг. Для гарантии безопасного и эффективного предоставления услуг необходимо оценивать компетенцию их поставщиков, как профессиональных, так и парапрофессиональных. Поставщики могут непреднамеренно причинить вред и ухудшить психическое здоровье участников программы. Когда системы профессиональной подготовки и надзора не отвечают требованиям, поставщики могут не достичь минимального уровня компетентности, необходимого для оказания медицинских услуг, и не подкреплять его. Платформа ВОЗ Ensuring Quality in Psychological Support (EQUIP) [Обеспечение качества психологической поддержки] (см. «Источники») предоставляет инструменты для оценки компетентности либо с помощью ролевых игр, либо во время реальных сеансов оказания услуг. EQUIP включает в себя профессиональные качества для оказания услуг П/ПЗПСП взрослым, а также детям и подросткам, помимо профессиональных качеств для группового содействия и конкретных вмешательств, таких как РМ+ и ведение дела по защите ребенка.

Помимо оценки профессиональных качеств отдельных поставщиков, программы должны оценивать охват, то есть процентное отношение целевой аудитории, которая пользуется услугами. Мониторинг охвата помогает определить любые барьеры для доступа к медицинской помощи. Охват должен включать в себя компонент обеспечения равенства в вопросах здравоохранения, чтобы убедиться в том, что исторически маргинализированные группы (такие как расовые или религиозные меньшинства) имеют сопоставимую

возможность пользоваться услугами. Другим ключевым показателем является *приверженность к услугам*, например количество посещенных сеансов поведенческого вмешательства, или прием назначенных лекарств. Низкая приверженность предполагает, что услуги могут быть неприемлемыми или не вызывают интерес у предполагаемых бенефициаров.

На уровне бенефициаров программы полезно использовать инструменты краткой оценки для измерения уровня поведенческого здоровья и благополучия, с которыми легко управляться, которые культурно и лингвистически адаптированы и проверены опытным путем. У ВОЗ есть инструмент для краткой оценки ежедневной активности (WHO Disability Assessment Scale, Шкала оценки инвалидности ВОЗ). Симптомы депрессии и тревожности можно легко оценить с помощью таких инструментов, как Patient Health Questionnaire-9 (Опросник для оценки здоровья пациента 9) и Generalized Anxiety Disorder-7 (Тест на наличие генерализованного тревожного расстройства 7) соответственно. Для программ профилактики злоупотребления психоактивными веществами доступны специальные инструменты для оценки содержания алкоголя и общие инструменты — для оценки содержания других вредных веществ. Использование поведенческих шкал, в частности тех, которые оценивают родительские навыки, коммуникативные навыки и уверенность в собственных силах, может быть целесообразным в зависимости от типа предоставляемой услуги. Если действуют зависящие от контекста факторы риска повторной вербовки в вооруженные группы, пользу может принести регулярный мониторинг подверженности этим рискам.

Не навреди

Исследователи в западных странах разработали множество шкал для изучения потенциального риска насилия, многие из которых используют подход структурированного суждения. Большая часть из этих шкал имеет ограниченную доказательную базу и изучалась в субпопуляциях, которые не включают в себя все популяции, где используется такая шкала. Они также не были адаптированы для использования в разных странах, на разных языках и в разных социокультурных контекстах. По этим и другим причинам к их глобальному использованию следует подходить с большей осторожностью.

ПРИМЕРЫ

Уменьшение социального отторжения в отношении психиатрической помощи в Либерии

За время гражданской войны в Либерии, которая длилась четырнадцать лет и закончилась в 2003 году, у травмированных войной людей возникли серьезные проблемы с психическим здоровьем. Carter Center's Global Behavioral Health Initiative and Mental Health Program в Либерии поддерживает устойчивую систему охраны психического здоровья в стране путем подготовки кадров в области психического здоровья, содействия принятию национального закона о психическом здоровье, уменьшения социального отторжения в отношении проблем с поведенческим здоровьем и оказания помощи Министерству здравоохранения Либерии в реализации национальной политики и плана в области психического здоровья. Carter Center надеется расширить доступ к психиатрической помощи до 70 процентов населения. Carter Center проводит учебные курсы по борьбе с остракизмом: для фармацевтов, журналистов, сотрудников правоохранительных органов, религиозных и местных лидеров, а также пользователей психиатрической помощи.¹⁶

Поддержка лиц, выходящих из правого экстремизма в Германии

EXIT-Germany помогает лицам, пытающимся покинуть правые экстремистские группы и движения. Основанная в 2000 году криминологом и бывшим лидером неонацистов, EXIT-Germany с тех пор успешно обработала более восьмисот отдельных дел, при этом уровень рецидивизма составил примерно 3 процента. Программа помогает разрешить проблему вовлеченности в деятельность правых экстремистов, предлагая модели альтернативных взглядов и моделей поведения, а также охрану и защиту для людей, пытающихся разорвать связи и отношения с бывшими группами и объединениями, будь то путем смены места жительства, смены личности, полицейской защиты или другими способами. Для помощи (ре)интегрирующимся людям программа EXIT-Germany также эффективно использует целый ряд институциональных и практических контактов, от психологов до работодателей. Также одна из целей программы заключается в том, чтобы помочь разъяснить населению суть правого экстремизма: с помощью семинаров, презентаций на конференциях и работы специально созданного исследовательского подразделения.¹⁷

Когнитивно-поведенческая терапия в Либерии

При содействии бывших комбатантов и людей, ранее задействованных в системе правосудия, либерийская некоммерческая организация Network for Empowerment and Progressive Initiatives разработала и запустила программу под названием Sustainable Transformation of Youth in Liberia, которая использует когнитивно-поведенческую терапию (КПТ) для обучения новым навыкам, моделям поведения и способам преодоления пагубных мыслей. КПТ представляет собой терапевтический подход к решению ряда проблем с поведенческим здоровьем. Она просит людей учитывать автоматические модели мышления и поведения, а затем прерывать эти вредные модели и заменять их более просоциальными и здоровыми, такими как ориентированность на будущее и самоконтроль. Стоит отметить, что эта программа КПТ не требует от участников подробного описания травматических воздействий. Вмешательства, предполагающие исследование полученных ранее травм (известные как методы воздействия на травму), такие как пересказ травматических событий устно, письменно или посредством контролируемого повторного воздействия, могут усугубить симптомы, если их не проводит обученный специалист в безопасных для бенефициаров программы условиях.¹⁸

Программа Friendship Bench в Зимбабве

Сообщество «бабушек», сидящих в парке на скамейках, известных как Friendship Benches (скамейки дружбы), расположенных в зеленых насаждениях во дворах медицинских клиник неподалеку Хараре и других крупных городов Зимбабве. Эти дружелюбные, готовые оказать поддержку непрофессиональные медицинские работники обучаются тому, как выслушать и поддержать людей, сталкивающихся с беспокойством, стрессом, неблагоприятными реакциями на травму, а также с депрессией, что в этих краях именуется *kufungisisa* (слишком много думать). Бабушки проверяют людей с помощью валидированного на местном уровне инструмента под названием Shona Symptom Questionnaire.¹⁹ Тех, кто набирает балл выше определенного предела, приглашают остаться на тет-а-тет сеанс терапии методами решения проблем, чтобы помочь им выявить проблемы и найти их решение. Опираясь на ценности эмпатии и установления связи, бабушки проводят базовую КПТ с акцентом на терапию методами решения проблем, планирование деятельности и группы поддержки под руководством сверстников, которые проводят как онлайн-, так и оффлайн-встречи. В 2017 году более тридцати тысяч человек в Зимбабве лечились у бабушки на Friendship Bench. Положительные результаты такого лечения не уступали результатам контрольной группы, к членам которой применялись традиционные терапевтические методы.²⁰

ИСТОЧНИКИ

«Community-Based Mental Health—A Training Guide for Community Providers»

IFRC, 2023

<https://pscentre.org/?resource=community-based-mental-health-a-training-guide-for-community-providers&selected=single-resource>

В этом учебном пособии для руководителей программ и общественных поставщиков медицинских услуг приводятся указания о методах развития потенциала медико-санитарных работников сообщества путем продвижения и удовлетворения потребностей в области психического здоровья в их сообществах. Пособие содействует расширению услуг по охране психического здоровья, оказываемых в сообществе, за пределы учреждений первичной медико-санитарной помощи.

«Community-Based Approaches to MHPSS Programmes: A Guidance Note»

Inter-Agency Standing Committee, 2019

<https://migrationhealthresearch.iom.int/community-based-approaches-mhpss-programmes-guidance-note>

В руководстве к этой программе приводятся соображения этического порядка для программ поддержки поведенческого и психического здоровья на уровне сообщества, а также передовые методы их оценки, планирования, реализации и анализа.

«Community-Based Mental Health and Psychosocial Support in Humanitarian Settings»

UNICEF, 2018

www.unicef.org/media/52171/file

Эти руководящие принципы предназначены для поддержки безопасных, окружающих заботой условий для восстановления детей, их психосоциального благополучия и защиты. Руководство представляет собой организационную структуру, в которой особое внимание уделяется привлечению субъектов на всех уровнях (дети, лица, осуществляющие уход, семьи и поставщики услуг на уровне сообщества) для разработки и реализации стратегий П/ПЗПСП, которые являются актуальными для местных условий, комплексными и устойчивыми, для более эффективного восстановления, укрепления и мобилизации поддержки со стороны семьи и сообщества, а также систем, конечная цель которых состоит в обеспечении благополучия детей и семьи в гуманитарных условиях.

Ensuring Quality in Psychological Support (EQUIP)

Всемирная организация здравоохранения

<https://equipcompetency.org>

Эта инициатива ВОЗ состоит из онлайн-курсов и других ресурсов для разработки и распространения обучения с целью расширения масштабов оказания высококачественной психологической и психосоциальной поддержки неспециалистами.

«A Faith-Sensitive Approach in Humanitarian Response: Guidance on Mental Health and Psychosocial Programming»

Inter-Agency Standing Committee, 2018

<https://interagencystandingcommittee.org/mental-health-and-psychosocial-support-emergency-settings/documents-public/faith-sensitive-approach>

Это руководство оказывает практическую поддержку тем, кто участвует в планировании программ П/ПЗПСП в условиях, требующих внимательного отношения к религиозным взглядам и ресурсам сообществ, в которых они работают.

«Integrating Mental Health and Psychosocial Support into Peacebuilding»

United Nations Development Program, 2022

www.undp.org/publications/integrating-mental-health-and-psychosocial-support-peacebuilding

Этот методический документ определяет ключевые принципы структурированного подхода к поддержке международных, национальных и местных специалистов-практиков с целью внедрения П/ПЗПСП в их усилия по миростроительству.

Manual on Community-based Mental Health and Psychosocial Support in Emergencies and Displacement

International Organization for Migration, 2021

www.iom.int/mhpsed

Это руководство помогает экспертам и руководителям П/ПЗПСП: в разработке, реализации и оценке общинных программ, проектов и мероприятий П/ПЗПСП для пострадавших от чрезвычайных ситуаций и перемещенных групп населения в гуманитарных условиях.

«Mental Health and Psychosocial Support in Children Associated with Armed Forces and Armed Groups Programmes: Operational Guidance»

UNICEF/MHPSS Collaborative, 2022

<https://mhpscollaborative.org/wp-content/uploads/2022/02/FINAL-MHPSS-in-CAAFAG-Programs-Operational-Guidance.pdf>

В этом отчете представлены межведомственные и межотраслевые рекомендации для сотрудников на местах, сообществ, а также местных и национальных органов власти, чтобы поддерживать потребности в охране психического здоровья детей и подростков, реинтегрирующихся после вооруженного конфликта, их опекунов, семей и сообществ. Он представляет собой рабочую структуру, которая поддерживает заботливых и вовлеченных участников социально-экологической системы.

«Mental Health and Psychosocial Support in Children Associated with Armed Forces and Armed Groups Programmes: Contextualization Guidance»

UNICEF/MHPSS Collaborative, 2022

<https://mhpsscollaborative.org/wp-content/uploads/2022/02/FINAL-MHPSS-in-CAAFAG-Programs-Contextualization-Guidance.pdf>

Этот отчет определяет ключевые аспекты контекстуализации для программ П/ПЗПСП и выделяет ключевые этапы для их контекстуализации. Руководство также предлагает информацию, инструменты и иллюстративные тематические исследования для информирования об адаптации компонентов программ П/ПЗПСП к различным культурам, контекстам и ситуациям.

«Mental Health and Psychosocial Support in Emergency Settings: Monitoring and Evaluation with Means and Verification»

Inter-Agency Standing Committee, 2021

www.unicef.org/media/52171/file

В этом документе представлены рекомендации по анализу, исследованию, разработке, внедрению, а также мониторингу и оценке программ П/ПЗПСП в чрезвычайных ситуациях. Концепцию также можно применить к переходным фазам от чрезвычайной ситуации к развитию.

Motivational Interviewing Network of Trainers (MINT)

<https://motivationalinterviewing.org>

MINT — это глобальная сеть инструкторов, предлагающих поддержку в проведении мотивационного консультирования на десятках разных языков.

TERRA Toolkit

Европейская комиссия

<https://terratoolkit.eu>

TERRA Toolkit — это общеевропейский сетевой проект по профилактике и обучению, предназначенный для поддержки учителей, специалистов по работе с молодежью, сотрудников правоохранительных органов, религиозных лидеров, журналистов, а также местных и национальных директивных органов, поскольку в этом проекте они обмениваются информацией о молодых людях, подверженных риску мобилизации в насильственные действия экстремистов.

Treatment Improvement Protocol 59: Improving Cultural Competence

Substance Abuse and Mental Health Services Administration, US Department of Health and Human Services, 2014

www.samhsa.gov/resource/ebp/tip-59-improving-cultural-competence

Этот протокол представляет собой модель развития культурной компетентности в условиях охраны психического здоровья. Модель служит основой для определения трех организационных уровней лечения: индивидуального консультанта и персонала, клинического и программного, а также организационного и административного. Она помогает читателям понять роль культуры в оказании услуг по охране психического здоровья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Больше информации о связях между психическим здоровьем и агрессивным поведением или их отсутствии см. в E. Fuller Torrey et al., «The MacArthur Violence Risk Assessment Study Revisited: Two Views Ten Years after Its Initial Publication,» *Psychiatric Services* 52, no. 2 (февраль 2008): 147–152; Tori DeAngelis, «Mental Illness and Violence: Debunking Myths, Addressing Realities,» *Monitor on Psychology* 52, no. 3 (апрель-май 2021): 31–36; Graham Thornicroft, «People with Severe Mental Illness as the Perpetrators and Victims of Violence: Time for a New Public Health Approach,» *Lancet* 5, no. 2 (февраль 2020): e72–e73.
- 2 См., например, Simon Copeland and Sarah Marsden, «The Relationship between Mental Health Problems and Terrorism,» Centre for Research and Evidence on Security Threats, ноябрь 2020, <https://crestresearch.ac.uk/resources/the-relationship-between-mental-health-problems-and-terrorism>; Paul Gill et al., «Systematic Review of Mental Health Problems and Violent Extremism,» *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology* 32, no. 1 (2021): 51–78; Rezhna Mohammed and Frank Neuner, «War Trauma, Mental Health, Aggressions, and Violent-Extremism among Former ISIS Terrorists,» *Journal of Affective Disorders Reports* 10 (2022).
- 3 National Council for Mental Wellbeing, «Mass Violence in America: Causes, Impacts, and Solutions,» август 2019, в www.thenationalcouncil.org/wp-content/uploads/2019/08/Mass-Violence-in-America_8-6-19.pdf?daf=375ateTbd56.
- 4 См., например, National Council, «Mass Violence in America»; Jordy Krasenberg and Lieke Wouterse, «Mental Health Disorders as a Pathway to Extremism,» Radicalization Awareness Network, 13 марта, 2019, https://ec.europa.eu/home-affairs/pages/page/ran-hsc-understanding-mental-health-disorders-pathway-leading-violent-extremism-turin-13-march-2019_en.
- 5 Oluf Gøtzsche-Astrup and Lasse Lindekilde, Either Or? Reconciling Findings on Mental Health and Extremism Using a Dimensional Rather than Categorical Paradigm,» *Journal of Forensic Sciences* 64, no. 4 (июль 2019): 982-988.
- 6 Daniel Koehler, «Violent Extremism, Mental Health and Substance Abuse among Adolescents: Towards a Trauma Psychological Perspective on Violent Radicalization and Deradicalization,» *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology* 31, no. 3 (2020): 455-472.
- 7 Emily Winterbotham, *Do Mothers Know Best? How Assumptions Harm CVE* (London: Tony Blair Institute for Global Change, 2018).
- 8 Inter-Agency Standing Committee, *Community-Based Approaches to MHPSS Programmes: A Guidance Note*, 2019, <https://interagencystandingcommittee.org/system/files/2021-10/Community-Based%20Approaches%20to%20MHPSS%20Programmes-%20A%20Guidance%20Note.pdf>.
- 9 Centers for Disease Control and Prevention, Division of Community Health, *A Practitioners Guide for Advancing Health Equity: Community Strategies for Preventing Chronic Disease* (Atlanta, GA: US Department of Health and Human Services, 2013), sec. 4-6: Предотвращение насилия.
- 10 При составлении данного раздела многие сведения заимствованы из Substance Abuse and Mental Health Services Administration, «Principles of Community-Based Behavioral Health Services for Justice-Involved Individuals: A Research-Based Guide,» HHS Publication no. SMA19-5097 (Washington: US Department of Health and Human Services, Office of Policy, Planning, and Innovation, 2019), 9–13, <https://store.samhsa.gov/sites/default/files/d7/priv/sma19-5097.pdf>.
- 11 Michael J. Williams et al., «Expansion and Replication of the Theory of Vicarious Help-Seeking,» *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression* 12, no. 2 (2020): 99–104; William P. Evans, Laura Davidson, and Lorie Sicufuse, «Someone Listen: Increasing Youth Help-Seeking Behavior through a Text-Based Crisis Line for Youth,» *Journal of Community Psychology* 41, no. 4 (май 2013): 471-487.
- 12 Michael Williams, John G. Horgan, and William P. Evans, «The Critical Role of Friends in Networks for Countering Violent Extremism: Toward a Theory of Vicarious Help-Seeking,» *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression* 8, no. 1 (2016): 45–65, adapted from Bibb Latane and John M. Darley, «Group Inhibition of Bystander Intervention in Emergencies,» *Journal of Personality and Social Psychology* 10, no. 3 (1968): 215–221, as cited in *Social Psychology*, 6th ed., ed. Elliot Aronson et al. (Upper Saddle River, NJ: Pearson, 2007).

- 13 Graham Thornicroft, Tanya Deb, and Claire Henderson, «Community Mental Health Care Worldwide: Current Status and Further Developments,» *World Psychiatry* 15, no. 3 (октябрь 2016): 276.
- 14 Elizabeth Hartney, «What Is Motivational Interviewing?» *Verywell Mind*, 30 мая, 2021, www.verywellmind.com/what-is-motivational-interviewing-22378.
- 15 Shadd Maruna et al., «Pygmalion and the Reintegration Process: Desistance from Crime through the Looking Glass,» *Psychology, Crime, and Law* 10, no. 3 (сентябрь 2004): 273–274; Thomas Meisenhelder, «Becoming Normal: Certification as a State in Exiting from Crime,» *Deviant Behavior* 3, no. 2 (1982): 137-153.
- 16 «Global Behavioral Health,» Carter Center, доступно 5 января, 2022, www.cartercenter.org/health/mental_health/mh-liberia.html.
- 17 «EXIT-Germany | We Provide Ways Out Of Extremism,» EXIT-Germany, доступно 7 ноября, 2022, www.exit-deutschland.de/english/.
- 18 Network for Empowerment & Progressive Initiative, <http://www.nepiliberia.org/>.
- 19 Vikram Patel et al., «The Shona Symptom Questionnaire: The Development of an Indigenous Measure of Common Mental Disorders in Harare,» *Acta Psychiatrica Scandinavica* 95, no. 6 (июнь 1997): 469–475, <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/9242841/>.
- 20 См. программу Friendship Bench, www.friendshipbenchzimbabwe.org/about-us; Dixon Chibanda et al., «Effect of a Primary Care–Based Psychological Intervention on Symptoms of Common Mental Disorders in Zimbabwe: A Randomized Clinical Trial,» *Journal of the American Medical Association* 316, no. 24 (декабрь 2016): 2618-2626.

МОДУЛЬ 2

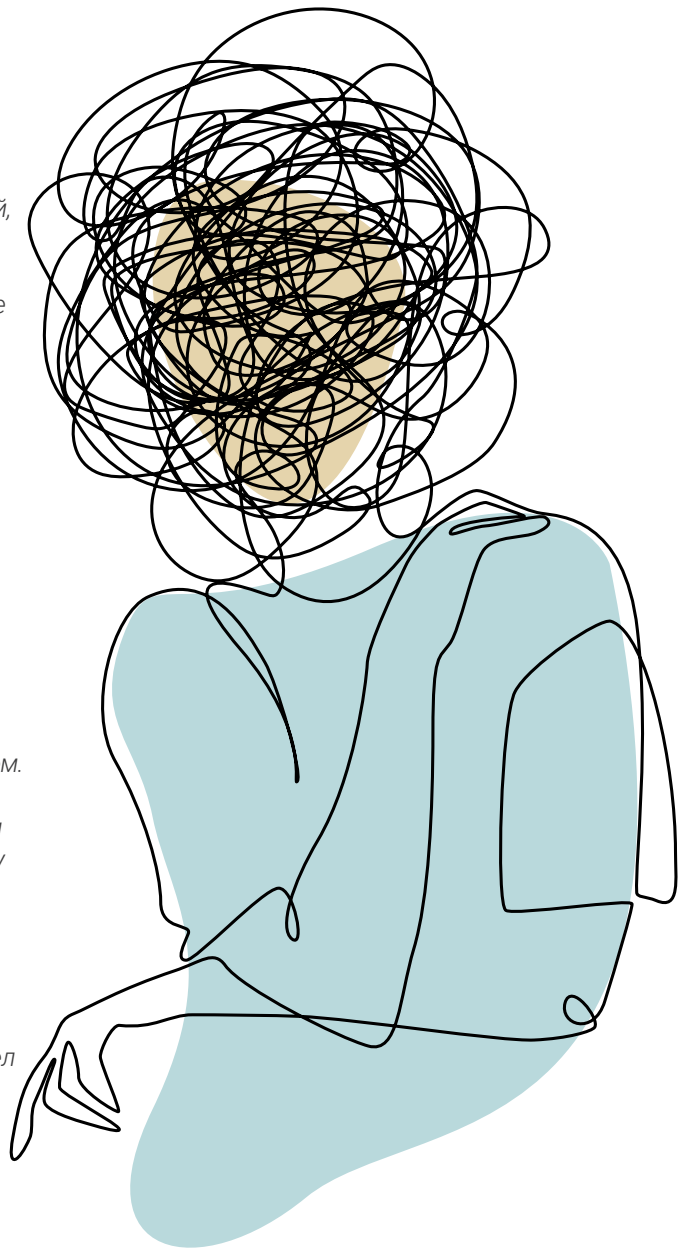
ПОМОЩЬ В ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОМ ВОССТА- НОВЛЕНИИ

Шади медленно собирал осколки того, что когда-то было лампой, теперь разбросанные по всей комнате. Чувство сожаления переполняло его. Он злился на себя за то, что не сломал что-нибудь другое. Его жена съежилась в углу, вздрагивая. В течение многих лет Шади испытывал трудности с контролем своих эмоций. Но интенсивность, частота и жестокость его вспышек росли с тех пор, как он вернулся из Сирии.

Жена не задавала ему никаких вопросов ни об его отъезде, ни о возвращении. Она отвечала на его редкие звонки всякий раз, когда он звонил из Сирии, но ничего не знала о его бытности бойцом кроме того факта, что он отправился «защищать друзей» в Дейр-эз-Зор. Она рассказывала людям, что он путешествует по работе, что у него новое совместное предприятие с другом в Ливии.

После своего возвращения Шади мало разговаривал с женой. Секс был частым, но механическим, и порой граничил с насилием. Большую часть своего времени Шади проводил дома. Коммуникабельный в общении с незнакомцами, но практически призрак в собственном доме, он присутствовал, но по большому счету был невидимым, он с утра до ночи сидел в одной комнате.

Шади с трудом мог вспомнить, что той ночью стало причиной вспышки его гнева. Было бесполезно приносить извинения, поскольку он знал, что это повторится снова. Пока он собирал осколки, у него в голове промелькнули образы отца. Он не хотел походить на своего отца. Он не хотел причинять боль другим, так, как отец причинял боль Шади, когда тот был ребенком.

*Шади обнаружил, что погряз в сожалении и покорности тому, кем стал. Думать об этом, не говоря уже о попытках найти другой путь вперед, казалось бесполезным. Неуверенность в себе и отвращение только усилились с тех пор, как он вернулся из Сирии. Он находил мало удовольствия в своей бытности бойцом. Он знал, что собирается убивать. Он хотел убивать, но не с такой жестокостью и не с той небрежностью, свидетелем которой был. Он подписался убивать, но не насиловать и не пытаться. Время, проведенное им в Сирии, несмотря на отчаянное стремление найти большую цель и построить место, которому он мог бы принадлежать, стало разочарованием. Хуже того, теперь на его руках была невинная кровь, а он знал, что они действительно были невинными, и в любой момент один из тех людей, с которыми он сражался, мог раскрыть широкой общественности подробности всего того, что он сделал.**

ВЫВОДЫ

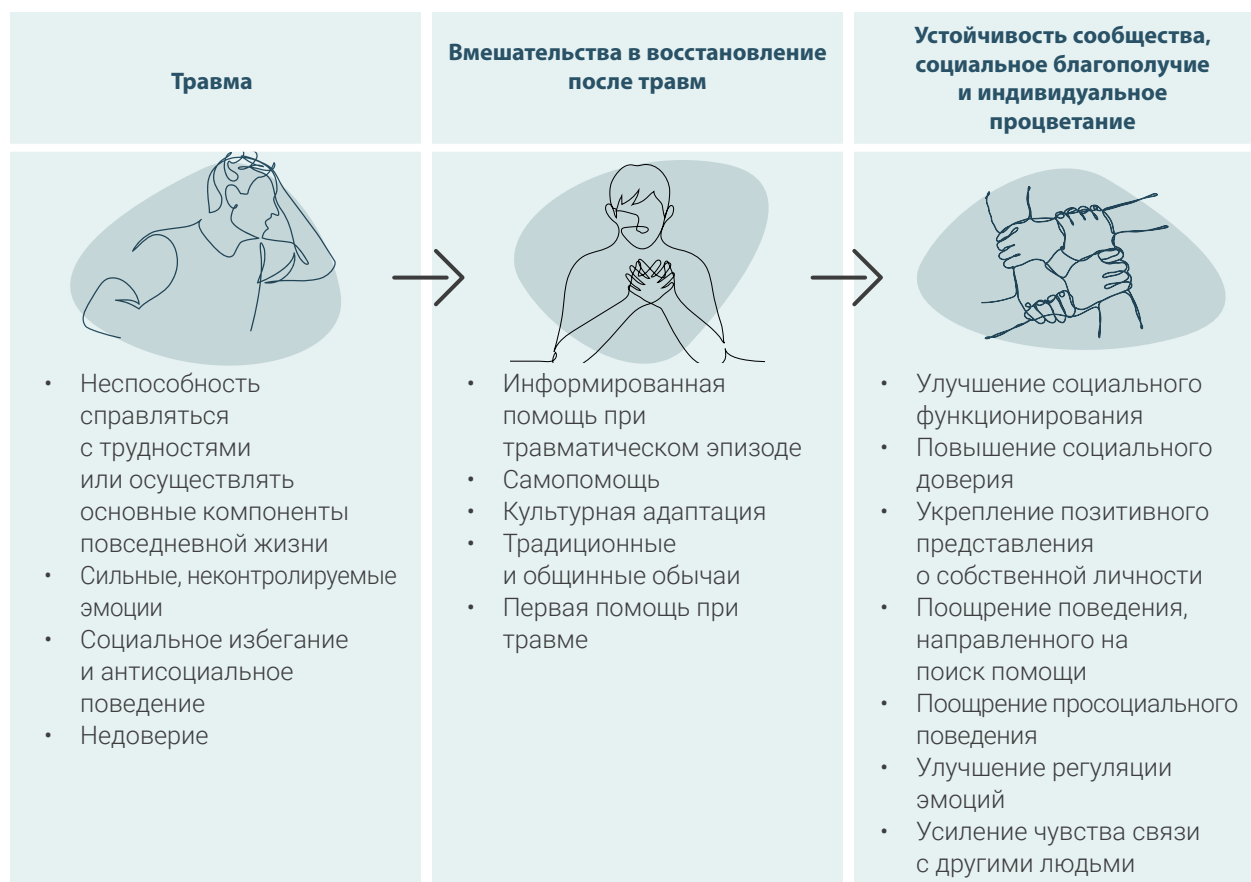
Ни воздействие хронического стресса и травм, ни последующие проблемы с психическим здоровьем сами по себе не заставляют людей принимать участие в насильственных действиях экстремистов и не повышают для них риск подобных действий. Тем не менее подверженность хроническому стрессу и травмам в детском или взрослом возрасте повышает риск возникновения эмоциональных и поведенческих проблем. В определенных случаях эти проблемы могут взаимодействовать с другими факторами, способствуя антисоциальному и агрессивному поведению, в том числе участию в насильственных действиях экстремистов.¹ Перенесенная травма может повлиять на когнитивное развитие, моральное суждение, принятие решений, контроль побуждений и регуляцию эмоций. Когда эти последствия усугубляются другими факторами социальной среды, такими как маргинализация, насилие в семье, изоляция или экстремистские социальные или политические влияния, они могут усилить влечение людей к насильственным действиям экстремистов или участию в агрессивном поведении.

Для небольшой части перенесших травму лиц, которые участвуют в насильственных действиях экстремистов, прошлые травмы могут влиять на их мобилизацию в насильственные действия экстремистов и создавать барьеры для (ре)интеграции после прекращения участия в таких действиях.² Таким образом, крайне важно, чтобы практикующие врачи устраняли психологические и поведенческие последствия травмы среди людей, отказывающихся от участия в насильственных действиях экстремистов, и создавали вокруг них благоприятную защитную среду, чтобы снизить риск повторного участия в насилии и способствовать психосоциальному благополучию в сообществе.

На рисунке 2.1 показано, как поддержка восстановления после травмы может способствовать устойчивости сообщества, социальному благополучию и индивидуальному процветанию за счет снижения барьеров для просоциального поведения. Восстановление после травмы может положительно повлиять на представление о собственной личности и способность человека к здоровому мышлению, поведению и отношению. Программы, направленные на восстановление после травм, могут способствовать регуляции эмоций, умениям справляться с жизненными трудностями и навыкам межличностного общения, альтернативам насилию, когнитивному переосмыслению травматических переживаний и установлению связи с другими, что при поддержке соответствующего образования и возможностей для получения средств к существованию может создать устойчивое позитивное взаимодействие и формирование идентичности среди (ре)интегрирующихся людей.

* Авторы выражают благодарность тематическим консультантам данного модуля: Терезе С. Бетанкорт, ScD, MA, директору Программы исследования, посвященной детям и неблагоприятным факторам, Boston College School of Social Work, и Б. Хайди Эллис, Доктору наук, директору Trauma and Community Resilience Center, Boston Children's Hospital.

Рисунок 2.1. Восстановление после травмы и RISE: Теория изменения

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Негативный детский опыт (НДО) — это потенциальные травмирующие события, имеющие место в детстве, к которым могут относиться насилие, neglect или бытовая дисфункция. Такой опыт может влиять на здоровье и социальное функционирование человека на протяжении всей его жизни.

Поведенческое/психическое здоровье и психосоциальная поддержка (П/ПЗПСП) — это действия, направленные на содействие личному благополучию, психическому здоровью и навыкам здорового поведения. П/ПЗПСП включает в себя зависимые от контекста системы поддержки, которые берут за основу имеющиеся сильные стороны местных сообществ.

Хронический стресс является следствием накопления стрессовых переживаний, которые, ввиду воздействия на различные когнитивные и физиологические процессы, могут вызывать долговременные негативные изменения физического здоровья, психологического здоровья и социальных отношений.

Коллективная травма означает травматические инциденты, испытанные большой группой людей или определенными слоями общества. Коллективные травмы могут влиять на людей так же, как и любая травма, но, вместе с тем, и на идентичность, ценности, убеждения, нормы и обычаи всего пострадавшего сообщества на протяжении нескольких поколений.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — это специфический кластер когнитивных, эмоциональных и поведенческих симптомов, сохраняющихся дольше тридцати дней после перенесения травмы. Они включают в себя повышенную чувствительность к напоминаниям о травме, повышенную реакцию испуга, избегание определенных ситуаций, напоминающих о травме, а также изменения в мировоззрении и представлении о собственной личности. Эти симптомы вызывают серьезное эмоциональное расстройство, влияющее на способность индивида функционировать социально, профессионально и в быту. Симптомы могут оставаться латентными в начальный период после перенесения травмы и проявляться через несколько дней, недель, месяцев или даже лет после события, часто в ответ на более позднее напоминание о первоначальной травме.

Психообразование предполагает предоставление информации эмпатическим, располагающим и структурированным способом, чтобы помочь людям лучше понять и справиться с поведенческими проблемами или проблемами психического здоровья. В контексте RISE предоставленная информация является научной информацией о влиянии токсического стресса и травмы на людей и сообщества, пострадавших от насильственных действий экстремистов. А также о том, чего могут ожидать отдельные лица, семьи и прочие, и как они могут реагировать на ожидаемое или неожиданное поведение и проблемы.

Устойчивость — это состояние, в котором у человека есть способности и необходимая поддержка в социальной среде, чтобы реагировать на, приспосабливаться к, управлять, выдерживать или преодолевать кризисные или тяжелые изменения, полагаясь на положительные отношения, связи и стратегии управления стрессовыми ситуациями и регуляции эмоций.

Самопомощь — это процесс поддержания собственного крепкого здоровья и личного благополучия с помощью моделей поведения, которые способствуют улучшению здоровья и активному лечению болезней или расстройств в случае их возникновения.

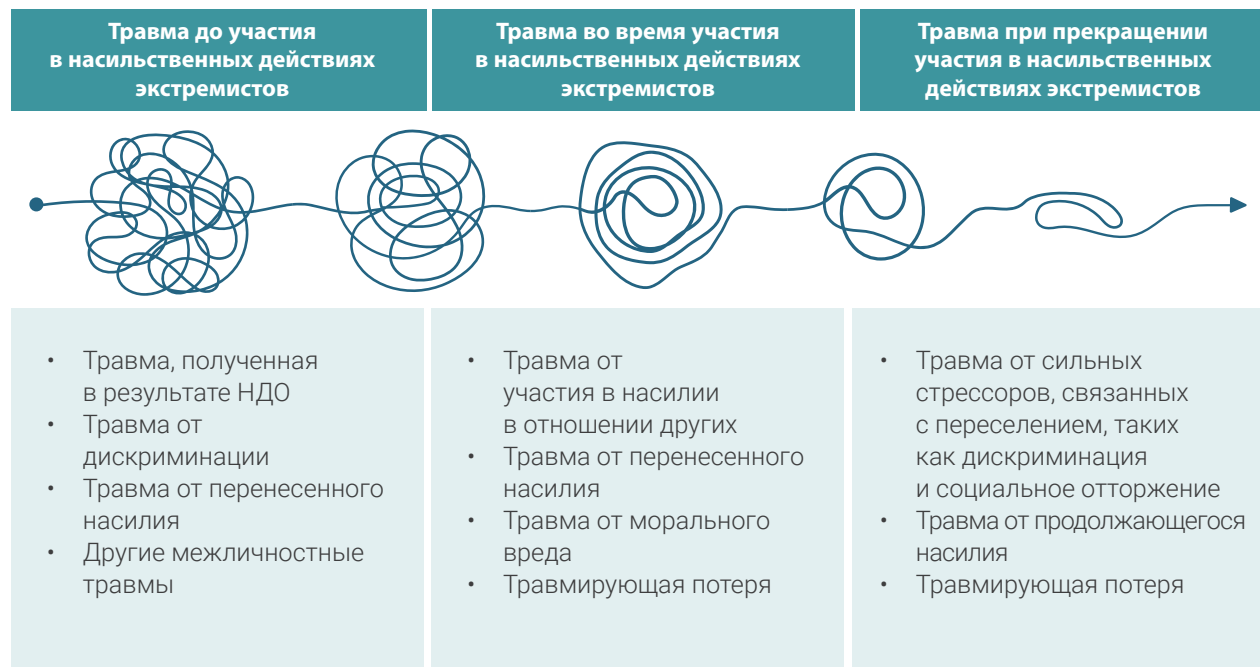
Травма — это событие или ряд событий, часто опасных для жизни или воспринимаемых как опасные для жизни, которые пересиливают способность мозга и тела справляться с ними. Воздействие травмы может привести к нежелательным изменениям в физиологии и психологии, воздействуя на мысли, отношения и поведение. В некоторых случаях оно может привести к социальному избеганию, а также агрессивному или буйному поведению. Недавние исследования показали, что травма может оказать биохимическое влияние на экспрессию генов в последующих поколениях.

Информированная помощь при травматическом эпизоде является не специфической техникой или методом лечения, а осведомленностью и восприятием воздействия травматического стресса, которые поставщики услуг должны поддерживать на протяжении всего плана лечения, продвигая культуру безопасности, расширения возможностей и исцеления. Программа, организация или система, осведомленная о травмах, осознает их широкое воздействие и понимает потенциальные пути для восстановления. А еще она распознает признаки и симптомы травмы у клиентов, семей, сотрудников и других лиц, связанных с системой, и реагирует, полноценно внедряя знания о травме в политику, процедуры и практику, а также оказывая активное противодействие повторному травмированию.

ЗАЧЕМ СОДЕЙСТВОВАТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПОСЛЕ ТРАВМ?

Внедрение восстановления после травмы и П/ПЭПСП в RISE не предназначено для помощи в выявлении психически больных людей для подтверждения того, повышает ли психическое заболевание риск участия в насильственных действиях экстремистов, или для сообщения механизмов оценки риска. Вместо этого оно направлено на устранение психосоциальных и поведенческих препятствий для позитивного взаимодействия со сверстниками и сообществом, а также на усиление защитных факторов, способствующих просоциальному выбору среди тех, кто отказался от участия в насильственных действиях экстремистов. Независимо от того, какую роль на пути к насильственным действиям экстремистов может играть травма, воздействие хронического стресса и травмы может иметь место на различных этапах пути человека к насильственным действиям экстремистов и выхода из них: до вовлеченности в такие действия, во время вовлеченности, а также во время отказа от участия в них и при (ре)интеграции. Таким образом, специалисты-практики должны учитывать то, как различные травматические переживания могли повлиять на участвующих в насильственных действиях экстремистов в различные моменты до, во время и после вовлеченности в них (см. рис. 2.2).

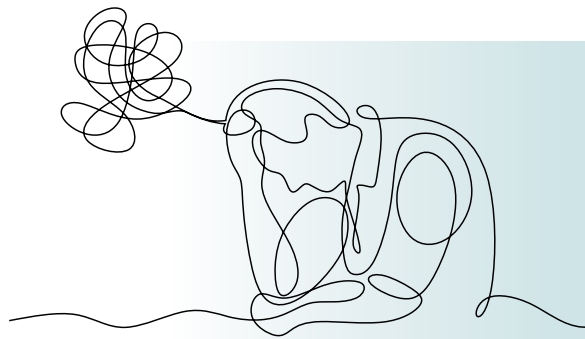
Рисунок 2.2. Примеры травмы на разных этапах насильственных действий экстремистов

Связь с насильственными действиями экстремистов

Более 95 процентов террористических актов происходят в странах, которые уже находятся в состоянии конфликта или подвергаются политическому насилию.³ Политическое насилие и связанные с ним кризисы порождают бесчисленные стрессовые и потенциально травмирующие переживания, в том числе вынужденную миграцию, разлучение семей, прямое насилие, нарушение социальной поддержки, нужду и бедность. Такие невзгоды оказывают глубокое влияние на отдельных людей, взаимоотношения и сообщества.

Различные исследования указывают на то, что непропорционально большое количество людей, вовлеченных в насильственные действия экстремистов, имеют опыт, характеризующийся жестоким обращением или детской травмой.⁴ Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что эмоциональные и поведенческие расстройства из-за травм, связанных с войной, могут передаваться из поколения в поколение, поскольку могут способствовать повышенному риску жесткого или эмоционально нестабильного поведения родителей.⁵ Более предметные исследования также показывают, что коллективное восприятие, как и непосредственный опыт дискриминации, маргинализации и виктимизации, распространены среди людей, вовлеченных в насильственные действия экстремистов, и могут влиять на поддержку таких действий.⁶ Такой экстремальный опыт — от жестокого обращения в детстве до дискриминации во взрослом возрасте — может оказывать существенное влияние на биологию, психологию и поведение людей. Кроме того, учитывая распространенность этих и других травм в среде, где процветают экстремизм и насилие, практикующие специалисты должны понимать возможное влияние таких невзгод на насильственные действия экстремистов.

Какой-либо прямой причинно-следственной связи между воздействием травмы или хронического стресса и мобилизацией в насильственные действия экстремистов не установлено. Немногие люди из затронутых конфликтом или сильно травмированных мест принимают участие в насильственных действиях экстремистов. Аналогично, несмотря на то что среди людей, вовлеченных в насильственные действия экстремистов, часто обнаруживается непропорционально высокое количество перенесенных травм, лишь немногие из переживших травматическое событие участвуют в насильственных действиях экстремистов. Таким образом, травма сама по себе не может считаться фактором риска вовлечения в насильственные действия экстремистов. Однако некоторые адаптации, возможные следствия хронического стресса и травмы, могут влиять на биологию, мысли и поведение, которые, в свою очередь, могут взаимодействовать с другими факторами внешней среды, содействуя мобилизации в насильственные действия экстремистов и потенциально усложняя (ре)интеграцию тех, кто прекратил участие в таких действиях.

Воздействие травмы может повлиять на мозг, тело, самооценку и социальное поведение так, что это создаст барьеры для здорового взаимодействия с собой и обществом. Нет двух людей с одинаковой реакцией на травматические переживания, и только у некоторых из переживших травмирующие события разовьется посттравматическое стрессовое расстройство или другие адаптации, существенно ухудшающие состояние здоровья. Медицинские диагнозы, такие как ПТСР, отражают только определенный набор симптомов, тогда как связанные с травмой адаптации, имеющие значение для RISE, могут выходить за рамки симптомов, отражаемых медицинскими диагнозами. Независимо от диагноза, травматические переживания могут повлечь за собой изменения в деятельности нервной системы, высших психических функций, когнитивных способностей и моделей межличностного поведения. Многие посттравматические адаптации могут быть полезными в краткосрочной перспективе, поскольку в состоянии помочь людям остаться в живых и справиться со стрессовыми переживаниями, но со временем некоторые из этих адаптаций теряют свою полезность и могут стать вредными, ставя под угрозу физическое здоровье, психологическое благополучие и социальное функционирование. К тому же, не исключается, что некоторые из социальных и поведенческих адаптаций, возникающих в результате травмы, могут повышать уязвимость к негативным влияниям, способствовать нездоровым стратегиям преодоления и препятствовать усилиям по формированию просоциальных связей в процессе (ре)интеграции.

На вероятность развития симптомов или адаптаций после травмы влияют различные факторы, в том числе генотип, культура, возраст, в котором имеют место эти переживания, их продолжительность, частота и интенсивность, поддержка, полученная после этих событий, а также среди прочих факторов вина и самобичевание. Несмотря на трудность предсказания реакции определенного человека на травматические события, на рисунке 2.3 показаны некоторые из адаптаций, которые могут возникнуть.

Рисунок 2.3. Возможные адаптации после травмы

Связь с RISE

Травма может не только повысить риски участия в насильственных действиях экстремистов, но и усложнить (ре)интеграцию человека после прекращения участия в таких действиях.⁷ Для успешной реабилитации (ре)интегрирующихся людей требуется глубокое и тщательное понимание того, как травма может повысить факторы риска и ослабить защитные факторы для людей в их социальной среде. Практики должны иметь рабочее понимание того, как воздействие травмы может повлиять на различные когнитивные и реляционные процессы, и взаимодействовать с общественными и структурными факторами, чтобы облегчить или усложнить (ре)интеграцию.

Те, кто принимал участие в насильственных действиях экстремистов, могли пережить травму до своего участия в них или из-за того, что являлись очевидцами или участниками насильственных действий, жестокого обращения или эксплуатации, сексуального насилия, боевых действий во время войны или другого опыта.⁸ Кроме того, сам процесс (ре)интеграции, возможно, станет стрессовым или травматическим, поскольку может включать в себя переживания беспокойства или стыд, связанные с надзором или повышенным вниманием со стороны правоохранительных органов или служб безопасности, задержанием, тюремным заключением, дискриминацией, безработицей, нестабильной ситуацией с жильем или долгосрочными проблемами, которые были частью их мира до участия в экстремизме. Сам этот мир может быть изуродованным нищетой, изоляцией, репрессиями или предполагаемой несправедливостью. Кроме того, и в частности в сообществах, затронутых насильственными действиями экстремистов, коллективная травма от таких действий может вылиться в социальное отторжение тех, кто в них участвовал. А это создает дополнительные препятствия для просоциального взаимодействия между теми, кто прекращает участия в этих действиях, и членами сообщества.⁹ (Более подробно эта тема обсуждается в модуле 3 «Уменьшение социального отторжения»)

Вне зависимости от того, в какой момент на пути к участию в насильственных действиях экстремистов человек пережил потенциально травмирующие переживания, определенные адаптации к травме могут быть особенно актуальными и заслуживать пристального внимания, когда речь идет об (ре)интегрирующихся людях.

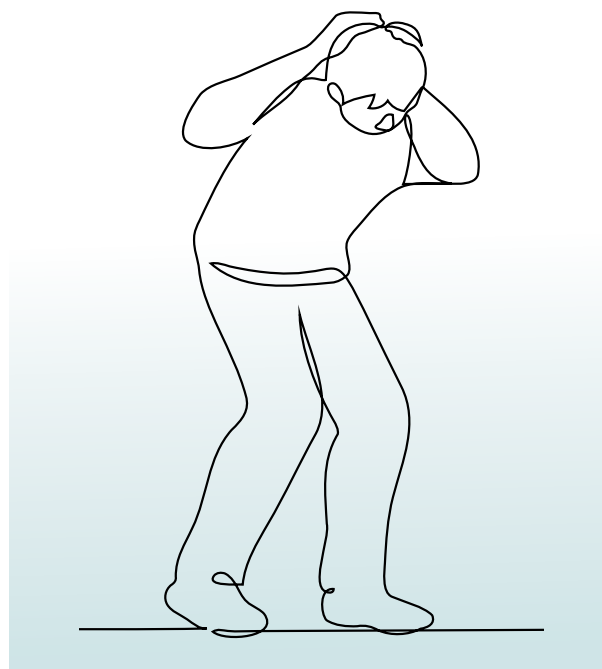
Например, для многих чувство сопричастности, цели и поддержки, которые сопровождали участие в группе воинствующих экстремистов, предлагало защиту от проблем с поведенческим и психическим здоровьем, включая в себя травматические эпизоды, пережитые во время участия в насильственных действиях экстремистов.¹⁰ Новые или вынужденные отношения с людьми, которые придерживаются далеких или несовпадающих взглядов, способов самоидентификации или идеологий, возможно, не будут в состоянии предоставить тот же самый субъективно воспринимаемый уровень поддержки, как эти взаимоотношения.

В этом смысле формирование здоровых социальных связей имеет критически важное значение для восстановления после травмы. А при попытках решить трудности в взаимоотношениях необходимо задуматься, могло ли участие в насильственных действиях экстремистов само по себе обеспечить некоторые механизмы приспособления или другие защитные преимущества,

«Для многих чувство сопричастности, цели и поддержки, которые сопровождали участие в группе воинствующих экстремистов, предлагало защиту от проблем с поведенческим и психическим здоровьем, включая в себя травматические эпизоды».

и каким образом. Другими словами, восстановление после травмы в контексте RISE должно быть тщательно продумано на предмет способствования формированию отношений нужного типа и качества для (ре)интегрирующихся.

Помимо трудностей во взаимоотношениях, другие адаптации к травмам, такие как трудности с доверием, изменения в эмпатии в аутгруппе, повышенная реакция на угрозы и проблемы с саморегуляцией, могут усложнить (ре)интеграцию с позиции как тех, кто прекращает участие в насильственных действиях экстремистов, так и сообществ, и отдельных лиц, пострадавших от таких действий. Многие из этих адаптаций создают когнитивные и поведенческие барьеры для (ре)интеграционной деятельности, и могут напрямую влиять на качество взаимоотношений и социальных взаимодействий. Восстановление после травмы снижает барьеры для просоциального взаимодействия, которое имеет решающее значение для успеха программ RISE. Другие связанные с конфликтом области, в частности разоружение, демобилизация и реинтеграция (РДР), могут предоставить основания для внедрения в программы реабилитации после травм. Исследования и практический опыт показывают, что устранение травм с помощью стратегий восстановления после травм на уровне сообщества может способствовать просоциальному взаимодействию и устойчивому миру.¹¹

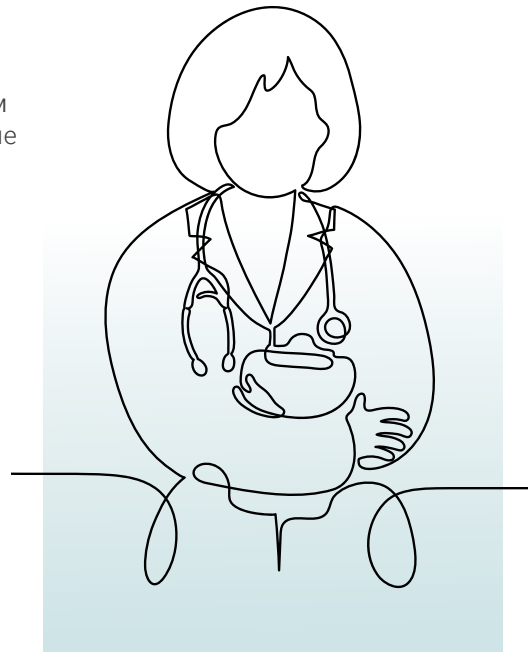
КАК СОДЕЙСТВОВАТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПОСЛЕ ТРАВМ

Мобилизация и вовлеченность в насильственные действия экстремистов, нападения и смерти в несоразмерно большей степени происходят в зонах конфликтов. Высокий уровень насильственных конфликтов в сочетании с насильственными действиями экстремистов повышает подверженность сообществ потенциально травмирующим событиям, а конфликтующие сообщества исторически часто имеют разрозненную инфраструктуру психического здоровья и скудную международную поддержку в области поведенческого и психического здоровья. Ограниченность ресурсов, уязвимая инфраструктура, нехватка времени, проблемы с безопасностью и социальные нормы, которые подрывают желание участвовать в П/ПЗПСП, создают трудности для реальной интеграции травмы в работу по укреплению мира, такую как RISE.

Несмотря на призывы практиков и политиков к инновационным, масштабируемым методам уменьшения роли травмы в негативных последствиях, менее 1 процента медицинской помощи развивающимся странам предназначено для охраны психического или поведенческого здоровья, что включает восстановление после травм и программы П/ПЗПСП для тех, кто пережил травму и утрату.¹² Кроме того, на сегодняшний день не проводилось четкой оценки того, какой процент глобальной деятельности по миростроительству приходится на устранение травмы и восстановление после нее, в частности

с применением доказательных, клинически подтвержденных и научно выверенных способов. Кроме того, во многих затронутых конфликтом странах, та небольшая поддержка, которая оказывается программам восстановления после травм или П/ПЗПСП, большей частью направляется в государственные больницы или центры первичной медико-санитарной помощи и управляется ими же, но несмотря на важность этих учреждений, они могут непреднамеренно ограничивать усилия по оказанию психосоциальной поддержки на уровне сообщества, ограничивая доступ к ней.¹³

С 2003 года Всемирная организация здравоохранения выступает за усиление поддержки «неформальной» и общественной помощи, которые могут включать в себя самопомощь, психообразование и непрофессиональные формы психосоциальной поддержки под руководством членов сообщества-непрофессионалов, прошедших специальную подготовку. Аналогично Межучрежденческий постоянный комитет (МПК) (Inter-Agency Standing Committee, IASC) по П/ПЗПСП в чрезвычайных ситуациях уже давно называет ключевую роль базовых услуг, поддержки со стороны сообщества и семьи, а также узконаправленных непрофессиональных вмешательств П/ПЗПСП в удовлетворении потребностей пострадавших от конфликта сообществ в области психического здоровья способом, интегрирующимся и полагающимся на все общество, а не только на медицинских работников. Несмотря на необходимость увеличивать потенциал систем здравоохранения для лечения тяжелых психических заболеваний и индивидуального восстановления после травмы, П/ПЗПСП на уровне сообщества может также помочь справиться с последствиями травмы для сообществ и отдельных лиц, в том числе (ре)интегрирующихся людей, одновременно укрепляя устойчивость сообществ в целом с тем, чтобы они могли противостоять насилию, потерям и потрясениям и восстанавливаться после них.

Расширение масштабов неформальной общественной помощи может помочь в создании внешних условий, способствующих всесторонней поддержке людей, переживших хронический стресс и травму. Так же, как и создание систем, основывающихся на информации о травмах. Такие системы чувствительны к воздействию травмы на человеческое поведение и активно внедряют эти знания в политику и практику. Другими словами, путем повышения осведомленности о травме, выявления симптомов и политики, проводимой с учетом травмы, подходы, основанные на информации о травмах, помогают смягчить их последствия даже в той деятельности, которая не имеет ничего общего с психическим здоровьем.

Для целей RISE, этот модуль подчеркивает важность инновационных подходов, которые преднамеренно и напрямую воздействуют на последствия хронического стресса и травм среди лиц, пострадавших от насилия, в том числе людей, принимавших участие в насильственных действиях экстремистов. В этом модуле также подробно описываются преимущества создания систем, основывающихся на информации о травмах, в более широком сообществе в регионах, принимающих (ре)интегрирующихся людей.

Аспекты планирования и разработки

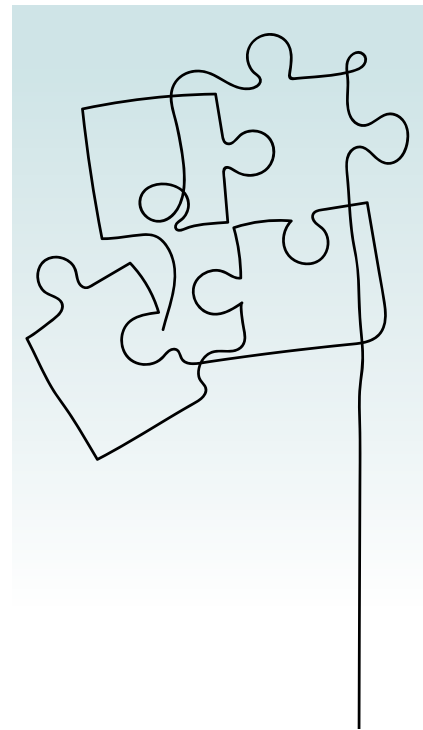
Преодоление травм имеет решающее значение для успеха программ RISE. Хотя традиционное индивидуальное лечение травм, предоставляемое специалистами по психическому здоровью в профессиональных медицинских учреждениях, может уменьшить адаптации к травме и связанные с ней симптомы у отдельных лиц, необходимо учитывать и устранять некоторые барьеры и риски, связанные с фокусировкой на индивидуальном подходе к лечению.

Во-первых, штат специально подготовленных специалистов, обладающих необходимыми навыками и культуральной компетентностью для работы с идеологически мотивированными людьми, является ограниченным. Во-вторых, индивидуальный подход к лечению травм не должен отвлекать от необходимости внедрения подходов под руководством сообщества, социально-экологических и междисциплинарных подходов, которые подчеркивают важность поддерживающих социальных связей, сохранения позитивного поведенческого здоровья и продвижения соответствующего образования и возможностей для получения средств к существованию. (Больше о мерах, касающихся средств к существованию, см. в модуле 4 «Содействие социальной принадлежности»). В-третьих, гарантия конфиденциальности и доверия между психотерапевтами и пациентами имеет решающее значение и должна защищаться, даже если в получении результатов лечения травм заинтересованы органы безопасности.

Признание важности восстановления после травм на уровне сообщества

В рамках программ дерадикализации и отказа от участия в экстремизме, в ряде стран, в том числе Казахстане, Северной Македонии, Саудовской Аравии, Сингапуре, Шри-Ланке и Соединенном Королевстве, предусмотрена разная степень обязательной поддержки психического здоровья для отдельных лиц. Однако большинство этих мероприятий предлагалось в местах лишения свободы и содержания под стражей при незначительном участии субъектов сообщества.

В некоторых обстоятельствах прежде чем заниматься лечением травмы или предлагать сложное лечение П/ПЗПСП, важно установить чувство стабильности и безопасности. Поэтому важным первым шагом на пути к этой цели может стать переселение или расселение. Продолжительное воздействие травмирующих событий или обстоятельств в рамках сообщества, в дополнение к трудноразрешимым или неразрешимым проблемам, таким как жизнь в сообществе, страдающем от насилия, или отсутствие доступа к П/ПЗПСП, может замедлять или препятствовать успешному отказу от участия в экстремизме, процессу реабилитации и (ре)интеграции.

Передовая практика в области П/ПЗПСП и текущие рекомендации Всемирной организации здравоохранения и других координационных органов подтверждают, что оказание неформальной помощи на уровне сообщества должно стать первым шагом к восстановлению после травмы, за которым следует подключение общественных программ к профессиональным услугам по охране психического и поведенческого здоровья, когда и где это необходимо. Усилия, ориентированные на местное население, включая восстановление после травм, являются краеугольным камнем программ RISE.

У каждого сообщества будут свои собственные положительные общественные ресурсы, которые можно эффективно использовать для предоставления базовых услуг по восстановлению после травм способами, которые знакомы и приемлемы для местных норм и культур. При наличии соответствующих структур для надзора и контроля пользующиеся доверием лидеры сообщества, такие как старейшины, учителя или религиозные деятели, могут пройти обучению по оказанию первой помощи при травмах и формальным научно-обоснованным вмешательствам в области поведенческого здоровья.

Программы, ориентированные на потребности сообщества, имеют практическую значимость не только из-за способности уделять первостепенное внимание созданию социальных связей и принадлежности, но также полезны в условиях ограниченного количества соответствующих специалистов. Подключение общественных программ к профессиональным услугам по охране поведенческого здоровья и первичной медико-санитарной помощи позволяет использовать непрофессиональных медицинских работников и других лиц, участвующих в междисциплинарных подходах и обладающих профессиональными знаниями и навыками для оказания помощи в восстановлении после травм, а также способных направлять конкретные случаи для получения специализированного лечения. Тем не менее использование неспециалистов для оказания услуг П/ПЗПС лицам, подвергшимся серьезной травме, также должно соответствовать передовым методам обучения, наблюдения и контроля качества. Кроме того, эти оказываемые неспециалистами услуги должны тщательно увязываться с непрерывным оказанием медицинской помощи, с тем чтобы можно было привлечь более высококвалифицированных специалистов в области психического здоровья всякий раз, когда требуется более высокий уровень помощи.

Практика предоставления информированной помощи при травмах

Программы и стратегии, направленные на отказ от участия в насильственных действиях экстремистов, на реабилитацию и (ре)интеграцию, должны отображать информированный подход к травмам во множестве необходимых медицинских услуг и услуг, связанных с экстремизмом. Это делается не для того, чтобы уменьшить потребность в поддержке психического здоровья для восстановления после травмы, а для того, чтобы подчеркнуть, что программы RISE предусматривают куда больше, чем программы П/ПЗПСП. Действительно, все заинтересованные стороны в программах RISE добьются большего успеха в своей деятельности, если будут учитывать последствия травмы для

Гендерные аспекты

- Воздействие сексуального и гендерно обусловленного насилия (СГОН) в отношении женщин, мужчин, девочек, мальчиков и людей с небинарной гендерной идентичностью может привести к травме. Гендерная социализация и ожидания могут повлиять на проявление признаков этой травмы. Подспудное женоненавистничество и недостаток достоинства у женщин во многих обществах могут добавить еще один слой к получаемым женщинами травмам.
- У женщин в сообществах с ограничительными гендерными нормами должна быть возможность получения конфиденциального доступа к медицинской помощи при травме.

участников программы и смогут установить протоколы и методы, которые сводят к минимуму негативное воздействие травмы на людей и результаты программы, одновременно предлагая новые возможности для развития глубокой межличностной поддержки и возможности подняться на более высокую ступень в плане образования и профессиональной деятельности.

В 2014 году Substance Abuse and Mental Health Services Administration (SAMHSA) (Управление службы лечения наркотической зависимости и психических расстройств) при US Department of Health and Human Services (Министерства здравоохранения и социальных служб США) выпустило комплексную схему оказания информированной помощи при травмах. Несмотря на то, что эта схема предназначена для специалистов в области поведенческого здоровья в Соединенных Штатах, и несмотря на неосуществимость многих из ее конкретных компонентов в других ситуациях, особенно затронутых насильственным конфликтом, эта схема с учетом информации о травмах представляет собой полезное руководство для разработки программ.¹⁴ Мероприятия с учетом информации о травмах

- признают широко распространенное воздействие травмы;
- интегрируют осведомленность о травме во все элементы программы, организации или вмешательства;
- распознают признаки и симптомы травмы у отдельных лиц, семей и сообществ;
- пытаются противодействовать повторному травмированию.
- определяют множество путей восстановления после травмы;

SAMHSA рекомендует шесть принципов, которыми следует руководствоваться при подходе с учетом информации о травмах (см. блок 2.2). Эти принципы применяются ко всем усилиям RISE.

Блок 2.2. Шесть принципов SAMHSA для подхода с учетом информации о травмах*

Безопасность

Фокус на создании безопасности и защиты, насколько это представляется возможным в данной ситуации. Когда местные условия остаются небезопасными, цель восстановления может быть нереалистичной. Зато цели самоопределения и саморегуляции могут быть более реалистичными и значимыми.

Надежность и прозрачность

Деятельность всех сторонних интервентов должна быть прозрачной и подотчетной местным сообществам и бенефициарам. Создание новой модели помощи, которая будет уважительной, актуальной и ориентированной на отношения в сообществе.

Персонал, занимающийся (ре)интегрирующимися людьми, может получить вторичную травму, услышав и увидев последствия насильственных действий экстремистов. Поведение персонала, оказывающего поддержку в (ре)интеграции, должно помогать моделировать самопомощь, а также стратегии управления стрессом и травмой.

Поддержка сверстников

Проведите оценку контекста, чтобы определить местные ресурсы и модели отношений, которые могут выступать в качестве защитных факторов или факторов риска. Помните, что поддержка сверстников и разнообразие социальных связей тесно связаны с положительными исходами для поведенческого здоровья и восстановления после травм (см. модули 1 и 4).

Сотрудничество и взаимность

Уравняйте соотношение сил, поощряя открытое обсуждение динамики сил, вовлекая всех, особенно людей с маргинализованной идентичностью, в процесс принятия решений и оценивая роль каждого в восстановлении после травмы. Не забывайте расширять возможности и разрабатывать программы совместно с местными сообществами.

Сообщества обладают многими ресурсами, которыми часто пренебрегают. Создавайте направления на основании уже существующих в сообществе. Для помощи в активации местных сетей направлений проводите обучение существующих местных предприятий, таких как правительственные и общественные организации. Отслеживайте направления сообщества и последующие действия, чтобы убедиться в том, что вмешательства или услуги имели место, и осуществляйте мониторинг прогресса.

Расширение возможностей и выбор

Вместо того чтобы спрашивать: «Что с тобой не так?», чувствительный к травме подход к антисоциальному поведению спрашивает: «Что с тобой случилось?», чтобы выявить более широкие общественные модели отчуждения и причинения вреда, которые предшествовали вовлечению лица в насильственные действия экстремистов. Каждый член сообщества может внести свой вклад в восстановление после травмы. Снабдите и вооружите людей знаниями и пониманием того, как травма влияет на их тела, эмоции, поведение и мысли. Каждый член персонала и сообщества играет важную роль в моделировании самопомощи, регуляции эмоций и чувствительности к травмам во всех аспектах работы.

Культурные, исторические и гендерные вопросы

Вмешательства для восстановления после травмы должны учитывать местные культурные и религиозные особенности. Поведенческое здоровье одного человека является частью благополучия сообщества. Интегрированные программы восстановления после травм должны учитывать, что помощь при травмах необходимо предоставлять наряду с другими потребностями в здравоохранении, средствах к существованию и жилье.

Не забудьте закрепить восстановление после травмы в существующих культурных и религиозных практиках. Это могут быть ежедневные призывы к молитве, местные посиделки за кофе или чаем на городской площади или садоводческие клубы, приводящие людей в зоны зеленых насаждений. Учитывайте, что некоторые религиозные и культурные сообщества не одобряют модели восстановления после травм, предоставленные на языке западной клинической психологии. И все же не бойтесь сделать один шаг от культурно санкционированных до «непроизносимых» вещей, которые необходимо озвучить, чтобы способствовать восстановлению.

Учитывающий травму подход к прекращению участия в насильственных действиях экстремистов, к реабилитации и примирению признает необходимость предоставления людям альтернативных способов обретения чувства принадлежности и идентичности, которые могут предложить группы воинствующих экстремистов. Поиск путей выражения культурной, религиозной, этнической, гендерной и другой идентичности занимает центральное место в восстановлении после травмы.

* SAMHSA Trauma and Justice Strategic Initiative, «SAMHSA's Concept of Trauma and Guidance for a Trauma-Informed Approach,» HHS Publication no. (SMA) 14-4884 (Washington: US Department of Health and Human Services, июль 2014), 10–11, <https://store.samhsa.gov/sites/default/files/d7/priv/sma14-4884.pdf>.

Типы вмешательств и мероприятий

Профессионалы в области психического здоровья, миростроители и практики из различных областей разработали инновационные и эффективные подходы к преодолению негативных последствий хронического стресса и травм. Существующие подходы опираются на специальные знания в области медицинской науки, а также на вековые традиции общественных практик и ритуалов, которые, как было показано, улучшают связанные с травмой симптомы. Несмотря на доскональную оценку использования нескольких подходов к лечению травм именно у людей, вовлеченных в насильственные действия экстремистов, и недостаточность доказательств того, какие типы вмешательств лучше всего работают с идеологически мотивированными группами населения, появляется все больше данных об эффективности различных типов мероприятий, направленных на преодоление травм у людей, затронутых конфликтом и насилием.

Ряд эмпирически обоснованных, сфокусированных на травме вмешательств может быть целесообразным в условиях, связанных с RISE, и осуществляться поставщиками услуг в рамках более широких усилий по отказу от участия, по реабилитации и (ре)интеграции. Некоторые вмешательства могут осуществляться членами сообщества-неспециалистами, которые проходят специальную подготовку и постоянный мониторинг со стороны медработников. Другие действия должны выполняться только профессионалами в области психического здоровья. Во всех случаях осуществление сфокусированных на травме вмешательств требует участия и контроля со стороны квалифицированных специалистов в области психического здоровья, имеющих опыт работы с травмами, чтобы избежать практических методов, которые могут быть по-настоящему вредными при неправильном применении.

Было бы неразумно рекомендовать конкретные сфокусированные на травме вмешательства для использования в ситуациях RISE с учетом того, что доказательная база сильно отличается в зависимости от самих вмешательств, а данные из одной группы населения или условий необязательно предполагают получение аналогичных результатов в других условиях. Однако можно рассмотреть дальнейшее испытание и оценку ряда вмешательств, а также их возможное применение в контексте RISE или в отношении специфических для травмы исходов. Практики и теоретики продолжают тесное сотрудничество для получения данных, которые в будущем позволят безопасно предоставлять сообществу услуги по охране психического здоровья. Некоторые примечательные новые модели включают в себя следующее:

- *Problem Management Plus (PM+)* представляет собой краткое психологическое вмешательство, составленное Всемирной организации здравоохранения, направленное на уменьшение психологических и практических проблем, вызывающих беспокойство после перенесенных невзгод.¹⁵ Вмешательство предлагает консультирование по решению проблем и поведенческие стратегии, а в некоторых случаях может привлекать семьи клиентов для содействия прогрессу. Надежность PM+ оценивается в различных контекстах, а вмешательство само по себе может быть эффективным при лечении эмоционального дистресса, особенно расстройств настроения и тревожных расстройств.
- *Common Elements Treatment Approach (CETA)* представляет собой трансдиагностический подход, который для решения многочисленных поведенческих и психических проблем у лиц, перенесших насилие и невзгод, может применяться подготовленными работниками без специального образования. Эффективность модели CETA для уменьшения связанного с травмой стресса и расстройств проверена в различных контекстах.¹⁶
- *Снижение стресса на основе осознанности* — это структурированная групповая терапевтическая техника, при которой люди принимают участие в еженедельных медитативных практиках, призванных побудить людей сосредоточиться на настоящем моменте, уменьшая значимость прошлых травмирующих событий.

Мониторинг и оценка

Некоторые сфокусированные на травме вмешательства могут осуществляться только специалистами в области психического здоровья, в то время как другие — обученными неспециалистами, имеющими достаточную подготовку, под наблюдением и контролем специалистов в области психического здоровья. Во всех случаях практикующие лица должны учитывать показатели, которые приводят восстановление после травмы в соответствие с контекстом RISE.

Список некоторых показателей, которые следует учитывать

- субъективное чувство безопасности, принадлежности и связи;
- общее психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью;
- специфические симптомы, связанные с травмой и ПТСР, в том числе сверхбдительность к угрозам и реактивность;
- эмпатия и доверие к членам интруппы и ауттруппы;
- негативные механизмы психологической адаптации;
- чувство цели и смысла.

Не навреди

- Независимо от метода лечения травм, создание безопасной и стабильной внешней среды, а также обеспечение лечения в контексте безопасных и доверительных отношений с поставщиком медицинских услуг, имеет решающее значение для эффективной информированной помощи при травмах.
- Травма многогранна и может быть особенно сложной в контексте насильственных действий экстремистов. Например, травма может запустить реакции не только страха, но также стыда и вины. Традиционные методы лечения воздействия могут усугубить эти реакции, что может вылиться в социальное избегание и другое антисоциальное или агрессивное поведение, которое может помешать процессу (ре)интеграции. Для оказания базовой помощи при травмах следует задействовать позитивные общественные ресурсы, а к лечению серьезных травм, разработке индивидуальных планов лечения и применению специализированных терапевтических методов — привлекать квалифицированных специалистов*.

* Deborah A. Lee, Peter Scragg, and Stuart Turner, «The Role of Shame and Guilt in Traumatic Events,» *British Journal of Medical Psychology* 74 (2001): 451–466; Jeff Elison, Carlo Garofalo, and Patrizia Velotti, «Shame and Aggression: Theoretical Considerations,» *Aggression and Violent Behavior* 19 (2014): 448-451.

ПРИМЕРЫ

Поддержка при травмах на уровне сообщества в Нигерии

Фонд Neem специализируется на исследованиях в области поведенческого здоровья и программах, направленных на борьбу с депрессией, тревогой и травмами у лиц, связанных с Боко Харам и другими группами воинствующими экстремистов в Нигерии. Сотрудничая с правительством Нигерии, Neem предлагает комплексный подход, включающий в себя психологическую помощь, религиозные услуги, помощь со средствами к существованию, воспитание в духе мира и навыки критического мышления, художественное самовыражение, спортивные игры, ценности приобщения к социальной жизни и поддержку продовольствием для бывших членов групп воинствующих экстремистов. Для местных организаций гражданского общества и государственных учреждений фонд Neem также предлагает обучение и наращивание потенциала, чтобы помочь расширить их возможности по предоставлению услуг в области психического здоровья.

Neem руководит программой Counselling on Wheels («Мобильное консультирование»), направленной на оказание помощи сообществам, пережившим травму, связанную с насилием, в том числе жертвам гендерного насилия. Исследование фонда Neem показывает, что уязвимость молодежи перед вербовкой связана с ограниченными возможностями получения образования, навыками критического мышления и религиозным мировоззрением. Для удовлетворения этих потребностей фонд NEEM разработал образовательную программу, включающую в себя упражнения для развития воображения и фантазий о будущем, не связанном с насильственными действиями экстремистов. Фондом Neem получены данные, что у возвращающихся людей может возникнуть необходимость найти способы переосмысления своей идентичности и того, что им нужно сделать, чтобы получить прощение за тот вред, который они причинили другим, и (ре)интегрироваться в свои сообщества.¹⁷

Религиозная и психологическая поддержка в Колумбии и Венесуэле

Имея широкий доступ к местным сообществам и находясь на переднем крае оказания помощи людям, пострадавшим от насилия и насильственных конфликтов, религиозные субъекты часто содействуют удовлетворению психосоциальных потребностей верующих и многих неверующих людей. Для удовлетворения растущей потребности в ПЗПСП, инклюзивной, доступной, учитывающей культурные особенности, которая оказывается непосредственными и пользующимися доверием членами сообщества, USIP (United States Institute of Peace, Институт мира США) одобрены вмешательства, направленные на объединение религиозных деятелей, специалистов в области психического здоровья, а также других правительственных и неправительственных субъектов, которым поручено оказывать психосоциальную поддержку населению, пострадавшему от насилия в Колумбии и Венесуэле.

Дальнейшие усилия в Азии и Европе направлены на то, чтобы помочь религиозным деятелям и специалистам в области психического здоровья объединить религиозные и родовые ритуалы, практику и нормы с научно обоснованными методами ПЗПСП для пострадавших от конфликта сообществ. Эти программы будут разрабатывать научно обоснованные, культурно резонирующие и восприимчивые к вопросам конфликтов средства обучения, которые удовлетворят потребности пострадавших от конфликта сообществ в услугах по охране психического здоровья.¹⁸

The Field Guide for Barefoot Psychology

The Field Guide for Barefoot Psychology (Путеводитель по босоногой психологии) был разработан в сотрудничестве с Beyond Conflict, организацией, деятельность которой направлена на разрешение конфликтов с применением знаний науки о поведении, и Questscope for Social Development в Иордании, организацией, деятельность которой направлена на социальные изменения, которая взаимодействует с маргинализированными людьми, для предоставления возможности восстановления после травм, расширения прав и возможностей, и экономической интеграции. *The Field Guide* представляет собой источник социально-психологической и образовательной поддержки для людей, пострадавших от конфликтов и травм. Он предоставляет доступное психообразование по различным актуальным темам в области психического здоровья и психосоциальной поддержки, в том числе по стрессу, травмам, утрате, стыду, безнадежности, надежде и устойчивости, а также практические упражнения по самопомощи: от йоги до медитации осознанности и дыхательных упражнений — это все с целью уменьшения социального отторжения, связанного с травмой, и управления с возможными нежелательными симптомами.

The Field Guide составлен учеными и экспертами в своих областях совместно с перемещенными сообществами, включая бывших комбатантов, в Иордании. Содержание *The Field Guide* подается в виде сюжетного рассказа о травматических переживаниях двоих людей из сообщества. В каждой версии *The Field Guide*, этот рассказ меняется: он адаптируется к местным представлениям и переживаниям стресса и травмы.

В 2019 году *The Field Guide* был оценен объединенной группой исследователей в области клинической психологии и политических наук. Исследователи-психологи изучили, как нейробиологические и психофизиологические объяснения реакции человека на войну и конфликты могут снизить в области психического здоровья социальное отторжение, субъективную изоляцию и психологический стресс, а также то, как эти изменения могли бы привести к использованию методов самопомощи и, в конечном итоге, к уменьшению симптомов травмы. В то же время группа исследователей-политологов изучила взаимосвязь между результатами психического здоровья на индивидуальном уровне и их влиянием на социальное и политическое поведение.

Результаты показали эффективность *The Field Guide* для уменьшения социального отторжения, а также в уменьшении симптомов травмы при различных типах профилей стресса у женщин и мужчин старше восемнадцати лет. Данные, хотя и не окончательные, также дали основание предположить, что изменения симптомов психического здоровья имеют тенденцию к повышению доверия сообщества, просоциальности и снижению межгрупповой тревожности.¹⁹

Программа «Жусан» и формирование потенциала UIC/HMS в Казахстане

Программа «Жусан» в Казахстане представляет собой государственный проект, реализуемый на местном уровне и направленный на поддержку репатриации и (ре)интеграции женщин и детей, возвращающихся с территорий, ранее контролируемых ИГИЛ. При поддержке US State Department (Государственный департамент США) команда из University of Illinois Chicago (Иллинойский университет в Чикаго) и Boston Children's Hospital/Harvard Medical School (UIC/ВСН) (Бостонская детская больница/Гарвардская высшая медицинская школа) работает над формированием потенциала казахских поставщиков услуг и руководителей, привлеченных к этой работе, в области информирования о травмах. При этом команда UIC/ВСН опиралась на две взаимосвязанные концепции информирования о травмах. Первая — Repatriation and Reintegration Intervention Framework — иллюстрирует необходимость вмешательств, нацеленных на факторы риска и защитные факторы на разных уровнях социальной экологии, а именно: структурные условия, поддержка сообщества, успехи в обучении, поддержка семьи, а также здоровье и благополучие отдельного человека. Центральное место в информированном подходе к травмам занимает концепция, согласно которой работа с более широким социальным контекстом, в котором живут люди, будет иметь решающее значение для успеха траектории исцеления. Создание условий, исключающих социальное отторжение в сообществе, обеспечивающих стабильность семьи за счет профессиональной подготовки и жилищной поддержки, а также рекомендации специалистам в области школьного образования по поводу вовлечения и поддержки детей с особыми эмоциональными или образовательными потребностями — в данной работе все это занимает ключевое место.

Вторая концепция — это системное лечение травм: организационный и клинический подход к работе с людьми, пережившими травму, который подчеркивает важность стабилизации социальной среды и выявления конкретных стрессоров, способствующих эмоциональной дисрегуляции. Главным в данном подходе является предоставление навыков и подходов учителям, религиозным наставникам и другим специалистам, которые могут не иметь клинической подготовки. Концепция подчеркивает важность оказания помощи более широкому профессиональному сообществу в распознавании реакций на травму у детей и за счет внимания к стабилизации социальной среды предоставляет конкретные инструменты, направленные на содействие контролю и профилактики дисрегуляции в будущем.

На практике программа «Жусан» успешно оказывает содействие матерям в вопросах воссоединения с семьей, получения жилья и работы, помогая их детям с поступлением и учебой в школе. Женщины отождествляют сети сверстников с семьей и описывают положительный опыт программы, в том числе радушный прием, доверие, прощение, полное удовлетворение основных потребностей и будущее для своих детей. Эти отчеты предполагают, что программа достигла существенных аспектов информированной помощи при травмах, таких как создание безопасной, стабильной среды с доверительными социальными связями.

ИСТОЧНИКИ

Common Monitoring and Evaluation Framework for Mental Health and Psychosocial Support in Emergency Settings: With Means of Verification (Version 2.0)

Inter-Agency Standing Committee, 2021

<https://interagencystandingcommittee.org/iasc-reference-group-mental-health-and-psychosocial-support-emergency-settings/iasc-common-monitoring-and-evaluation-framework-mental-health-and-psychosocial-support-emergency>

В этом документе представлены рекомендации по анализу, разработке, внедрению, а также мониторингу и оценке программ поддержки психического здоровья и социально-психологической поддержки в гуманитарных ситуациях. Он включает в себя глобальную цель, связанные с ней результаты, показатели уровня воздействия и результата, а также инструмент для определения этих показателей.

Doing What Matters in Times of Stress: An Illustrated Guide

World Health Organization, 2020

www.who.int/publications/i/item/9789240003927

Цель данного руководства, опирающегося на фактические данные и результаты обширных полевых испытаний, заключается в том, чтобы снабдить людей практическими навыками, помогающими справляться со стрессом. Чтобы практиковать эти методы самопомощи достаточно нескольких минут в день.

The Field Guide for Barefoot Psychology

Beyond Conflict, 2020

<https://en.field-guide.org/home/>

Образовательный инструмент и инструмент самопомощи, написанный для насильно перемещенных взрослых и тех, кто работает с ними, *The Field Guide* раскрывает биологические и психологические процессы, в том числе такие проблемы как страх, тревогу, стресс, травму, вину, стыд и безнадежность. Он также исследует конкретно положительные ресурсы для культивирования устойчивости, включая науку о нейропластичности, принадлежности и посттравматическом росте. Время от времени он доступен в формате электронного обучения.

A Treatment Improvement Protocol: Trauma-Informed Care in Behavioral Health Services Substance Abuse and Mental Health Services Agency, US Department of Health and Human Services, 2014

<https://store.samhsa.gov/sites/default/files/d7/priv/sma14-4816.pdf>

Данное руководство помогает специалистам в области поведенческого здоровья понять влияние травмы на тех, кто ее пережил. В руководстве обсуждаются стратегии оценки пациентов и планирования лечения. Эти стратегии поддерживают восстановление, а также развитие персонала, принимающего участие в информированной помощи при травмах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. B. Heidi Ellis et al., «Trauma and Openness to Legal and Illegal Activism among Somali Refugees,» *Terrorism and Political Violence* 27, no. 5 (2015): 857–883; Daniel Koehler, «Violent Extremism, Mental Health, and Substance Abuse among Adolescents: Towards a Trauma Psychological Perspective on Violent Radicalization and Deradicalization,» *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology* 31, no. 3 (2020): 455–472; James Lewis and Sarah Marsden, *Trauma, Adversity, and Violent Extremism*, UK Centre for Research and Evidence on Security Threats, август 2021, <https://crestresearch.ac.uk/resources/trauma-adversity-and-violent-extremism/>; Michael Niconchuk, «Terrorist Cells: Neurobiology and Violent Extremism,» in *Neuroscience and Peacebuilding*, NeuroPeace no. 1, ed. Colette Rausch, Mary Hoch Center for Reconciliation, George Mason University, 2021, 57–86, www.neuropeace.org/volumes; Steven Windisch et al., «Measuring the Extent and Nature of Adverse Childhood Experiences (ACE) among Former White Supremacists,» *Terrorism and Political Violence* 34, no. 6 (2020): 1207–1228, www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09546553.2020.1767604.
- 2 См., например, Rezhna Mohammed and Frank Neuner, «War Trauma, Mental Health, Aggressions, and Violent Extremism among Former ISIS Terrorists,» *Journal of Affective Disorders Reports* 10 (2022): 1003399.
- 3 Institute for Economics and Peace, «Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism,» 2 марта, 2, www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web_110522-1.pdf.
- 4 Windisch et al., «Measuring the Extent and Nature»; Paul Gill et al., «Systematic Review of Mental Health Problems and Violent Extremism,» *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology* 32, no. 1 (2021): 51–78.
- 5 Lewis and Marsden, *Trauma, Adversity, and Violent Extremism*, 22.
- 6 Clara Pretus et al., «Neural and Behavioral Correlates of Sacred Values and Vulnerability to Violent Extremism,» *Frontiers in Psychology* 9 (декабрь 2018): 1–12.
- 7 Stevan Weine et al., «Rapid Review to Inform the Rehabilitation and Reintegration of Child Returnees from the Islamic State,» *Annals of Global Health* 86, no. 1 (июнь 2020): 1–15; Lotta Carlsson, «The Role of Psychotherapy in Rehabilitation and Exit Work,» European Commission Radicalisation Awareness Network, 2021, https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files/2021-11/ran_role_of_pschotherapy_in_rehabilitation_and_exit_work_112021_en.pdf.
- 8 Jan Ilhan Kizilhan and Michael Noll-Hussong, «Post-traumatic Stress Disorder among Former Islamic State Child Soldiers in Northern Iraq,» *British Journal of Psychiatry* 213, no. 1 (2018): 425–429; Anna Maedl et al., «Psychological Rehabilitation of Ex-combatants in Non-Western, Post-conflict Settings,» in *Trauma Rehabilitation after War and Conflict*, ed. Erin Martz (New York: Springer, 2010), 177–213; Theresa S. Betancourt, Dana Thomson, and Tyler J. VanderWeele, «War-Related Traumas and Mental Health across Generations,» *JAMA Psychiatry* 75, no. 1 (2018): 5–6.
- 9 Orla T. Muldoon et al., «The Social Psychology of Responses to Trauma: Social Identity Pathways Associated with Divergent Traumatic Responses,» *European Review of Social Psychology* 30, no. 1 (2019): 311–348; Jill Stockwell, «Stigma, Trauma, and the Social Forces Shaping Memory Transmission in Argentina,» *PORTAL Journal of Multidisciplinary International Studies* 11, no. 1 (январь 2014).
- 10 A. Lundesgaard and K. Krogh, «From Childhood Trauma to Violent Extremism: **Implications for Prevention,**» in *Violent Extremism in the 21st Century: International Perspectives*, ed. G. Overland et al. (Newcastle-upon-Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2018), 180–188.
- 11 Mary Beth Altier, «Violent Extremist Disengagement and Reintegration: Lessons from Over 30 Years of DDR,» RESOLVE Network, март 2021, www.resolvenet.org/system/files/2021-03/RSVE_VEDR_Altier_March%202021.pdf.
- 12 Barnabas J. Gilbert et al., «Assessing Development Assistance for Mental Health in Developing Countries: 2007–2013,» *PLoS Med* 12, no. 6 (2015): 2.
- 13 Graham Thornicroft, Tanya Deb, and Claire Henderson, «Community Mental Health Care Worldwide: Current Status and Further Developments,» *World Psychiatry* 15, no. 3 (октябрь 2016): 276–286.

- 14 SAMHSA Trauma and Justice Strategic Initiative, «SAMHSA's Concept of Trauma and Guidance for a Trauma-Informed Approach,» HHS Publication no. (SMA) 14-4884 (Washington, DC: Substance Abuse and Mental Health Services Administration, US Department of Health and Human Services, July 2014), <https://store.samhsa.gov/sites/default/files/d7/priv/sma14-4884.pdf>.
- 15 World Health Organization, *Problem Management Plus (PM+): Individual Psychological Help for Adults Impaired by Distress in Communities Exposed to Adversity* (No. WHO/MSD/MER/16.2), 2016.
- 16 Laura K. Murray et al., «A Common Elements Treatment Approach for Adult Mental Health Problems in Low- and Middle-Income Countries,» *Cognitive and Behavioral Practice* 21, no. 2 (май 2014): 111–123, <https://doi.org/10.1016/j.cbpra.2013.06.005>; William M. Weiss et al., «Community-Based Mental Health Treatments for Survivors of Torture and Militant Attacks in Southern Iraq: A Randomized Control Trial,» *BMC Psychiatry* 15, no. 1 (октябрь 2015): 1-16.
- 17 Более подробные сведения см. в Neem Foundation, <https://neemfoundation.org.ng>.
- 18 Более подробные сведения см. в USIP, www.usip.org/programs/religious-and-psycho-social-support-displaced-trauma-survivors
- 19 Более подробную информацию см. в Feet on the Ground, www.feet-on-the-ground.org/the-field-guide-for-barefoot-psychology.

ЧАСТЬ II

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НА УРОВНЯХ ОБЩЕСТВА И СООБЩЕСТВА

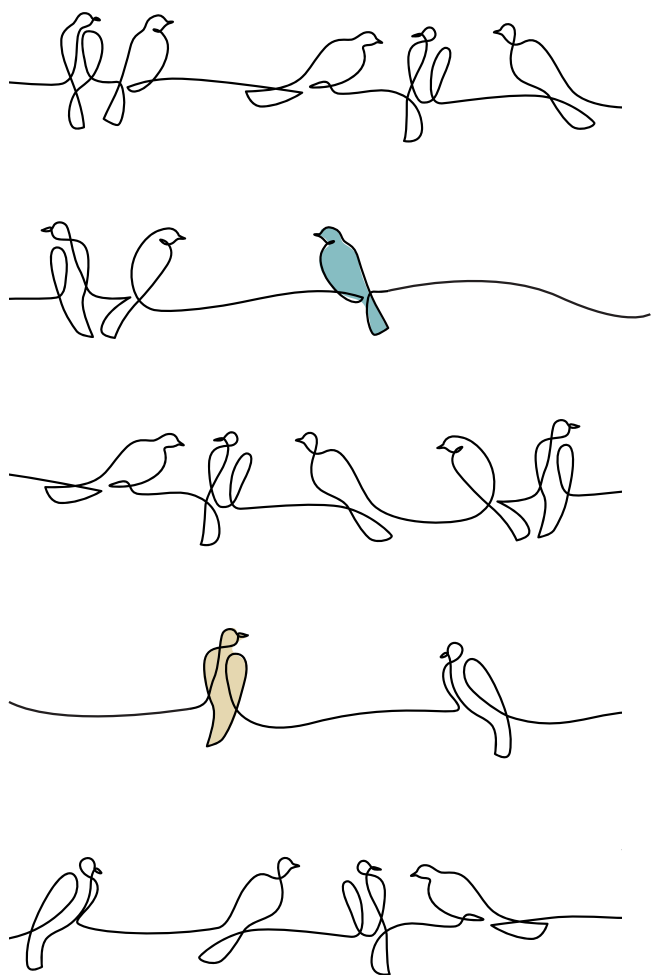
Насильственные действия экстремистов по своей сути являются социальными: они представляют собой форму коллективных действий, которые добиваются успеха благодаря провоцирующим социальным факторам. Часть II охватывает принципы, касающиеся общественной и реляционной динамик, способствующих успешному отказу от участия в насильственных действиях экстремистов и способствующих (ре)интеграции в местные сообщества. Уменьшение социального отторжения и предоставление возможностей для искреннего, устойчивого, позитивного и инклюзивного взаимодействия между (ре)интегрирующимися людьми и членами сообщества, а также институтами может вызвать когнитивный диссонанс с идеологиями насильственного экстремизма. Демонстрация лживости таких идеологий при построении отношений и социальных связей, повышении социального доверия и предложении чувства принадлежности поможет (ре)интегрирующимся людям принять альтернативную идентичность, отвергающую насилие как способ разрешения конфликта, достижения цели или выражения недовольства.

МОДУЛЬ 3

УМЕНЬШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОТТОРЖЕНИЯ

Амир присоединился к Боко Харам подростком. В то время его будущее казалось открытым, но неопределенным. Сообщество не предлагало захватывающих перспектив, а шанс найти работу за пределами Нигерии был нереальным. Несмотря на то, что такое отсутствие у него перспектив и могло открыть дверь для его вступления в Боко Харам, решение войти в нее он принял по дополнительным причинам. Когда некоторые из его друзей-футболистов присоединились к движению, они призвали и его сделать это. Первоначально Амир был безразличен к этой идее, но коррупция в правительстве и все более репрессивные действия органов безопасности, которые жестоко обращались с его сообществом, легко вывели его из себя. В конце концов, он принял решение вступить в эту группировку. В этом приключении он мог бы присматривать за своими друзьями и, возможно, что-то изменить. Сначала его приводила в восторг хотя бы одна причина, а именно ощущение, что он дает правительству то, чего оно заслуживает: оппозицию.

Через два-три года Амир ощущал куда меньший восторг от принадлежности к Боко Харам. Теперь он понял, почему его родители, футбольные тренеры и имам были расстроены его решением присоединиться к этому движению, несмотря на то что они разделяли его недовольство и чувство унижения. Будучи участником Боко Харам, ему пришлось стать свидетелем многих казней, он жил в постоянном страхе перед наказанием в случае неповиновения приказам. Он также не увидел политических изменений, на которые надеялся. Да и в любом случае само насилие со стороны Боко Харам усугубляло ситуацию. Он хотел вернуться домой, в свою общину, но был уверен, что это не вариант. Он перестал общаться со своей семьей некоторое время назад, с тех самых пор как каждый телефонный звонок и электронное письмо сводились к спору о его выборе.

*Он боялся пытаться найти работу, поскольку очень многие люди знали о его принадлежности к Боко Харам и считали его жестоким и непредсказуемым, даже те, кто хотел общаться с ним. Он знал людей, которые пытались вернуться домой, но в итоге снова оказались в Боко Харам, потому что больше нигде не нашли для себя места. Чтобы Амир подумал о возвращении в свою общину, ему следовало бы разобраться со своими страхами, опасениями и внутренним гневом, который он таил на себя за предательство своей семьи и общины. В то же время общине следовало бы принять Амира обратно и относиться к нему с некоторым уважением. В конце концов, это все еще его дом, его деревня и его люди.**

ВЫВОДЫ

Люди, (ре)интегрирующиеся после участия в насильственных действиях экстремистов, могут столкнуться с многоуровневым социальным отторжением, куда может входить гнев за их участие в насилии, неуважение и страх из-за их предполагаемого идеологического экстремизма, дискриминация в отношении более широких социальных групп, с которыми они себя идентифицируют, а также самоклеймение и позор за свои действия во время участия в насильственных действиях экстремистов. Социальное отторжение оказывает неблагоприятное влияние на здоровье и благополучие.¹ Оно может ограничить способность и желание (ре)интегрирующихся людей связать жизнь с обществом и сообществом, искать и принимать помощь или продолжать лечение и поддержку.

Подход RISE эффективно использует многолетнюю практику для уменьшения социального отторжения в отношении маргинализированных групп и лиц, вовлеченных в рискованное или девиантное в культурном отношении поведение, что позволяет (ре)интегрирующимся людям и членам сообщества взаимодействовать в интересах общества. Уменьшение социального отторжения предоставляет возможности для конструктивного социального взаимодействия (см. модуль 4 «Содействие социальной принадлежности») и примирения (см. Модуль 5 «Содействие справедливости и примирению»). В этом модуле объясняются проблемы, которые социальное отторжение создает (ре)интегрирующимся людям, и предоставляется информация о типах вмешательств, которые могут уменьшить такое отторжение.

На рисунке 3.1 показано, что социальное отторжение может ограничить способность и желание людей участвовать в разнонаправленной объединяющей деятельности, ограничивая разнообразие социальных сетей и оказывая негативное влияние на благополучие. Уменьшения социального отторжения в отношении (ре)интегрирующихся людей можно достичь посредством стратегического использования общинных ритуалов, восстановительного правосудия и повышения осведомленности, в том числе с усилиями по общественному просвещению и целенаправленными информационно-пропагандистскими кампаниями. Потенциальный результат успешного уменьшения социального отторжения может за счет снижения барьеров для просоциальной вовлеченности и поощрения конструктивных социальных взаимодействий улучшить исходы (ре)интеграции и социального благополучия.

* Авторы выражают благодарность тематическому консультанту данного модуля: Тарела Джульета Ике, Доктор наук, старший преподаватель криминологии и работы органов правопорядка, Teesside University, Великобритания. Авторы также выражают признательность Киму Хартогу, исследователю в области уменьшения социального отторжения, War Child Holland, и Джареми Макмаллину, Доктору наук, старшему преподавателю, University of St Andrews, за их существенный вклад.

Рисунок 3.1. Уменьшение социального отторжения и RISE: Теория изменения

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Реинтегративный стыд включает в себя выражение общественного неодобрения пагубному поведению или действиям с одновременным предоставлением пути к искуплению, принятию и (ре)интеграции для людей, принимавших участие в таком поведении и действиях. Реинтегративный стыд является формой восстановительного правосудия (см. модуль 5).

Самоклеймение представляет собой ряд негативных взглядов, которых люди придерживаются о себе из-за определенных характеристик, перенятых и часто подкрепляемых клеймлящими стереотипами, которых придерживаются другие члены общества. Самоклеймение может привести

к снижению самооценки, тревоге и другим социально-психологическим проблемам, которые могут помешать людям вести себя с учетом интересов общества и развивать здоровые отношения.

Социальное отторжение — это выражение или проявление негативных взглядов негативных взглядов или неодобрения отдельного лица или группы в связи с определенными характеристиками, основанными на местных нормах, которые заложены в местную расстановку сил.² Социальное отторжение может привести к дискриминационной политике, общественному порицанию и социальной изоляции отдельных лиц и групп от общества.

ЗАЧЕМ БОРОТЬСЯ С СОЦИАЛЬНЫМ ОТТОРЖЕНИЕМ?

Социальное отторжение причастных к насильственным действиям экстремистов сообществами и отдельными лицами представляет собой серьезное препятствие для (ре)интеграции.

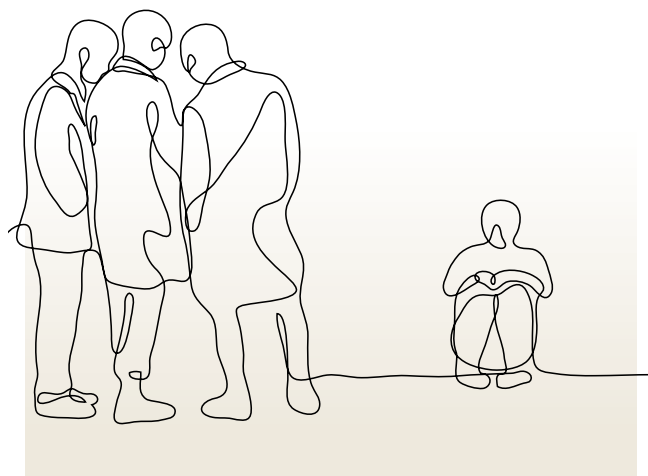
Люди, связанные родством или другими маркерами идентичности, вырабатывают нормы и практики, которые помогают направлять членов общества к поведению, которое считается приемлемым на местном уровне. Членство в ингруппе поддерживается и гарантируется соблюдением ее норм. Посторонние или сбившиеся с пути члены ингруппы, которые нарушают групповые нормы, часто общественно порицаются и страдают от дискриминации, эксплуатации, изоляции или отторжения.³ Маргинализация групп людей на основании характеристик и увязывание стигматизирующих мифов, таких как стереотипы и предрассудки, может способствовать токсичному поведению и усугублять социальные разногласия. Даже в том случае, когда социальное отторжение и дискриминация может и основываться на защите ингруппы, чтобы гарантировать, что люди ведут себя так, как это считается целесообразным на местном уровне, социальное отторжение может спровоцировать насилие, которое вернется, чтобы навредить сообществу. При отсутствии чувства цели и признания сообществом людей, (ре)интегрирующихся в общество, социальное отторжение также может привести к повторным правонарушениям.⁴

Социальное отторжение является общепризнанным препятствием благосостоянию общины. Однако большинство вмешательств уделяют борьбе с социальным отторжением слишком мало внимания. Как заметил один (ре)интегрирующийся человек, «они подготовили нас к реинтеграции в общество, но не подготовили общество принять нас».⁵

Связь с насильственными действиями экстремистов

Социальное отторжение может способствовать дискриминации, маргинализации и социальной изоляции, а значит, косвенно — участию в насильственных действиях экстремистов (обсуждение того, почему и как социальная изоляция может подтолкнуть людей к участию в них, см. во введении).

Если сообщество стигматизирует группу религиозного или этнического меньшинства, это социальное отторжение может усугубить разочарование, унижение или чувство отчуждения. Если государственные программы и политика также навешивают ярлыки на определенные группы, возникающая в результате дискриминация может лишить людей доступа к жилью, работе или здравоохранению, что может подогреть чувство несправедливости, вызванное репрессивной системой. Таким образом, социальное отторжение на основании идентичности может мотивировать участие в насильственных действиях экстремистов для защиты статуса, поиска мести за клейменную идентичность или выражения недовольства. Социальное отторжение может быть дисфункциональным на многих уровнях, будь то категорическое отрицание человеческого достоинства

и доступа к общественным благам или услугам для любого, кто придерживается определенной самоидентификации, или создание кому-либо препятствий для обретения чувства принадлежности или смысла в рамках сообщества, или перспективы в жизни.

У каждого человека есть множество форм самоидентификации. Идентичность состоит из самовосприятия человека: восприятия другими людьми, а также различных культурных, социальных, экономических или политических групп, к которым принадлежит человек.

Положительно воспринимаемая идентичность включает в себя чувство принадлежности и безопасности на каждом из слоев идентичности и является центральной частью поведенческого здоровья и социального благополучия. *Негативно воспринимаемая идентичность* может вызвать чувство унижения из-за социального отторжения, стереотипов, дегуманизации или дискриминации. Негативные способы самоидентификации формируются в антипатии к общественным ожиданиям и нормам.

Каждый человек принадлежит ко многим группам по интересам, из них некоторые стигматизированы, а другие — нет. Но во многих случаях одна негативно воспринимаемая идентичность среди позитивно воспринимаемых способов самоидентификации может определять способ взаимодействия сообщества с человеком. Сообщество может навесить ярлыки на группу меньшинств, лишая ее участников доступа к образованию, работе и здравоохранению, не считаясь с другими способами самоидентификации, имеющимися у представителей этой группы.

Социальное отторжение и открытая дискриминация могут быть унижительными. Унижение увязывается с вовлеченностью в насильственные действия экстремистов и жадой возмездия насильственным путем.⁶ Чувство стыда и желание перечеркнуть унижение могут подтолкнуть человека к поддержке насильственных действий экстремистов или участию в них. Некоторые сами, возможно, сталкиваются с социальным отторжением или дискриминацией; других может возмущать то, что некоторые люди, с которыми они отождествляют себя, проходят через это.⁷

Связь с RISE

По причине этноцентрических убеждений или из-за предполагаемого преференциального отношения к (ре)интегрирующимся людям сообщества могут порицать людей, прекращающих участие в насильственных действиях экстремистов, на основании общественного гнева, страха или неодобрения.⁸ Некоторые сообщества или отдельные лица могут подвергать сомнению или скептически относиться к мотивам или искренности людей, которые утверждают, что прекратили участие в экстремизме и теперь хотят (ре)интегрироваться. Группы воинствующих экстремистов часто совершают чудовищные преступления, терроризируя местное гражданское население, иногда прибегая к массовому насилию в отношении целых этнических или религиозных групп и нанося массовые травмы. Часто с такой травмой необходимо разбираться, чтобы уменьшить скептицизм, а (ре)интегрирующиеся люди будут нуждаться в возможности продемонстрировать свое искреннее желание примириться с сообществами, которым они причинили вред или предали, и (ре)интегрироваться в них. Программы по отказу от участия, по реабилитации и (ре)интеграции, которые неспособны устранить эти источники скептицизма и недовольства в рамках более широкого сообщества, могут привести к усилению предвзятого суждения и угнетению целых групп по интересам.

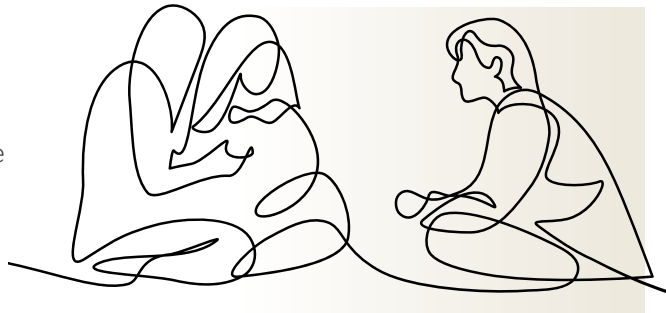
Независимо от того что лежит в основе социального отторжения (ре)интегрирующихся людей — дискриминация или желание защитить членов ингруппы от опасного или противоречащего нормам поведения, социальное отторжение в отношении тех, кто (ре)интегрируется, — это может снизить эффективность усилий RISE тремя способами: отбивая охоту у тех, кто потенциально заинтересован в прекращении участия в насильственных действиях экстремистов, усложняя доступ к услугам, связанным с реабилитацией и закрывая возможности для просоциальной вовлеченности, или усиливая чувство стыда и унижения, которые могут способствовать рецидивизму в насилии.

Страх сообществ и их гнев на (ре)интегрирующихся людей является барьером для тех, у кого, при других обстоятельствах, была бы мотивация оставить насильственные действия экстремистов позади. Блокирование возможностей путем социального отторжения (ре)интегрирующихся людей может помешать последним покинуть группы воинствующих экстремистов или заставить их повторно присоединиться к этим группам, если они не найдут жизнеспособного пути вперед. Человек может осознать, что группа воинствующих экстремистов является его единственным надежным вариантом, даже если он больше не согласен или никогда не соглашался с идеологией или деятельностью группы.⁹ В отсутствие доступной, жизнеспособной и реальной альтернативной группы по интересам, к которой можно примкнуть, у людей может быть мало возможностей прекратить участие в экстремизме. Социальное отторжение является барьером к предоставлению такой альтернативы.

Социальное отторжение (ре)интегрирующихся людей может усугубить чувство инаковости и обиды, не позволяя им строить социальные связи или развивать чувство принадлежности. (Ре)интегрирующиеся люди рассказывают о попытках скрыть свою личность или переехать в те места, где их не знают.¹⁰ Социальное отторжение может заставить человека испытывать стыд и унижение, а не вину. Нейробиологи подтверждают, что стыд и вина — связанные, но разные выражения эмоций. Чувство вины, по-видимому, активирует ту часть мозга, где человек может испытывать сочувствие к другим. Вина стимулирует покаянные намерения исправить отношения и причиненный вред. В то же время стыд действует в той части мозга, которая отражает суждения других людей. Стыд стимулирует унижение, заставляя человека думать, что другие смотрят на него свысока, что приводит к ощущению ловушки, бессилия и изоляции — такое мышление может вылиться в обиду и жажду мести.¹¹

«Человек может осознать, что группа воинствующих экстремистов является его единственным надежным вариантом, даже если он больше не согласен или никогда не соглашался с идеологией или деятельностью группы».

Социальное отторжение может повысить риски рецидивизма для тех, кто прекратил участие в насилии. Исследователи в области общественного здравоохранения обнаружили, что за последние несколько десятилетий увеличились как социальное отторжение людей с психическими расстройствами, так и насильственные действия, совершаемые людьми с психическими расстройствами. И хотя подавляющее большинство людей с психическими расстройствами никогда не прибегают к насилию, общественное восприятие, связывая нарушения

психического здоровья с насилием, навешивает ярлыки на людей с психическими расстройствами, лишая некоторых из них возможности обращаться за адекватным лечением. Такое социальное отторжение также способствует дискриминации в сфере образования, трудоустройства, предоставления жилья и других областях, что, в свою очередь, усиливает стресс и беспокойство, а это может привести к употреблению вредных веществ и неспособности поддерживать семейные и общественные отношения. Все эти последствия социального отторжения могут усугубить серьезные психические расстройства, социальное отчуждение, изоляцию и отсутствие смысла, которые могут быть связаны с агрессивным или насильственным поведением, а также повысить вероятность рецидивизма. Уменьшение социального отторжения в отношении обращения за лечением серьезных психических расстройств может значительно расширить охват психиатрической помощи, содействовать людям справиться с проблемами, связанными с изоляцией и поиском смысла, а также уменьшить количество эпизодов насилия.¹²

Несмотря на то, что исследователи в области общественного здравоохранения только-только начинают более углубленно изучать людей, которые принимали участие в насильственных действиях экстремистов, уже продемонстрировано существование этой динамики для людей, которые оставили позади преступность, банды и культы, и едва ли можно сомневаться в существовании аналогичных стигматизирующих мифов, которые неверно связывают насильственные действия экстремистов с проблемами психического здоровья.¹³ Борьба с социальным отторжением может улучшить исходы поведенческого здоровья для (ре)интеграции людей и снизить вероятность рецидива насилия и других неблагоприятных исходов поведенческого здоровья. (Подробнее см. в модуле 1 «Содействие поведенческому здоровью и благополучию»)

Самоклеймение также может создавать значительные препятствия как для обращения за помощью, так и для просоциального поведения. Результатом усвоения стигматизирующих стереотипов может стать стыд, который, возможно, усилит тревогу по поводу обращения за помощью, а также взаимодействия с членами и структурами сообщества. Самоклеймение также может влиять на восприятие собственной значимости, ценности и идентичности, что в совокупности, возможно, негативно скажется на благополучии, препятствуя людям поддерживать здоровые взаимоотношения, получать доступ к социальным благам или искать работу, или получать образование.

Уменьшение социального отторжения является жизненно важным шагом на пути к обеспечению (ре)интегрирующимся людям возможности получения доступа к услугам по охране психического здоровья, разрыву возможных циклов насилия и ограничению рисков рецидивизма.

Гендерные аспекты

Выражение стыда может проявляться по-разному в зависимости от гендера. Переживание стыда является продуктом социокультурных ожиданий, поэтому люди пропускают через себя свое чувство стыда в контексте гендерных норм своего сообщества. Многие патриархальные общества клеймят позором женщин, которые выходят за рамки своих традиционных гендерных ролей, в том числе из-за участия в насилии или насильственных конфликтах, а также из-за того, что пережили сексуальное насилие. Женщины и девушки, (ре)интегрирующиеся в таких условиях, могут испытывать обостренное чувство стыда, что может повлиять на их готовность обращаться за помощью или налаживать отношения с обществом.^a

Гендерные исследования, опираясь на данные межкультурных контекстов, показывают, что женщины и девочки, как правило, используют стратегии управления стыдом, которые избегают его триггеров. Такие стратегии избегания могут повлиять на их готовность обращаться за психологической помощью или поддержкой в восстановлении после травм, просоциально взаимодействовать с членами сообщества, участвовать в мероприятиях по примирению или искать работу.^b

Также было обнаружено, что женщины в неконфликтных ситуациях чаще придерживаются стратегий управления стыдом в виде самобичевания, чем мужчины, которые чаще придерживаются стратегий «нападения на других». Из-за таких реакций женщины будут переживать самоклеймение чаще, чем мужчины.^c

Необходимы дополнительные исследования, чтобы выяснить, наблюдаются ли в контексте насильственных конфликтов, и различных контекстах глобального Юга эти дифференцированные по гендерному признаку переживания и реакции на социальное отторжение. Такие исследования позволят лучше понять какое влияние на стратегии управления стыдом оказывают такие сквозные вопросы как раса, класс и конфликтная внешняя среда.^d

Примечания

- a. Jessica Benetti-McQuoid and Krisanne Bursik, «Individual Differences in Experiences of and Responses to Guilt and Shame: Examining the Lens of Gender and Gender Role,» *Sex Roles* 53, nos. 1–2 (июль 2005): 134-135.
- b. Markus B. T. Nyström et al., «Shame and Interpersonal Sensitivity: Gender Differences and the Association between Internalized Shame Coping Strategies and Interpersonal Sensitivity,» *Bulletin of Menninger Clinic* 82, no. 2 (весна 2018): 137–155; Milfrid Tonheim, «'Who Will Comfort Me?' Stigmatization of Girls Formerly Associated with Armed Forces and Groups in Eastern Congo,» *International Journal of Human Rights* 16, no. 2 (2012): 278-297.
- c. Nyström et al., «Shame and Interpersonal Sensitivity.»
- d. On cross-cultural implications of theories of stigma in general, see L. H. Yang et al., «Culture and Stigma: Adding Moral Experience to Stigma Theory,» *Social Science and Medicine* 64, no. 7 (2007): 1524-1535.

КАК УМЕНЬШИТЬ СОЦИАЛЬНОЕ ОТТОРЖЕНИЕ

Уменьшение социального отторжения имеет огромное значение для успеха программ RISE, поскольку это открывает возможности для просоциальных взаимодействий с сообществами и снижает риск рецидивизма в насилие. Чтобы уменьшить социальное отторжение, практикующим специалистам необходимо разбираться в сложных вопросах идентичности, психологии жертвы, восприятия риска и справедливости.

Многие виды вмешательств могут уменьшить социальное отторжение либо намеренно, либо как побочный продукт сосредоточения внимания на расширении прав и возможностей людей или разрешении конфликтов.¹⁴ Большинство из них проводилось без тщательной оценки или фокусирования на людях, (ре)интегрирующихся после прекращения участия в насильственных действиях экстремистов. Тем не менее программы, направленные на уменьшение социального отторжения в других контекстах, дают представление о способе разработки и вмешательства для (ре)интегрирующихся людей.

Аспекты планирования и разработки

Социальное отторжение основывается на нормах, которые часто существуют для усиления самоидентификации интруппы и подтверждения восприятия стигматизированных людей. Но усиливая эту самоидентификацию, социальное отторжение также укрепляет восприятие «мы против них». Оно возлагает вину на отдельных лиц, часто не замечая более широкого контекста, который способствовал превращению граждан в «насильственных экстремистов», готовых причинять вред гражданскому населению.

Сообщества могут испытывать отвращение, страх и гнев по отношению к (ре)интегрирующимся людям. Эти негативные установки могут изолировать (ре)интегрирующихся людей, уменьшая для них возможность даже думать об искуплении и преобразовании или подразумевая исходные затраты на (ре)интеграцию настолько высокими, что многие из них чувствуют себя в ловушке, оставаясь частью группы воинствующих экстремистов. В таких условиях осознание следующих аспектов планирования и разработки может повысить эффективность усилий по уменьшению социального отторжения и поддержке прекращения участия в насилие, по поддержке реабилитации и (ре)интеграции.

Не навреди

При разработке программы приоритетное внимание нужно уделять конфиденциальности, а также изучению возможности выявления и работы со стигматизированными сообществами и отдельными людьми, не оставляя их незащищенными перед агрессивными органами безопасности или невоспринимающими членами сообщества, рискуя их дальнейшей стигматизацией.

Консультации с сообществами посредством составления схем и совместной разработки

Социальное отторжение может проявляться разными способами как скрытно, так и неприкрыто. Вмешательства, направленные на уменьшение социального отторжения, следует сосредоточить на (ре)интегрирующихся людях, их семьях и сверстниках, пострадавших сообществах и структурах, предлагающих им услуги. В идеале, программы должны задействовать все затронутые группы или работать в координации с другими программами, чтобы обеспечить устранение социального отторжения на разных уровнях социальной экологии. Отсутствие консультаций с сообществом и участия сообщества в программах снижает эффективность этих программ для (ре)интегрирующихся людей, потому что

сложный, многоуровневый и разнообразный опыт социального отторжения можно понять и всесторонне отобразить только посредством таких консультаций.¹⁵

Прежде чем приступить к вмешательствам, направленным на уменьшение социального отторжения, следует провести серию консультаций и семинаров с каждой из этих групп, чтобы эффективно определить, как, где, кем и по отношению к кому в данных условиях может проявляться социальное отторжение.

После разграничения нарративов, проявлений и выражений социального отторжения (ре)интегрирующихся людей, можно приступить к разработке вмешательств, специально ориентированных на способ выражения социального отторжения. Совместная разработка вмешательств, направленных на уменьшение социального отторжения, с теми, кто пострадал от него, — в том числе с (ре)интегрирующимися людьми, их семьями и сверстниками, и, при необходимости, с теми или иными влиятельными лидерами сообщества, — может помочь таким вмешательствам эффективно использовать положительные ресурсы сообщества, разработать заслуживающие доверия и убедительные агитационные кампании, а также, в определенных случаях, соответствовать местным обычаям и нормам.¹⁶ Привлечение (ре)интегрирующихся людей может помочь с обнаружением источников и случаев самоклеймения для повышения самосознания, самооценки и самоэффективности. Участие таких людей может помочь выявить и устранить скрытые нарративы, которые могут способствовать сохранению стигматизации и стигматизирующих мифов даже в свидетельствах сочувствующих.¹⁷

Гендерные аспекты

Женщины, мужчины и люди с небинарной гендерной идентичностью имеют разный опыт, связанный с насильственными действиями экстремистов. Мероприятия по ознакомлению и привлечению внимания общественности могут помочь сообществам выявить гендерно дифференцированный опыт в области (ре)интеграции, который мог иметь место в связи с действиями групп воинствующих экстремистов или сил безопасности. Это может помочь уменьшить социальное отторжение, развить эмпатию и укрепить поддержку (ре)интегрирующихся людей. Например,

- Мужчин, а во многих случаях и контекстах женщин могут бояться или уважать за их насильственные действия, а некоторые даже могут считать их героями.
- Когда женщины покидают свои семьи или участвуют в вооруженных конфликтах их могут клеймить позором за нарушение гендерных норм. В некоторых случаях на них могут навесить ярлыки неразборчивых в связях, если они пережили сексуальное насилие. Даже в случаях насильственного увоза или похищения, девушек и женщин могут клеймить за то, что они навлекли стыд и бесчестье на семью.
- Мужчин-членов семьи похищенных женщин и девочек могут порицать за неспособность защитить членов своей семьи.

Теория эффективного использования реинтегративного стыда и навешивания ярлыков

Реинтегративный стыд обозначает посрамление антисоциального поведения, а не отдельных лиц, которые его совершают. Это разграничение человека от поведения имеет огромное значение для уменьшения социального отторжения (ре)интегрирующихся людей.¹⁸ Также важно помочь сообществам отойти от абсолютистских точек зрения и признать, что (ре)интегрирующиеся люди, которые совершали насильственные действия, могли поступать так отчасти из-за веских причин для недовольства.

Восприятия идентичности не являются фиксированными: способы самоидентификации меняются в зависимости от контекста, т. е. в зависимости от того, где люди чувствуют себя в безопасности, а где — ощущают угрозу. Социальное отторжение заикливается на одном или нескольких аспектах самоидентификации человека и отрицает возможность трансформации и принятия. Для уменьшения социального отторжения, от сообществ требуется видеть в (ре)интегрирующихся людях возможность искупления, а не просто их худшее поведение.¹⁹

Это не значит, что на такое поведение следует закрывать глаза или попросту прощать его. Задача сообществ, приветствующих (ре)интегрирующихся людей, состоит в том, чтобы изыскать способы для продолжения выражения неприемлемости насильственного поведения и гарантировать привлечение людей к ответственности за свои действия, одновременно предоставляя людям, совершившим акты насилия, возможность двигаться вперед и искупить свою вину. (Подробнее см. в модуле 5 «Содействие справедливости и примирению»)

Когда люди прекращают участие в насильственных действиях экстремистов — особенно когда возвращаются после участия в конфликте — они сталкиваются с кризисом идентичности, который катализирует поиск нового смысла жизни, переосмысление прошлого опыта и поиск новой социальной идентичности.²⁰ Этот кризис предоставляет возможности для реабилитации, но только тогда, когда местные сообщества предлагают жизнеспособные и реальные альтернативы. Если социальное отторжение сигнализирует о недоступности такой альтернативы, то *идентификация* или *подтверждение* трансформации человека из агрессивного в продуктивного или поддерживающего члена сообщества может символически сигнализировать о том, что такая альтернатива существует, что местные сообщества готовы взаимодействовать

Не навреди

При правильном использовании реинтегративный стыд может быть мощным инструментом, а может и навредить (ре)интегрирующимся людям, если используется неудачно или поспешно.* Включение реинтегративного стыда в процесс планирования и проектирования должно обеспечивать защиту от:

- непреднамеренной дальнейшей стигматизации (ре)интегрирующихся людей;
- навязывания норм поведения и самоидентификации (ре)интегрирующимся людям, не связанным с насильственными действиями экстремистов (например, принуждение ЛГБТКИ+ людей к отказу от своей гендерной идентичности или соответствию местным нормам);
- чрезмерного выделения проявлений конформного поведения, а не содействия трансформации поведения.

* John Braithwaite, «Restorative Justice and Reintegrative Shaming,» in *Criminal Justice Theory: Explanations and Effects*, ed. Cecilia Chouhy et al. (London: Routledge, 2020), 281–308.

с человеком, и что искупление возможно. В своем поведении люди склонны соответствовать тем ожиданиям, которые общество ярлыками навешивает на них, потому что эти ярлыки определяют возможности и сосредотачивают людей на определенных ролях. Отметка трансформации (ре)интегрирующихся людей может укрепить новую самоидентификацию и нормы поведения, которые ей сопутствуют.²¹

Определите и ориентируйтесь на «самое важное»

Исследования социального отторжения, связанного с медицинской помощью, в районах, столь несхожих между собой как Ботсвана, Непал, Тунис, Западная Европа и Соединенные Штаты, показали, что «социальное отторжение наиболее остро ощущается тогда, когда люди не могут участвовать в деятельности, которая является «самой важной» и определяет «личность» в их культуре».²² Когда социальное отторжение мешает (ре)интегрирующимся людям участвовать в культурно значимой общественной или социальной деятельности, — которая воспринимается как неотъемлемая часть полноправного членства в группе или сообществе, — социальное отторжение эффективно блокирует (ре)интеграцию в общество. Структурированное взаимодействие с (ре)интегрирующимися людьми, а также с членами затронутых сообществ может помочь определить те виды деятельности, которые являются «самыми важными» для поддержания статуса члена сообщества с добрым именем.²³ Сосредоточение деятельности, направленной на уменьшение социального отторжения, на устранении барьеров для участия в этой деятельности может способствовать (ре)интеграции, позволяя участвовать в процессах трансформации. Эти процессы смогут сместить представление о (ре)интегрирующихся людях с *другие* на *наши* и обеспечить просоциальную вовлеченность в мероприятия, которые могут способствовать построению отношений через социальный разрыв. Подход «самое важное» может определить чему больше всего угрожает социальное отторжение и смягчить его наиболее угрожающие последствия за счет расширения доступа к этим видам деятельности.

Используйте междисциплинарный подход

Люди редко подвергаются социальному отторжению только в одной области самоидентификации. (Ре)интегрирующиеся люди могут столкнуться с социальным отторжением, основанным на страхе и гневе в связи с их участием в насильственных действиях экстремистов. Они также могут подвергнуться социальному отторжению из-за расы, религии, гендера, социального класса, идеологических убеждений, профессии или состояния здоровья, многие из этих которых могут соотноситься со стигматизирующими мифами, связывающими эти способы самоидентификации с насильственным экстремизмом или насильственным поведением. Их сверстники и члены семьи также могут столкнуться с социальным отторжением на основании любого из этих маркеров и их предполагаемой принадлежности к лицам, вовлеченным в насильственные действия экстремистов, что подвергает их риску социального отторжения и повышенного внимания со стороны правоохранительных органов и органов безопасности.²⁴

Гендерные аспекты

Социальная и общественная деятельность, которая воспринимается как поддерживающая статус в группе или сообществе, может различаться в зависимости от гендерных ролей. При определении того, «самого важного», крайне важно обеспечить разбивку существенной в культурном отношении деятельности и сопоставление ее с гендерными и другими ключевыми социальными ролями.

Часто социальное отторжение определенных групп может быть результатом травматических переживаний. В первую очередь в затронутых конфликтом условиях, где регулярно присутствуют насилие, травмы и групповое недовольство, информированная помощь при травмах и помощь на уровне сообщества, которая расширяет охват услуг по восстановлению после травм, может помочь справиться с коллективными травмами, сопутствующими сохранению гнева, страха или негодования. (Больше о восстановлении после травмы см. в модуле 2 «Помощь в восстановлении после травмы»).

Типы вмешательств и мероприятий

Сложная социальная экология связана с сохранением социального отторжения. Поэтому вмешательства должны включать в себя компоненты, направленные на изменение норм, убеждений и политики, способствующих социальному отторжению, и смягчать последствия, которые ставят под угрозу благополучие (ре)интегрирующихся людей.²⁵

Social and Behavior Change Communications (SBCC) — это концепция изменения норм, установок и моделей поведения путем оценки задействованной социальной экологии, а затем нацеливания на точки приложения, которые могут стать переломными моментами для изменений. SBCC начинается со схематизации оценки всей задействованной социальной экологии: Где, как, кем и против кого проявляется социальное отторжение? Какие мифы и стереотипы способствуют сохранению социального отторжения? Какие существуют положительные общественные ресурсы и отправные точки, которые можно использовать для вмешательств, направленных на уменьшение социального отторжения? SBCC является интерактивным процессом, который использует: (1) коммуникацию, направленную на изменение поведения, для изменения базы знаний выбранной аудитории; (2) стратегии отстаивания интересов и социальной мобилизации для повышения политической и социальной воли к переменам и активизации более широкого участия, коллективных действий и роли сообщества. Вмешательства и мероприятия здесь представляют собой компоненты, которые можно объединить в комплексное социально-экологическое вмешательство SBCC для уменьшения социального отторжения (ре)интегрирующихся людей. Вмешательства и мероприятия нужно нацеливать на несколько уровней социальной экологии, чтобы в достаточной мере удовлетворять уникальные потребности местных сообществ и (ре)интегрирующихся в них людей.

Не навреди

Любая программа, предоставляющая услуги людям, которые были связаны с организацией воинствующих экстремистов, должна гарантировать соответствие своей работы действующим законами, которые устанавливают когда, как и кому можно и нельзя предлагать такую поддержку.

Повышение осведомленности и регуманизация (ре)интегрирующихся людей

Уменьшение социального отторжения может осуществляться с помощью системных подходов, которые упрощают контакт и позволяют людям вместе принимать участие в структурированных или полуструктурированных мероприятиях, которые представляют собой процесс трансформации способов самоидентификации и регуманизации (ре)интегрирующихся людей. Ритуалы символически отмечают обратный переход человека в общество, а социальные ритуалы и церемонии, которые публично признают и отмечают трансформацию идентичности, могут эффективно содействовать прекращению участия в насилии и помогать реабилитации и (ре)интеграции. Программы государственного образования также могут повысить осведомленность о проблемах, с которыми сталкиваются (ре)интегрирующиеся люди, и развеять многие стигматизирующие мифы, способствующие сохранению страха и гнева. Эффективные вмешательства и мероприятия нужно приспособлять к различным уровням социальной экологии, а также учитывать аспекты возраста, гендера и другие факторы, которые могут повлиять на эффективность программы.²⁶ Чтобы добиваться инклюзивности, эти подходы нужно применять с согласия (ре)интегрирующихся людей и добиваться их активного участия, предоставляя им возможность адаптировать содержание социальных ритуалов и церемоний к местным условиям, культуре и верованиям.

Мероприятия, которые могут побудить сообщества преодолеть свои предрассудки, включают в себя следующие:

- Межличностные мероприятия, направленные на содействие установлению контактам и принятию между (ре)интегрирующимися людьми, их ближайшими родственниками и сверстниками, сообразно ситуации. Решение проблемы социального отторжения семей и сверстников по ассоциации с (ре)интегрирующимися людьми также имеет решающее значение. Особое внимание нужно уделять возможному вреду от возвращения (ре)интегрирующихся людей к членам семьи и сверстникам в определенных условиях.
- Беседы с населением или общие собрания, которые дают затронутым сообществам возможность высказать свои опасения, а также предоставляют им возможность обдумать и научиться, расширяя свои знания, развеивая мифы и уменьшая опасения по поводу рисков, связанных с (ре)интегрирующимися людьми.
- Возможности для совместной деятельности на основе установления контактов между (ре)интегрирующимися людьми и членами сообщества, такой как группы взаимной поддержки или общественно-полезная деятельность. Выражение сострадания даже от одного члена аутгруппы может вызвать ответную эмпатию ко всей этой группе.²⁷ Эмпатия является ключом к сохранению просоциального поведения, построению социальных связей, отказу от межгруппового и межличностного насилия и трансформации социальной идентичности.²⁸
- Общественные проекты, основанные на установлении контактах, — которые напрямую не описываются как попытки возвести мосты между стигматизированными группами и более широким сообществом, — однако предоставляют возможности для взаимодействия и сотрудничества.²⁹ Например общественные проекты благоустройства и озеленения, мультикультурные фестивали, проекты настенной росписи и экологические субботники могут не только создать чувство общности за счет улучшения местной культуры и окружающей среды, но и дать возможность (ре)интегрирующемуся человеку добровольно внести свой вклад в благосостояние сообщества.

- **Общественные услуги по восстановлению после травм, которые занимаются коллективными травмами, усиливающими стигматизирующие мифы и стереотипы, особенно в условиях, затронутых насильственными действиями экстремистов (см. модуль 2 «Помощь в восстановлении после травмы»).**
- **Мероприятия, основанные на установлении контактов, которые включают в себя такие действия как пение, прием пищи, музицирование или чтение стихов, и отводят важное место (ре)интегрирующимся людям. Эти условия предоставляют возможности для гуманизации (ре)интегрирующихся людей в глазах более широкого сообщества и повышения доверия между группами.**
- **Религиозные ритуалы, обряды посвящения или неформальные символические жесты, которые отмечают обратный переход человека или семьи в общество. Такие ритуалы сигнализируют (ре)интегрирующимся людям, что сообщество открыто для их возвращения. Эти символические действия, даже такие простые как встреча кого-то с небольшим подарком вроде безалкогольного напитка, могут означать решение человека оставить свой прежний способ самоидентификации, связанный с насильственными действиями экстремистов, и принять обновленную личность в качестве содействующего участника сообщества.**
- **Консультации с общественностью или семинары могут предоставить платформы, на которых участники могут обсуждать и разрабатывать повествования от первого лица, которые не навешивают на (ре)интегрирующихся людей ярлыки, подчеркивающие только их худшие совершенные в прошлом действия. Вместо этого такие семинары могут подчеркнуть множественную групповую самоидентификацию человека и его желание внести полезный вклад в сообщество. Эти консультации или семинары также могут выявить положительные ресурсы сообщества, которые можно эффективно использовать в кампаниях по уменьшению социального отторжения так, чтобы это нашло отклик у целевой аудитории, а также, при необходимости, соответствовало местным нормам и обычаям.**

Не навреди

Вмешательства с учетом информации о травмах признают масштаб и глубину психосоциальных проблем. Индивидуальные вмешательства не должны повторно делать жертвой, открывать раны, не заживляя их, или усугублять механизм стыда, который может вылиться в чувство унижения или желание отомстить (см. модуль 2, «Помощь в восстановлении после травмы»).

Терапевтические вмешательства в некоторых странах также должны отдавать себе отчет в том, что те, кто совершил преступления, могут быть уязвимы для уголовного преследования, учитывая слабые системы соблюдения конфиденциальности в терапии. Поощрение людей посмотреть в лицо своему самоклеймению на основе исповеди о том, что они причинили вред другим людям, может вызвать последствия, которые выйдут из-под контроля тех, кто проводит вмешательство.

Защита изменения социальных норм

Программы защиты выходят за рамки государственного образования, ориентируясь на социальные нормы, дискриминационную политику и законы для того, чтобы активизировать поддержку и заинтересованность сообщества, а также создать среду для отказа от участия и для реабилитации, (ре)интеграции и примирения.³⁰

Привлечение надежных, пользующихся доверием общественных деятелей к публичному распространению позитивных посылов о прекращении участия в насилии, о реабилитации, примирении и искуплении может стать эффективным способом связать успешную (ре)интеграцию с предотвращением дальнейшего насилия и изменить установки так, чтобы заставить членов сообщества с большей готовностью взаимодействовать с (ре)интегрирующимися людьми.³¹ Аналогичные послылы можно передавать с помощью средств массовой информации, к примеру радиопередач, которые традиционно не только информируют публику, но и развлекают ее. Использование в радио- и развлекательных программах посылов об искуплении и уменьшении предрассудков, насилия и травм может потенциально изменить социальные нормы и поведение, которые могут облегчить отказ от участия в насилии и примирение.³²

Широкое внедрение в общественное сознание рассказов, включающих в себя роль структур, и историй, которые вылились в обоснованное недовольство, как и решения отдельных лиц, может заставить сообщество с большей готовностью рассматривать (ре)интегрирующихся людей как вынужденных участвовать в насильственных действиях экстремистов из-за общего недовольства, а не потому, что они отъявленные злодеи или люди с анархическими взглядами, появившиеся из ниоткуда. Такие рассказы могут помочь уменьшить самоклеймение, поскольку люди начинают понимать, как их поведение вписывается в более полную историю. Хотя эти рассказы не стирают личную и конкретную ответственность, они могут уменьшить общественный гнев, позволяя сообществам признать, что на выбор людей также влияет их окружение, и прочувствовать некоторое сострадание к людям, жизнь которых определили неподвластные им силы.³³

«Рассказы, включающие в себя роль . . . структур и историй, . . . могут заставить сообщество с большей готовностью рассматривать (ре)интегрирующихся людей как движимых . . . общим недовольством, а не тем, что они отъявленные злодеи».

Еще один способ вызвать сочувствие к (ре)интегрирующимся людям или, по крайней мере, понимание, состоит в том, чтобы поделиться с сообществом историями их жизни, которые описывают, кем они были до участия в насильственных действиях экстремистов, почему решили участвовать в таких действиях, что подвигло их отказаться от насилия и кем они хотят быть в будущем. Публикация историй уже успешно (ре)интегрировавшихся людей, с описанием проблем, с которыми они столкнулись на этом пути, может вызвать поддержку сообщества и уменьшить беспокойство по поводу общественной безопасности. Такие истории можно распространять с помощью журналистов, продюсеров СМИ и кампаний в СМИ гражданского общества.

В то же время программы защиты должны признавать проблемы согласования усилий по обмену сообщениями в определенных контекстах. Во-первых, использование кампаний в СМИ без привлечения внимания журналистов, продюсеров и других лиц к их роли может усугубить социальное отторжение и разделение. Во-вторых, и особенно в сообществах, где ПЗПСП и другие социальные услуги труднодоступны, а отправление правосудия считается отсутствующим, некоторые члены сообщества могут завидовать (ре)интегрирующимся людям из-за того, что у них есть расширенный доступ (реальный или воображаемый) к услугам, которые еще предстоит сделать доступными для других членов сообщества, среди которых, возможно, есть пережившие насильственные действия экстремистов. В этих условиях программы защиты, не учитывающие индивидуальные особенности представителей местных сообществ, могут непреднамеренно вызвать негодование, что скорее оттолкнет, чем вызовет сочувствие.³⁴

Борьба с самоклеймением и внутренним чувством вины или стыда

(Ре)интегрирующиеся люди могут испытывать внутреннее самоклеймение, стыд, угрызения совести и винить себя за участие в насильственных действиях экстремистов, что оказывает влияние на их психосоциальное благополучие и вынуждает их самоизолироваться. Изменение индивидуального поведения и вмешательства в области поведенческого здоровья, такие как консультирование и когнитивно-поведенческая терапия или участие в группах самопомощи и поддержки, могут быть эффективными для изменения знаний, установок, представлений о себе, самооценки и умений справляться с жизненными трудностями, которые воздвигают барьеры для просоциальной вовлеченности (см. модуль 1 «Содействие поведенческому здоровью и благополучию»)³⁵

Не навреди

Вовлечение (ре)интегрирующихся людей в мероприятия, направленные путем установления контактов на уменьшение социального отторжения, может вынудить людей раскрыть личную информацию, и такое контактирование может дать зыбкие результаты и усугубить недовольство. Программы должны позаботиться о том, чтобы оставить место для обоснованного выражения страха и гнева, защитить потребности в охране и безопасности всех вовлеченных людей, а также убедиться в том, что помощники хорошо обучены тому, как справляться с такими ситуациями и выборочному раскрытию информации, благодаря чему (ре)интегрирующиеся люди смогут решиться раскрыть свою прежнюю связь с насильственными действиями экстремистов, тогда и тому, с кем чувствуют себя комфортно.

Мониторинг и оценка

Данных о масштабах и проявлениях социального отторжения и дискриминации в отдельных сообществах часто недостаточны, хотя и имеют решающее значение для мониторинга и оценки программ по уменьшению социального отторжения. Использование смешанных методов (как количественного, так и качественного подхода) и экспериментальных проектов может увеличить базу данных и позволить сравнить опыт социального отторжения до и после вмешательств, направленных на его уменьшение.

В серию опросов для сбора качественных данных, проводимых среди людей, столкнувшихся с социальным отторжением, а также среди других членов сообщества до и после вмешательства, могут входить вопросы, подобные приведенным ниже.

- Каковы взгляды или отношение членов сообщества к готовности жить рядом, нанимать, работать или дружить с (ре)интегрирующимся человеком?
- Чувствует ли общество обиду из-за предполагаемого отсутствия отправления правосудия? К примеру, считает ли сообщество, что (ре)интегрирующиеся люди получают слишком много преимуществ от государства?
- Считают ли (ре)интегрирующиеся лица, что сообщество сдержало данные им обещания в отношении помощи, или же они полагают, что меры помощи носили символический характер и не отвечали их стремлениям к отправлению правосудия?
- В чем для сообщества заключается чувство сопричастности и принадлежности? Считаются ли (ре)интегрированные люди принадлежащими к сообществу, частью «нас»?

Изменение отношения и поведения среди членов сообщества в некоторых местах может оказаться более медленным процессом, чем в других, а позитивные изменения сами по себе могут выглядеть по-разному в разных условиях.³⁶

Соответствующие количественные данные также может собрать исследователь, который наблюдает и документирует такие показатели и действия как

- актуальные для местности показатели и наблюдаемое поведение, связанное с включением стигматизированных групп или людей в социальную деятельность;
- поведенческие изменения среди гражданских государственных служащих, органов безопасности и представителей органов власти в том смысле, в каком они взаимодействуют с (ре)интегрирующимися людьми и теми, кто с ними связан;
- участие в важных общественных или семейных мероприятиях, таких как приглашение (ре)интегрирующихся людей на похороны, свадьбы или другие общественные праздники;
- темы в рассказах, регулярно собираемых с помощью опросов, интервью, мониторинга СМИ или других этических методологий, касающиеся жизненного опыта (ре)интегрирующихся людей, а также членов сообщества.³⁷

Не навреди

Важно отслеживать не любое поведение, например ношение хиджаба или участие в определенных религиозных ритуалах, которое может укрепить стигматизирующие мифы и быть ложно истолковано членами сообщества как признаки рецидивизма.

ПРИМЕРЫ

Реинтегрирующиеся люди в Руанде после геноцида

После геноцида в Руанде в 1994 году многие из признанных виновными в непосредственном участии в убийствах отбыли наказание в виде лишения свободы. Сейчас отбывание наказания завершается, и они возвращаются в свои сообщества. Исследование этого процесса реинтеграции предлагает наглядные уроки, связанные с уменьшением социального отторжения, для людей, (ре)интегрирующихся после участия в насильственных действиях экстремистов.

Даже несмотря на то, что в Руанде по-прежнему сильны социальное отторжение и гнев в отношении людей, участвовавших в геноциде, те сообщества, в которых существуют возможности для взаимодействия (ре)интегрирующихся людей с членами сообщества, могут уменьшить социальные осложнения реинтеграции. В некоторых случаях соседи радушно встречали возвращающихся людей, предлагая им небольшие подарки, такие как газировка, еда или небольшие суммы денег, чтобы купить еду или напитки. В других случаях вернувшимся людям давали возможность на собраниях рассказать о том, что они сделали и почему, взять на себя ответственность, выразить раскаяние и описать свои надежды на будущее. Один (ре)интегрирующийся человек сообщил, что эти жесты «исправили мою уверенность в том, что люди меня ненавидят».

Доказательства указывают на то, что рассказы об истории и последствиях колониализма в Руанде, изложенные в государственных мемориалах и учебных программах государственных школ, сформировали отношение к (ре)интеграции. Эти исторические описания объясняют, как и почему Бельгия организовала разногласия между этническими группами в Руанде, создав недоверие, которое способствовало геноциду. Эта история помогла сообществам осознать как более широкие структурные факторы, способствовавшие геноциду, так и личную ответственность людей, участвовавших в нем.

Люди, (ре)интегрирующиеся в свои сообщества, также сообщают, что язык, используемый для их описания соседями и в публичном дискурсе, оказал значительное влияние на восприятие ими социального отторжения и на их способность (ре)интегрироваться. Вместо того, чтобы навешивать на себя ярлык *лица, ответственного за совершение геноцида*, некоторые возвращающиеся люди предложили называть их такими терминами, как «вернувшиеся» руандцы: терминами, которые намекают на их прошлые преступления, одновременно укрепляя идею о том, что они больше не представляют угрозы для своих сограждан. Маркеры «человек на первом месте», когда используются обладающими властью людьми, такими как государственные служащие или религиозные лидеры, помогают задать тон (ре)интеграции.³⁸

Противодействие социальному отторжению мотоциклистов в Либерии

После окончания гражданской войны в Либерии в 2003 году дети, ранее связанные с вооруженными группами, терроризировавшими гражданское население, были исключены из многих официальных программ разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР). Власти часто рассматривают молодых людей как нарушителей спокойствия и расценивают их самостоятельные усилия в поиске работы в качестве преступления или угрозы. Либерия представляет собой яркий пример, где у молодых людей, живущих с последствиями вооруженного конфликта, — застрявшие между военными и послевоенными условиями, в которых их пристыдили и отвергли, — есть мало возможностей зарабатывать себе на жизнь. Некоторые из этих молодых людей создают собственные возможности, используя свои мотоциклы для обеспечения перевозок в местных сообществах. Однако либерийские СМИ часто сообщают о мотоциклистах как об агрессивных вершителях самосуда, а полиция мало что предпринимает, когда сами мотоциклисты становятся объектом насилия — мотоциклистов часто воспринимают как небезопасных, ненадежных и потенциально склонных к насилию.

В ответ некоторые из этих молодых мужчин и женщин приняли участие в усилиях, направленных на уменьшение социального отторжения, работая вместе с сообществами и лидерами сообществ над изменением представления о мотоциклистах и уменьшить их отторжение обществом. Подчеркивание социального отторжения, с которым они сталкиваются, и признание своего внутреннего самоклеймения позволило им создавать нарративы и проводить свои собственные кампании социальной интеграции, такие как разработка и распространение наклеек на бамперы, которые подчеркивают предоставление ими необходимых транспортных услуг или заявляют их важными участниками процесса миростроительства. Мотоциклисты также пишут сценарии для радиопрограмм, которые выступают за изменение социальных норм, рассказывая публике об их вкладе в общество (например, о доставке больных пассажиров в больницы во время кризисов, вызванных лихорадкой Эбола и COVID-19), а также о проблемах, с которыми они сталкиваются из-за дискриминационных ограничений на дорогах и жестокости полиции. Эти кампании иллюстрируют возможность для людей, оставивших мир насилия, измениться и внести вклад в жизнь своих сообществ, отстаивая при этом свое достоинство.³⁹

Трансформация идентичности для уменьшения социального отторжения в Пакистане

В Пакистане Paiman Trust работает с людьми, (ре)интегрирующимися после участия в движении Талибан и других группах воинствующих экстремистов. Одна из программ Paiman Trust ориентирована на матерей, которые играли активную роль в вербовке своих сыновей в эти группы; некоторые матери активно помогали своим сыновьям, шили пояса смертников, которые те носили. Члены сообщества склонны клеймить позором этих женщин, акцентируя внимание на их вкладе в насилие. Однако Paiman Trust оказывает им социально-психологическую помощь, обучает умениям зарабатывать на жизнь, знакомит с искусством, светским образованием и религиозной грамотностью. Программа подчеркивает разнообразие способов их самоидентификации как пакистанцев, членов племени патан или пуштун и религиозных мусульман. Часть образовательной программы включает в себя изучение поэзии пуштун, в которой из хорошо знакомого местного источника представлены учения о мире. Paiman Trust привлекает местных имамов в Пакистане для продвижения идеи прощения в исламе. Как люди, пользующиеся доверием и обладающие влиянием в местных сообществах, имамы могут помочь в уменьшении социального отторжения, подчеркивая значение искупления и демонстрируя вовлечение (ре)интегрирующихся в молитву и другую религиозную деятельность. Paiman Trust ищет для (ре)интегрирующихся людей возможности работать на общественных началах и обеспечивать лидерство в сообществе с тем, чтобы люди могли начать строить с ними доверительные отношения.⁴⁰

Просвещение сообщества для борьбы с социальным отторжением в Индонезии

Coalition of Civil Society Against Violent Extremism (C-SAVE) — это коалиция местных общественных организаций в Индонезии, работающих с людьми, которые возвращаются после жизни под началом Исламского государства или борьбы за него. Чтобы предотвратить дальнейшую мобилизацию в насилие, в том числе в насильственные действия экстремистов, C-SAVE подчеркивает необходимость как предлагать, так и обучать эмпатии для снижения социального отторжения и повышения просоциальных навыков. Большую часть первой волны (ре)интегрирующихся людей составляли женщины и дети. Они столкнулись с сильным социальным отторжением со стороны местных сообществ, которые возражали против предполагаемого особого обращения с ними и против разрешения (ре)интегрирующимся детям вернуться в школу из-за опасений за общественную безопасность. C-SAVE помогает бороться с социальным отторжением (ре)интегрирующихся людей, предлагая программы просвещения общественности, которые повышают осведомленность о многих проблемах, с которыми сталкиваются такие люди. Например, C-SAVE транслирует короткие видеоролики, рассказывающие истории из жизни (ре)интегрирующихся людей, и работает с местными религиозными лидерами-женщинами, чтобы «преобразовать религиозные учения в конкретные действия на основе сочувствия, поощрения терпимости и совершенствования общественной деятельности на благо других».⁴¹

ИСТОЧНИКИ

STRETCH for Stigma

War Child Holland, 2021

www.warchildholland.org/intervention-stigma

Эту концепцию снижения социального отторжения разрабатывает организация War Child, базирующаяся в Амстердаме. Она работает над повышением устойчивости и благополучия детей, живущих в условиях насилия и вооруженных конфликтов. STRETCH for Stigma применяет стандартизированный подход, который можно адаптировать под различные ситуации. Это социально-экологический подход, способствующий сокращению вредоносных убеждений и обычаев, укоренившихся в сообществах, и предназначенный для борьбы с множественными формами социального отторжения.

«Countering Xenophobia and Stigma to Foster Social Cohesion in the COVID-19 Response and Recovery»

International Organization for Migration, 2021

www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/documents/countering_xenophobia_and_stigma_130720.pdf

В этой краткой публикации предлагается ряд решений, которые правительства и другие соответствующие стороны могут рассмотреть для борьбы с разными формами нападений на почве ксенофобии, с которыми могут столкнуться мигранты во время пандемии: начиная от деятельности, направленной на усиление правовых и политических мер реагирования на ксенофобию и расизм, до общественных моделей преодоления предрассудков и поощрения социального смешивания.

The Health, Stigma, and Discrimination Framework

Anne L. Stangle et al., 2019

<https://link.springer.com/content/pdf/10.1186/s12916-019-1271-3.pdf>

Health Stigma and Discrimination Framework — это глобальная сквозная концепция, основанная на теории, исследованиях и практике, и предназначенная для применения в отношении целого ряда заболеваний, в том числе проказы, эпилепсии, психических расстройств, рака, ВИЧ, ожирения или избыточного веса. Она рассматривает как социальное отторжение, связанное с расой, гендером, сексуальной ориентацией, социальным классом и профессией, пересекается с социальным отторжением, связанным со здоровьем, и исследует возможность использования концепции для улучшения исследований, программ и политических усилий. Несмотря на то, что она разрабатывалась для борьбы с социальным отторжением, связанным со здоровьем, многие из ее уроков и принципов могут быть полезными для уменьшения социального отторжения и в других контекстах, в том числе для (ре)интегрирующихся людей.

«Improving Community Acceptance of Returnees from Boko Haram in Nigeria: What Role Do Trusted Authorities Play?»

Innovations for Poverty Action | Mercy Corps, 2018

www.poverty-action.org/study/improving-community-acceptance-returnees-boko-haram-nigeria-what-role-do-trusted-authorities

В отчете предлагается использовать посыл пользующихся доверием лидеров для уменьшения социального отторжения и повышения поддержки населением (ре)интеграции, а также готовности этих лидеров взаимодействовать с людьми, выходящими из вооруженного экстремистского конфликта, в социальной, политической и экономической жизни. Опираясь на экспериментальный проект в контексте Нигерии, исследование предполагает, что пользующиеся доверием органы власти могут быть эффективными посланниками для продвижения мира и поддержки (ре)интеграции бывших членов Боко Харам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Однако в некоторых условиях способность сопротивляться самоклеймению может повысить устойчивость и сыграть положительную роль в восстановлении. См., например, Ruth L. Firmin et al., «Stigma Resistance Is Positively Associated with Psychiatric and Psychosocial Outcomes: A Meta-analysis», *Schizophrenia Research* 175, nos. 1–3 (2016): 118–128, <https://doi.org/10.1016/j.schres.2016.03.008>.
- 2 Ранние социологические исследования социального отторжения изучали, как выражение негативных взглядов и неодобрение стигматизированных лиц «лишало [их] полного общественного признания» и фокусировались на людях с физическими особенностями, психическими заболеваниями или принадлежностью к определенной расе, национальности, религии, идеологии и так далее, которых общество признало девиантными. При рассмотрении того, каким образом участие в насилии и насильственных конфликтах также является важной характеристикой, подвергающей людей социальному отторжению, концептуальное представление этого модуля отталкивается от ранних и современных исследованиях социального отторжения, фокусируясь на процессах социальной дисквалификации людей, которых сообщества воспринимают как отклоняющихся от господствующих социальных норм и представлений. См. Erving Goffman, *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity* (New York: Simon & Schuster, 1963).
- 3 Обзор некоторых основных категорий социального отторжения см. в Verena Ertl et al., «The Challenge of Living On: Psychopathology and Its Mediating Influence on the Readjustment of Former Child Soldiers», *PLoS ONE* 9, no. 7 (2014): e102786, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0102786>; Jo C. Phelan, Bruce G. Link, and John F. Dovidio, «Stigma and Prejudice: One Animal or Two?» *Social Science and Medicine* 67, no. 3 (2008): 358–367, <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2008.03.022>.
- 4 См., например, Kim Hartog, Ruth M. H. Peters, and Mark J. D. Jordans, «Understanding Stigmatisation: Results of a Qualitative Formative Study with Adolescents and Adults in DR Congo», *Foundations of Science* 27 (2022): 805–828.
- 5 По воспоминаниям участника онлайн-семинара «Stigma Reduction and Violent Extremist Disengagement and (Re)integration» («Уменьшение социального отторжения, разотождествление и (ре)интеграция воинствующего экстремиста»), состоявшегося 29 июня 2021 г., чтобы задать направление данному модулю.
- 6 См., например, James Gilligan, «Shame, Guilt, and Violence», *Social Research* 70, no. 4 (2003): 1149; Clark McCauley, «Toward a Psychology of Humiliation in Asymmetric Conflict», *American Psychologist* 72, no. 3 (2017): 255–265, <https://doi.org/10.1037/amp0000063>; Arie Kruglanski, Jocelyn Bélanger, and Rohan Gunaratna, *The Three Pillars of Radicalization: Needs, Narratives, and Networks* (Oxford: Oxford University Press, 2019).
- 7 Evelyn Lindner, *Making Enemies: Humiliation and International Conflict* (Westport, CN: Praeger Security International, 2006).
- 8 Больше о барьерах на пути к реабилитации и реинтеграции, которые могут воздвигнуть социальное отторжение, см. в Gordon Clubb et al., «Combatting the Terrorist Stigma: Communicating Rehabilitation and Reducing Barriers to Reintegration», paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association, Montreal, сентябрь 2022.
- 9 Lina Grip and Jenniina Kotajoki, «Deradicalisation, Disengagement, Rehabilitation and Reintegration of Violent Extremists in Conflict-Affected Contexts: A Systematic Literature Review», *Conflict, Security, and Development* 19, no. 4 (2019): 371–402, <https://doi.org/10.1080/14678802.2019.1626577>.
- 10 См., например, Any Rufaedah, and Idhamsyah Eka Putra, «Coping with Stigma and Social Exclusion of Terror-Convicts' Wives in Indonesia: An Interpretative Phenomenological Analysis», *Qualitative Report* 23, no. 6 (2018): 1334–1346, <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2018.3118>.
- 11 Brené Brown, «Shame Resilience Theory: A Grounded Theory Study on Women and Shame», *Families in Society* 87, no. 1 (январь–март 2006): 45–46; Kathryn F. Jankowski and Hidehiko Takahashi, «Cognitive Neuroscience of Social Emotions and Implications for Psychopathology: Examining Embarrassment, Guilt, Envy, and Schadenfreude», *Psychiatry and Clinical Neurosciences* 68 (2014): 319–336; Deborah A. Lee, Peter Scragg, and Stuart Turner, «The Role of Shame and Guilt in Traumatic Events», *British Journal of Medical Psychology* 74 (2001): 451–466.
- 12 E. Fuller Torrey, «Stigma and Violence: Isn't It Time to Connect the Dots?» *Schizophrenia Bulletin* 37, no. 5 (сентябрь 2011): 892–896.

- 13 Подробнее о социальном отторжении и отмежевании от культа, выходе из банды, и прекращении преступной деятельности см. в Stuart A. Wright, *Leaving Cults: The Dynamics of Defection* (Washington, DC: Society for the Scientific Study of Religion, 1987); Kelly E. Moore, Jeffrey B. Stuewig, and June P. Tangney, «The Effect of Stigma on Criminal Offenders' Functioning: A Longitudinal Mediation Model», *Deviant Behavior* 37, no. 2 (2016): 196–218; Adrian Bergmann, «Shut In, Shut Out: Barriers and Opportunities for Gang Disengagement in El Salvador», *Critical Criminology* 30 (2022): 193-210.
- 14 Подробную карту вмешательств, направленных на уменьшение социального отторжения, см. в Kim Hartog et al., «Stigma Reduction Interventions for Children and Adolescents in Low- and Middle-Income Countries: Systematic Review of Intervention Strategies», *Social Science and Medicine* 246 (2020).
- 15 Tarela Juliet Ike et al., «Community Perspectives of Former Terrorist Combatants, Militants, and Reintegration Programmes in Nigeria: A Systematic Review», *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression* 14, no. 2 (22): 142–168, <https://doi.org/10.1080/19434472.2020.1834431>.
- 16 См., например, William B. Farrell et al., *Processes of Reintegrating Central Asian Returnees from Syria and Iraq* (Washington, DC: United States Institute of Peace, 2021).
- 17 Jaremy R. McMullin, «Hustling, Cycling, Peacebuilding: Narrating Postwar Reintegration through Livelihood in Liberia», *Review of International Studies* 48, no. 1 (январь 2022): 67-90.
- 18 John Braithwaite, «Reintegrative Shaming», in *Criminological Perspectives: A Reader*, ed. John Muncie, Eugene McLaughlin, and Mary Langan (London: Sage Publications, 1996), 432–438.
- 19 Расширяющееся исследование определило предполагаемую возможность искупления (ре)интегрирующимися людьми своего участия в насильственных действиях экстремистов как ключевой механизм усиления поддержки среди сообществ. См., например, Clubb et al., «Combating the Terrorist Stigma.»
- 20 Maja Touzari Greenwood, «When Foreign Fighters Come Home: The Story of Six Danish Returnees», *Perspectives on Terrorism* 13, no. 4 (август 2019): 28; Thomas Meisenhelder, «Becoming Normal: Certification as a State in Exiting from Crime», *Deviant Behavior* 3, no. 2 (1982): 137-153.
- 21 Shadd Maruna et al., «Pygmalion and the Reintegration Process: Desistence from Crime through the Looking Glass», *Psychology, Crime, and Law* 10, no. 3 (сентябрь 2004): 273.
- 22 Lawrence H. Yang et al., «Psychometric Validation of a Scale to Assess Culturally-Salient Aspects of HIV Stigma among Women Living with HIV in Botswana: Engaging 'What Matters Most' to Resist Stigma», *AID and Behavior* 25 (2021): 461. Больше информации о подходе «Самое важное» см. в Brandon A. Kohrt et al., «Reducing Mental Illness Stigma in Healthcare Settings: Proof of Concept for a Social Contact Intervention to Address What Matters Most for Primary Care Providers», *Social Science and Medicine* 250 (2020): 1–12; Lawrence Hsing Yang et al., «Culture and Stigma: Adding Moral Experience to Stigma Theory», *Social Science and Medicine* 64, no. 7 (апрель 2007): 1524-1535.
- 23 Yang et al., «Psychometric Validation», 462.
- 24 Anne L. Strangl et al., «The Health Stigma and Discrimination Framework: A Global, Crosscutting Framework to Inform Research, Intervention Development, and Policy on Health-Related Stigmas», *BioMed Central Medicine* 17, no. 31 (2019): 1-13. Пример того, как может усугубляться социальное отторжение, см. в Jomas R. Kunst, Lisa S. Myhren, and Ivuoma N. Onyeador, «Simply Insane? Attributing Terrorism to Mental Illness (Versus Ideology) Affects Mental Representations of Race», *Criminal Justice and Behavior* 45, no. 12 (2018): 1888-1902.
- 25 Strangl et al., «Health Stigma and Discrimination Framework», 4.
- 26 Возраст к примеру, может иметь значение при выборе наиболее эффективных стратегий уменьшения социального отторжения. Если контакты могут быть более эффективными для уменьшения социального отторжения среди взрослых, то образование может быть более эффективным для уменьшения социального отторжения среди детей и подростков. См., например, Patrick W. Corrigan et al., «Challenging the Public Stigma of Mental Illness: A Meta-Analysis of Outcome Studies», *Psychiatric Services* 63, no. 10 (2012): 963-973.

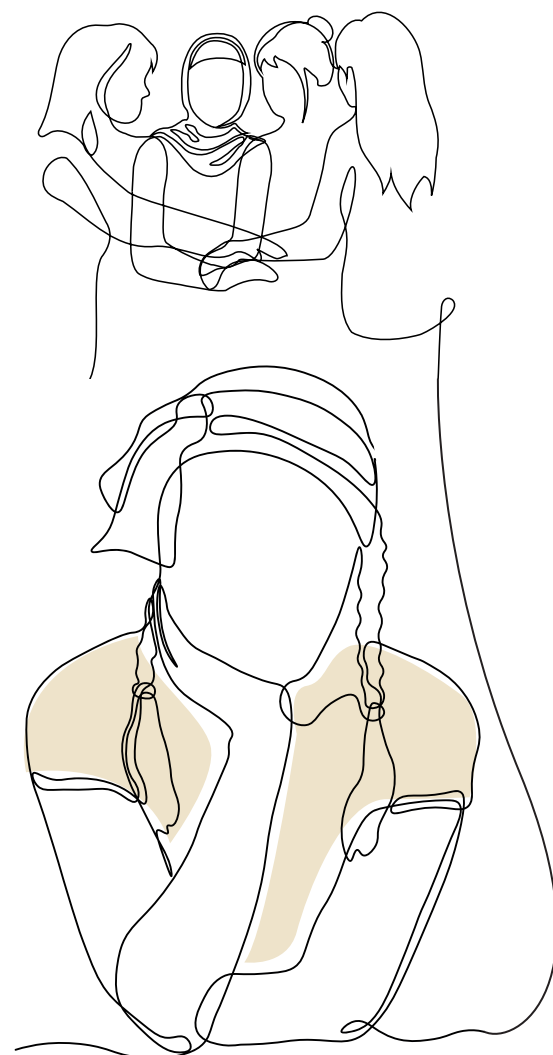
- 27 Joshua Ronald Gubler, Eran Halperin, and Gilad Hirschberger, «Humanizing the Outgroup in Contexts of Protracted Intergroup Conflict,» *Journal of Experimental Political Science* 2 (2015): 36-46.
- 28 См., например, Cameron Anderson and Decher Keltner, «The Role of Empathy in the Formation and Maintenance of Social Bonds,» *Behavioral and Brain Sciences* 25 (2002): 21–22; Walter G. Stephan and Krystina Finlay, «The Role of Empathy in Intergroup Relations,» *Journal of Social Issues* 55, no. 4 (1999): 729-743.
- 29 См., например, Brandon A. Kohrt et al., «Collaboration with People with Lived Experience of Mental Illness to Reduce Stigma and Improve Primary Care Services: A Pilot Cluster Clinical Trial,» *Journal of the American Medical Association Network Open* 4, no. 11 (опубликовано онлайн в 2021), www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8567115/.
- 30 Miriam Heijnders and Suzanne Van Der Meij, «The Fight against Stigma: An Overview of Stigma-Reduction Strategies and Interventions,» *Psychology, Health and Medicine* 11, no. 3 (2006): 360.
- 31 Graeme Blair et al., «Trusted Authorities Can Change Minds and Shift Norms during Conflict,» *PNAS* 118, no. 42 (2021): 1-6.
- 32 Elizabeth Levy Paluck, «Reducing Intergroup Prejudice and Conflict Using the Media: **A Field Experiment in Rwanda,**» *Journal of Personality and Social Psychology* 96, no. 3 (2009): 574-587.
- 33 Hollie Nyseth Brehm, «Identity, Rituals, and Narratives: Lessons from Reentry and Reintegration after Genocide in Rwanda,» Resolve Network Policy Note, ноябрь 2020, www.resolvenet.org/research/identity-rituals-and-narratives-lessons-reentry-and-reintegration-after-genocide-rwanda.
- 34 См., например, доклад о реакции афганцев на капитуляцию и проводимый правительством процесс размежевания и (ре)интеграции боевиков «Исламского государства» в Афганистане. Najim Rahim and Rod Nordland, «Are ISIS Fighters Prisoners or Honored Guests of the Afghan Government?» *New York Times*, **4 августа, 2018.**
- 35 Heijnders and Van Der Meij, «The Fight against Stigma,» 353–363. Обзор стратегий, направленных на уменьшение самоклеймения, см. в Dinesh Mittal et al., «Empirical Studies of Self-Stigma Reduction Strategies: A Critical Review of the Literature,» *Psychiatric Services* 63, no. 10 (2012): 974-981.
- 36 «Готовьтесь к долгому пути» — так звучал один из ключевых выводов отчета от 2021 года о прекращении участия в насильственном экстремизме и по (ре)интеграции, который повторяется и здесь. См. **Mary Beth Altier**, *Violent Extremist Disengagement and Reintegration: Lessons from over 30 Years of DDR* (Washington, DC: United States Institute of Peace, 2021).
- 37 Другие исследования, которые могут предложить полезные показатели и аспекты, см., например, в Mark J. D. Jordans et al., «Reintegration of Child Soldiers in Burundi: **A Tracer Study,**» *BMC Public Health* 12 (2012): 905; and Theresa S. Betancourt et al., «Past Horrors, Present Struggles: **The Role of Stigma in the Association between War Experiences and Psychosocial Adjustment among Former Child Soldiers in Sierra Leone,**» *Social Science and Medicine* 70, no. 1 (2010): 17-26.
- 38 Nyseth Brehm, «Identity, Rituals, and Narratives.»
- 39 McMullin, «Hustling, Cycling, Peacebuilding.»
- 40 International Civil Society Action Network (ICAN), *Invisible Women: Gendered Dimensions of Return, Rehabilitation and Reintegration from Violent Extremism*, ICAN and United Nations Development Programme, 2019, 68–71, <https://icanpeacework.org/wp-content/uploads/2019/02/ICAN-UNDP-Rehabilitation-Reintegration-Invisible-Women-Report-2019.pdf>; Peace Insight, «PAIMAN Alumni Trust,» декабрь 2019, www.peaceinsight.org/en/organisations/paiman-alumni-trust-paiman/?location=pakistan&theme.
- 41 Ellen Policinski and Sai Sathyanarayanan Venkatesh, «Interview with Mira Kusumarini: Executive Director of the Coalition of Civil Society Against Violent Extremism (C-SAVE),» *International Review of the Red Cross* 101, no. 911 (август 2019): 441.

МОДУЛЬ 4

СОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Подобно многим другим таджикским женщинам, Джамолби и Зарина последовали за своими мужьями в Сирию, чтобы присоединиться к Исламскому государству (ИГИЛ). Зарина гораздо больше, чем Джамолби была осведомлена об идеалах и ценностях «халифата». Джамолби не читала новостей. Она вела скромную жизнь, в основном заботясь о двух своих маленьких детях, навещая мать и сестру, и содержала свой дом в соответствии со все более жесткими стандартами своего мужа. Для Джамолби Сирия стала шоком. Даже та ограниченная свобода передвижений, которая была у нее в Таджикистане, быстро сократилась. Зарина, несмотря на то что изначально рьяно поддерживала ИГИЛ, также была удивлена буквально в первые дни. Ее ожидания совершенно отличались от увиденного, однако и она, и Джамолби подчинились, поскольку их мужья присоединились к специальной бригаде, состоящей в основном из мужчин-выходцев из Средней Азии. Через несколько месяцев их мужья оба погибли, а женщин заставили выйти замуж за других мужчин.

Покинуть Халифат было невозможно. Маршрут был бы сложным с точки зрения логистики и ни одна из женщин не говорила по-арабски достаточно бегло, чтобы ориентироваться на контрольно-пропускных пунктах, которые им пришлось бы пройти. Кроме того, хотя обе женщины едва ли были довольны своей жизнью в ИГИЛ, у них оставалось прежнее чувство долга, тоска по той идее, ради которой бывшие мужья таскали их по всему миру. Однако со временем чувство долга увяло. После того как ИГИЛ был вытеснен из разбомбленной Ракки, их перевели в грязный лагерь Аль-Холь для беженцев, где насилие, плохое обращение и нужда были обычным делом. При первой же возможности Джамолби и Зарина уцепились за предложение репатриации обратно в Таджикистан. Последствия, с которыми они могли столкнуться по возвращении на родину, казались более радостной перспективой бесконечным страданиям в лагере.

*Теперь Джамолби и Зарина вернулись в свои родные сообщества. Взаимодействия с кем-то, помимо семьи, ограничены. Как Джамолби, так и Зарина, сейчас разделенные двумя сотнями километров, боятся реакций других людей. Ни одну из них не приговорили к тюремному заключению. Вместо этого их регулярно контролируют и проводят встречи с социальными работниками. Они хотят забыть насилие, перенесенные изнасилования в браке, нужду. Они хотят обернуть время вспять. Неспособные сделать это, Зарина и Джамолби надеются хотя бы на чувство принадлежности в месте, которое когда-то было их домом.**

ВЫВОДЫ

Люди участвуют в насильственных действиях экстремистов по несметному количеству причин, и влияние групп по интересам или сверстников часто упоминается в качестве важного фактора, воздействующего на мобилизацию в насильственные действия экстремистов. На участие в насильственных действиях экстремистов оказывают сильное влияние социальные связи будь то защита индивида от предполагаемых угроз ее социальному статусу, или поиск места рядом с теми, кто разделяет его систему ценностей. Установки, нормы и поведение группы сверстников оказывают существенное влияние на поддержку, мобилизацию и прекращение участия в насильственных действиях экстремистов. Ограниченное разнообразие социальных связей снижает общественное воздействие других кругов общения и усиливает ощущение отсутствия альтернативных норм или социальной идентичности.

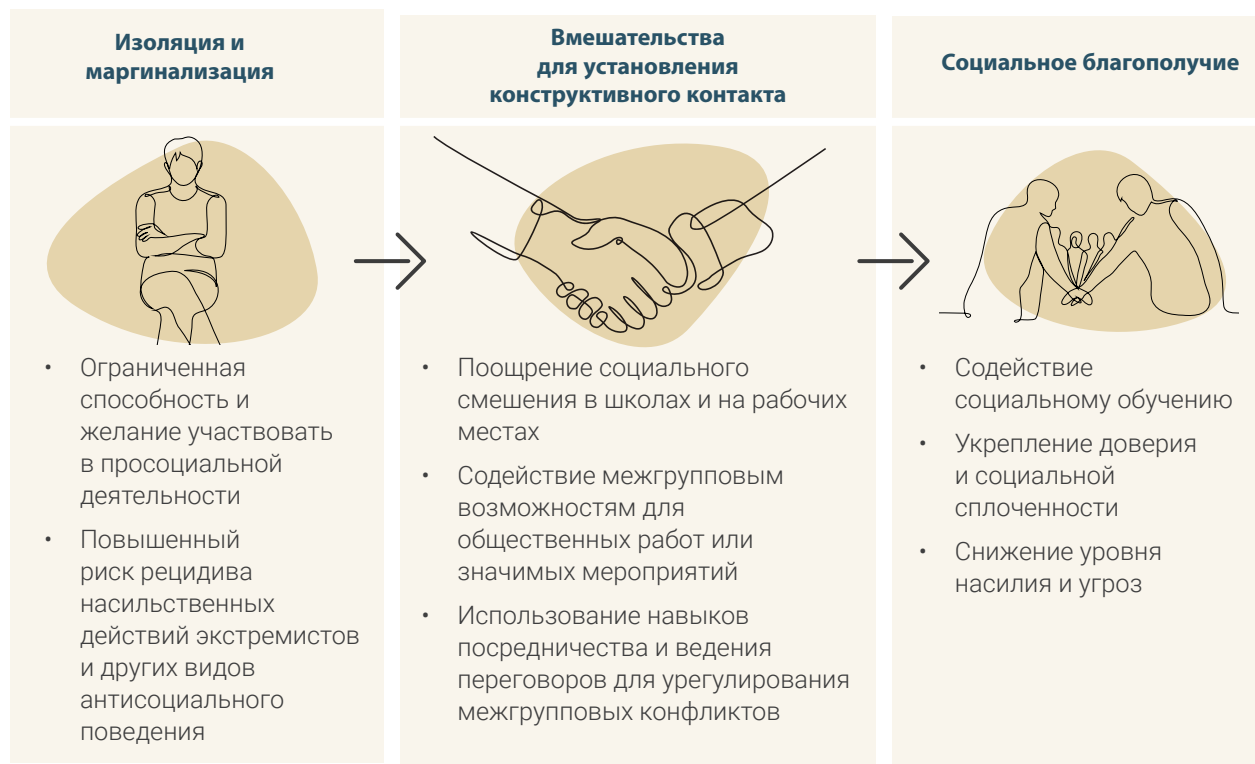
Людям, (ре)интегрирующимся после прекращения участия в насильственных действиях экстремистов, которых могли внезапно отрезать от их прошлых экстремистских сетей, может быть трудно формировать взаимоотношения из-за сочетания травмы, беспокойства, исключаящего взаимоотношения, оставшегося с периода их участия в насилии, а также недоверия или враждебности со стороны других членов сообщества. Попытки (ре)интегрироваться в среду, где существуют такие барьеры для значимого социального взаимодействия, могут породить или возродить чувство изоляции или отсутствия принадлежности, возводя барьеры на пути к развитию социальных связей и полностью ставя под угрозу успех усилий по (ре)интеграции.

Сообществам, принимающим (ре)интегрирующихся людей, следует спланировать способ оказания помощи социальным взаимодействиям между (ре)интегрирующимися и другими членами сообщества так, чтобы устранить и предотвратить маргинализацию и предубеждения и способствовать разнообразию социальных связей, увеличению социального капитала и, в конечном итоге, сплоченности. В этом модуле исследуется ряд способов поощрить значимые социальные взаимодействия посредством межгрупповых контактов и снижения барьеров на пути к участию в общественной жизни.

На рисунке 4.1 показано, как конструктивное установление контактов и вмешательство, направленные на социальное смешение и содействующие социальным взаимодействиям, могут за счет увеличения разнообразия социальных сетей способствовать социальному благополучию, бросая вызов стереотипам, распространяемым группами воинствующих экстремистов и продвигая альтернативные точки зрения, установки, убеждения и нормы.

* Авторы выражают благодарность тематическому консультанту данного модуля: Нафис Хамид, Доктор наук, старший научный сотрудник, International Centre for Study of Radicalisation, King's College London, и Сальма Муса, Доктор наук, доцент политологии, University of California, Лос-Анджелес.

Рисунок 4.1. Социальная интеграция и RISE: Теория изменения

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Теория межгруппового контакта

придерживается мнения, что плодотворный контакт — положительный и кооперированный контакт, при котором участники разделяют равный статус власти с людьми из социальных аутгрупп, — может уменьшить предубеждения и укрепить сплоченность общества.

Просоциальное поведение является положительным, инклюзивным и должно содействовать общественному признанию или способствовать построению отношений и социальных связей.

Вовлеченность в интересах общества включает в себя последовательные, положительные, инклюзивные взаимодействия между (ре)интегрирующимися людьми и членами и структурами местного сообщества.

Социальный капитал — это запас материальных и нематериальных ресурсов в социальной единице, в том числе социальное окружение, нормы и институты, которые способствуют сотрудничеству, принадлежности, связи и идентичности, а также обеспечивают эффективное функционирование общества.

Социальная сплоченность — это ощущение общей цели, идентичности и доверия между членами группы или жителями местности и готовность этих членов или жителей сотрудничать друг с другом для достижения общего блага.

Социальная интеграция означает чувство принадлежности к принимающему сообществу, что включает в себя поддержание значимых отношений с другими и взаимное признание со стороны других групп в принимающем сообществе, чему часто способствует устранение барьеров, ограничивающих полноценное участие в социальных системах.

Разнообразие системы социальных взаимодействий означает уровень этнического, религиозного, партийного, конфессионального и социально-экономического разнообразия во взаимодействиях и взаимоотношениях человека. Его можно дополнительно классифицировать на основании сильных связей (семья и друзья) и слабых связей (знакомые). Исследования показали, что разнообразие слабых связей особенно важно для создания социального капитала.

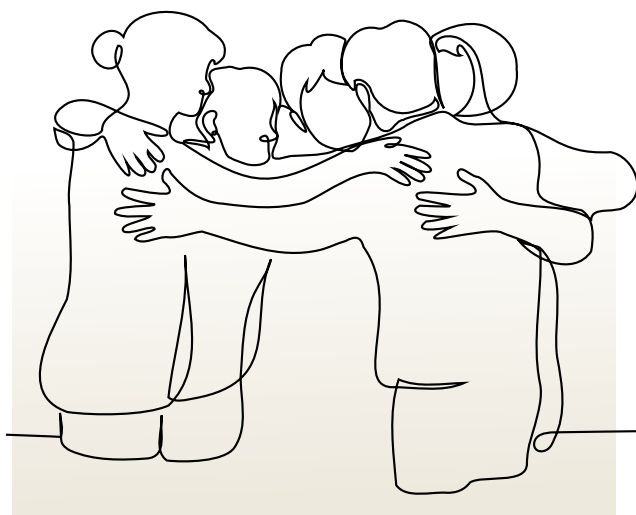
ЗАЧЕМ ОБРАЩАТЬСЯ К СОЦИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ?

(Ре)интегрирующимся людям необходимо развивать чувство взаимного принятия и принадлежности к сообществу. Такое чувство характеризуется участием в социальных и общественных системах. Участие в общественных системах отчасти отражает политическую динамику, но на него также влияют отношения внутри сообщества, а именно отношение к тому, кого принимают, кого ценят и кого приветствуют. Принятие и принадлежность могут повлиять на мобилизацию в насилие, а также на реабилитацию и (ре)интеграцию людей, которые отказались от участия в насильственных действиях экстремистов.

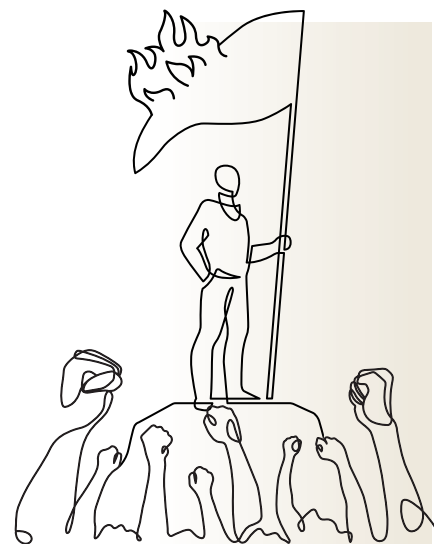
Поощрение поддерживающих и разнообразных отношений, а также полного социального участия всеми членами всех групп должно иметь основополагающее значение как для предотвращения мобилизации в насилие, так и для усилий RISE. Содействие социальной интеграции (ре)интегрирующихся людей в затронутые сообщества может увеличить социальный капитал и социальную сплоченность, которые равно способствуют устойчивости общества (как уже обсуждалось в модуле 6 «Выстраивание устойчивости сообщества к негативным внешним воздействиям»).

Связь с насильственными действиями экстремистов

Все люди испытывают потребность в принадлежности, хотя и отличаются по степени выраженности влияния такой потребности на познание и поведение. Социальная идентичность, принадлежность и изоляция могут играть существенную роль в радикализации и мобилизации в насилие. Обширная литература по данному вопросу определяет многие аспекты взаимосвязи между насильственными действиями экстремистов и социальной интеграцией и принадлежностью, и три из них заслуживают особого внимания в контексте RISE.

Во-первых, *насильственные действия экстремистов по большому счету являются формой коллективных действий*, даже если само по себе насилие антисоциально. Насильственные действия экстремистов возникают из-за обязательств перед группой, а насилие часто совершается во имя идеалов или ее ценностей или для защиты от предполагаемой угрозы статусу или существованию группы.¹ Потребность и желание принадлежности побуждают людей идентифицировать себя с группами или интегрироваться в них, и часть этого процесса включает принятие групповых убеждений и норм. Иногда люди могут принимать убеждения и нормы групп, в которых они родились, из-за унаследованных маркеров идентичности (таких как этническая принадлежность или религия). В других случаях люди могут охотно присоединяться к группам, которые затем влияют на их восприятие, нормы и убеждения. Даже у тех людей, которые изначально могут не одобрять насилие, процессы групповой социализации могут поощрять принятие агрессивного поведения и убеждений, когда они представляют собой нормы группы. Идеи и поведение воинствующего экстремиста встроены в общество и обычно определяют членство в группе. Даже когда люди мобилизуются для участия в насильственных действиях экстремистов по причинам, не связанным с идеологией или убеждениями, например из-за социального недовольства или материальной заинтересованности, они могут социализироваться и принять такие убеждения и поведение, чтобы ощущать себя более уверенно интегрированными в группу.

Во-вторых, точно так же, как социальная принадлежность может влиять на убеждения, нормы и поведение, так и *социальная изоляция может оказывать сильное влияние на наше познание и поведение*, в том числе на крайне агрессивное поведение. Чем больше люди чувствуют себя исключенными из групп, к которым они должны принадлежать, — своей семьи, своего ближайшего окружения или общества в целом, — тем больше они могут вкладывать в другую группу, которая приветствует их и выражает антагонизм по отношению к более широким социальным группам, исключаящим их. Когда основные группы отталкивают от себя определенных людей, маргинальные группы, в том числе группы воинствующих экстремистов, могут показаться интересными. Потребность людей в принадлежности может даже усиливаться перед лицом изоляции. Различного рода исследования предполагают, что путем достижения чувства личной значимости или самоуважения участие в маргинальных или экстремистских группах может быть отчасти реакцией на изоляцию, унижение или чувство незначительности.² Кроме того, исследования обнаруживают, что социальная исключенность из аутгрупп повышает лояльность к ингруппе и делает более заметными «священные ценности», в отношении которых люди не хотят идти на компромисс и за которые готовы бороться и умирать.³

В-третьих, *насильственные действия экстремистов являются антисоциальным поведением, которое уменьшает межгрупповые контакты*, тем самым сокращая разнообразие социальных связей, которые могут защитить от идеологической поляризации или радикализации. Конфликты, особенно основанные на идентичности, возводят барьеры для межгруппового контакта. Недоверие, гнев и страх препятствуют сотрудничеству и смешению между конфликтующими группами, сужая возможность взаимодействия с альтернативными взглядами, способами самоидентификации или нормами. Сокращение разнообразия связей может усилить риск циклического насилия и конфликтов, углубляя социальные различия между группами.

Связь с RISE

Субъективно воспринимаемое отсутствие социальной принадлежности может стимулировать влечение и участие в насильственных действиях экстремистов, особенно когда люди чувствуют себя исключенными или ущемленными. В то же время отсутствие принадлежности, ограниченное взаимное признание и стесненное участие в жизни общества значительно усложняют способность людей прекратить участие в насилии и (ре)интегрироваться в общество. Таким образом, продвижение социальной интеграции и принадлежности является существенным элементом RISE.

По вполне понятным причинам, более широкое сообщество часто боится и отвергает тех, кто участвует в насильственных действиях экстремистов или поддерживает насилие, совершаемое группами воинствующих экстремистов. Как показывает пример Зарины и Джамолби во вступительном рассказе, неразрешенная обида и страх могут ограничить возможность конструктивного контакта между (ре)интегрирующимися людьми и принимающими их сообществами. И чем больше сообщество исключает (ре)интегрирующихся людей или применяет социальные санкции против них, тем выше барьер, мешающий этим людям и их семьям примириться с сообществом. (Обсуждение того, как привлечь людей к ответственности, одновременно предлагая пути для искупления и примирения, см. в модуле 5 «Содействие справедливости»).

Формирование чувства принадлежности может способствовать взаимной ответственности, а также повышению интереса и готовности участвовать в социальной и политической жизни сообщества. Учитывая, что эти (ре)интегрирующиеся первоначально могли потянуться к насильственным действиям экстремистов в поисках социальной принадлежности и могут по-прежнему чувствовать себя исключенными из своих родных сообществ, формирование чувства принадлежности может занять время, а усилия, направленные на достижение этой цели, должны быть тщательно и осознанно интегрированы в программы RISE.

Другой целью RISE, для достижения которой, по всей видимости, потребуется значительное время, является *преодоление отсутствия взаимного признания*. Сообщества могут все также испытывать обиду, страх и гнев по отношению к лицам, участвовавшим в насильственных действиях экстремистов, а (ре)интегрирующиеся — по-прежнему придерживаться убеждений, которые ограничивают их принятие определенных сегментов и отдельных людей сообщества. Достижение взаимного признания может быть чрезвычайно трудным в

«Отсутствие принадлежности, ограниченное взаимное признание и стесненное участие в жизни общества значительно усложняют способность людей прекратить участие в насилии и (ре)интегрироваться в общество».

условиях высокого уровня социального отторжения (как уже обсуждалось в модуле 3 «Уменьшение социального отторжения»).

Обеспечение возможности полноценного участия в общественной жизни является отличительной особенностью социальной принадлежности и может оказать сильное влияние на успех усилий RISE. (Ре)интегрирующимся людям нужно предоставить безопасные способы участия в общественной жизни. Проблемы безопасности, социальное отторжение или страх могут побудить местных чиновников, общественных и государственных деятелей ограничить (ре)интегрирующимся доступ к услугам или участие. Однако такие действия могут возродить ощущение изоляции и дискриминации, усугубляя те условия, которые изначально могли привести к мобилизации на насилие.

Как показано на рисунке 4.2, конструктивные взаимодействия с другими членами сообщества, взаимное признание, а также полноценное участие в общественной жизни и социальных институтах являются столпами социальной принадлежности. А социальная принадлежность является ключевым компонентом создания коллективного чувства моральной ответственности, общей идентичности и социальной сплоченности, что имеет крайне важное значение для успешной (ре)интеграции тех, кто прекратил участие в насильственных действиях экстремистов. Укрепление социальной сплоченности в семьях, сообществах и обществе в целом может помочь справиться с маргинализацией, с которой сталкиваются многие люди, снизив барьер для их включения в более широкие социальные группы. Такая сплоченность также может затруднить организациям воинствующих экстремистов возможность манипулирования недовольством между группами в будущем.

Рисунок 4.2. Три столпа социальной принадлежности

КАК СОДЕЙСТВОВАТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Определенные элементы социальной принадлежности, в особенности участие в социальной, экономической и политической жизни, в определенной степени зависят от политики, проводимой национальными или региональными правительствами. Например, в некоторых случаях (ре)интегрирующиеся могут не обладать всеми правами и привилегиями, которыми пользуются другие граждане, особенно если в отношении них были предприняты уголовно-процессуальные действия или в случае маргинализации более широких групп идентичности, к которым принадлежат эти люди. В каждой стране будут свои подходы к правосудию и примирению (некоторые из них рассматриваются в модуле 5). Аналогично сегрегация населения по месту жительства может создавать структурные барьеры для социального смешения и разнообразия социальных связей, препятствуя развитию сквозных социальных взаимоотношений и чувства широкой принадлежности.

Однако, другие элементы социальной принадлежности не так зависимы от государственной политики. Эти элементы можно продвигать посредством структурированных мероприятий, которые сближают (ре)интегрирующихся с членами принимающего сообщества. Организации, участвующие в мероприятиях RISE, могут способствовать социальной интеграции: поощряя здоровые социальные связи между группами в сообществе и посредством программ социальных контактов и смешения старательно снижая барьеры на пути к взаимному принятию. В целом работа по укреплению межгрупповых и социальных контактов направлена на увеличение разнообразия социальных связей и социальной сплоченности.

Аспекты планирования и разработки

Социальная принадлежность легче достигается, когда у людей есть разнообразные социальные связи. Изоляция, конфликт и экстремизм ограничивают разнообразие социальных связей, а отсутствие такого разнообразия или взаимодействия между группами идентичностями в сообществе, особенно там, где (ре)интегрирующиеся люди принадлежат к маргинализованной группе идентичности, может уменьшить социальный капитал. Сформировать взаимное признание между членами разных групп в контексте RISE намного труднее, поскольку страх, недоверие и враждебность между членами сообщества и (ре)интегрирующимися лицами может усиливаться существующей напряженностью и разногласиями между социальными группами. Поэтому программы RISE должны уделять особое внимание взаимоотношениям, выходящим за рамки напряженности или подозрительности. Разнообразие социальных связей обозначает регулярные значимые контакты с людьми, принадлежащими к разным группам идентичности. Такое разнообразие может способствовать поведенческому здоровью, усиливать чувство принадлежности к более широкому сообществу и расширять участие в жизни сообщества. Разнообразие социальных связей также может сдерживать принятие агрессивных взглядов другими в группе сверстников человека.⁴ (Ре)интегрирующиеся люди часто теряют все значимые контакты с другими группами за пределами своей группы воинствующих экстремистов, а это может включать в себя уменьшение контактов с их семьями, местными сообществами и обществом в целом. Для (ре)интеграции требуется не тот подход, который просто заменяет одну группу идентичности другой, потому что это может повысить уязвимость в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, для устойчивой социальной принадлежности требуется взаимодействие с множеством групп в местных сообществах.

Формирование разнообразия социальных связей требует устойчивого, значимого просоциального контакта с членами других групп идентичности. Теория социальных контактов утверждает, что значимые взаимодействия между группами людей могут иметь положительное влияние на восприятие людей, входящих в эти группы, уменьшая предрассудки, а также укрепляя сочувствие и доверие между членами

группы большинства и меньшинства.⁵ Хотя приоритетом исследования межгрупповых контактов преимущественно являлось уменьшение предубеждений, похоже, что межгрупповые контакты также могут уменьшить восприятие угроз, исходящих от Оаутгрупп.⁶

Несмотря на то что конструктивные межгрупповые контакты могут оказать положительное влияние на разнообразие социальных связей и социальную принадлежность, для наиболее сильного влияния требуется поддержание таких контактов в течение долгого времени и их продолжение после завершения программы.⁷ Программы, которые эффективно используют существующие социальные ресурсы и институты для развития межгрупповых контактов, могут выстроить устойчивость и сохранить прирост социального капитала после завершения программы.

Исследователи в области общественных наук все еще изучают, как межгрупповые контакты меняют фактически модели поведения, а не только отношение или предубеждения. Однако в некоторых исследованиях отмечается, что изменение восприятия людьми поддержки их сверстниками определенных моделей поведения может с течением времени вылиться в изменение моделей поведения и идеологии этих людей, поскольку их убеждения и установки меняются с тем, чтобы соответствовать убеждениям и установкам их сверстников.⁸

Убедитесь в том, что межгрупповые контакты являются плодотворными и позитивными

Воздействие других групп, которое происходит без содержательного общения, может усилить предубеждение или даже повысить вероятность насилия. Межгрупповое смещение людей, находящихся в конфликте, является более сложной задачей, и в некоторых ситуациях может усилить конфликт или оказать небольшое влияние на более широкое сообщество. Для положительного взаимодействия существуют четыре условия:

- Все в группе сохраняют примерно одинаковый статус власти в этой деятельности.
- Смешанная группа работает для достижения общей цели.
- Члены смешанной группы сотрудничают друг с другом (а не конкурируют).
- Контакт одобрен властями сообщества, влиятельными лицами и социальными нормами (благодаря чему участие в контакте не приведет к социальному отторжению).⁹

Не навреди

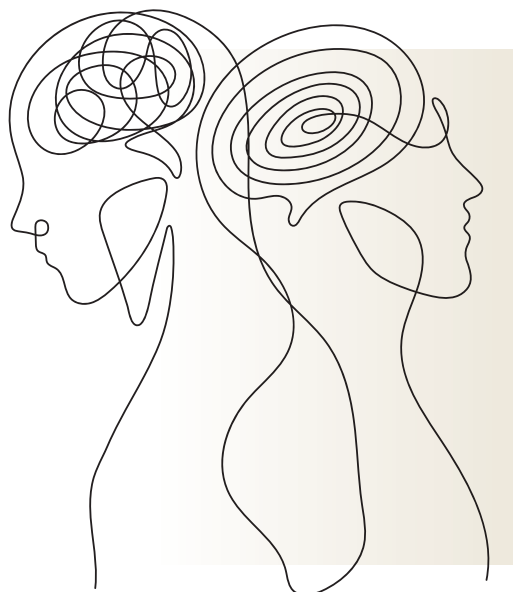

В условиях, где целевые группы конфликтуют или наполнены гневом, контактные программы, неспособные тщательно продумать отдельных участников и общий состав группы, рискуют нестабильностью и дальнейшим насилием из-за разжигания напряженности. Даже в среде, не затронутой насильственным конфликтом, недопонимание может перерасти в агрессию или насилие. Программы должны тщательно отбирать участников, чтобы снизить вероятность нарастания препирательств, а сотрудники программы должны быть обучены оказанию содействия и медиации, а также ознакомлены с потенциальным предметом разногласий.

Более того, компетентное оказание содействия важно для того, чтобы контакт воспринимался как положительный. Если контакт переживается или воспринимается как негативный, прямое контактное вмешательство может вылиться в дальнейшее социальное отторжение участников, снижению доверия к властям и усилению отрыва от местных сообществ.

Содействие долгосрочному изменению поведения

Исследователи изучают влияние изменения поведения в результате проектов межгрупповых контактов не только на непосредственных участников в краткосрочной перспективе, но и на более широкие социальные нормы в течение более длительного периода. Для эффективного продвижения социальной принадлежности (ре)интегрирующихся людей, межгрупповые контакты должны быть масштабируемыми и устойчивыми. Некоторые исследования на тему того, как вожди племен в Ираке обращались с (ре)интегрирующимися людьми, подозреваемыми в сотрудничестве с ИГИЛ, дают основание предполагать, что социальное смешение может затрагивать не только непосредственных участников, но и более широкое сообщество.¹⁰ Чем шире распространены межгрупповые контакты, тем больше вероятность уменьшения предрассудков между группами.¹¹

Обдумайте поощрение межгрупповых контактов даже во время насильственного конфликта

Большая часть исследований межгрупповых контактов проводится в условиях, где нет высокого уровня межгрупповых конфликтов или насилия, а предубеждение может быть особенно трудно изменить среди взрослых, подвергшихся насилию. Однако некоторые исследования предполагают, что даже в условиях затяжного конфликта вмешательство, вызывающее сочувствие к человеку, принадлежащему к враждебной группе, могут привести к положительным изменениям в восприятии всей группы.¹²

Сочетайте инициативы на уровне сообщества и инициативы институтов

Мирные процессы и соглашения о разделении власти могут способствовать социальной интеграции на национальном уровне. Институциональная политика, в том числе десегрегация школ, всесторонняя обеспеченность жильем и инициативы по созданию рабочих мест, может оказать существенное влияние на достижение масштабных поведенческих изменений, необходимых для поддержки (ре)интеграции. Инициативы на уровне сообщества могут с помощью глубоких и облегченных контактов поддерживать эти более широкие инициативы, чтобы гарантировать положительное восприятие итогового взаимодействия. В Иордании организация Мерсу Corps обнаружила, что сочетание «аппаратных средств» (инфраструктура) и «программного обеспечения» (беседы, разрешение споров) помогает повысить социальную сплоченность между беженцами и принимающими их сообществами.¹³ Без существенных инвестиций в государственные учреждения, такие как школы, жилье и рабочие места, в программах социального смешения принимает участие малое количество людей, а побочные результаты для остальной части сообщества кажутся ограниченными, не достигая критического масштаба воздействия.

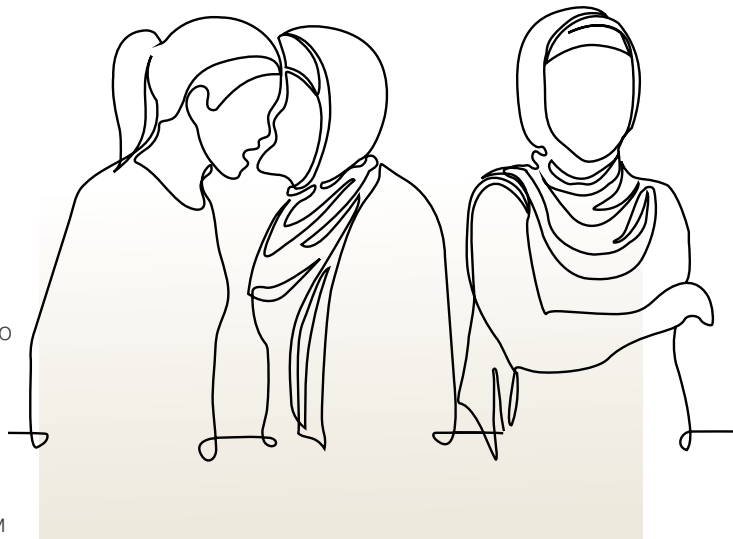
Прогнозируйте и устраняйте препятствия для деятельности по межгрупповому смешению

Любая деятельность по межгрупповому культурному смешению сталкивается с множеством проблем. Разработка просоциальных мероприятий для людей, (ре)интегрирующихся после участия в насильственных действиях экстремистов, может столкнуться с некоторыми из этих проблем:

- *Индивидуальные барьеры* могут включать в себя проблемы с поведенческим здоровьем, травмы, самоклеймение и финансовые затруднения. Модули в части I этого руководства к действию предлагают рекомендации по снижению индивидуальных барьеров на пути к социальной интеграции. В контексте финансовых проблем может быть важно предлагать бесплатные или доступные мероприятия.
- К *культурным барьерам* могут относиться социальные нормы, такие как разделение мужчин и женщин или гендерные ожидания, которые могут затруднить игры или занятия спортом. Оценки сообщества могут помочь с выявлением потенциальных культурных барьеров. (Подробнее о видах участия сообщества, которые могут помочь в оценке потребностей в конкретных местах, см. во введении).
- *Географические и языковые барьеры* могут возникнуть, если группы воинствующих экстремистов принадлежат к группам национальных меньшинств, которые уже живут в местах, обособленных от других групп. Хотя внутригрупповое социальное смешение может улучшить разнообразие социальных сетей и местных отношений, оно может не иметь влияния на динамику изоляции и предубеждения общества в целом. Если группы проживают в разных регионах страны, может возникнуть необходимость в разработке более творческих программ межгрупповых контактов. Начинают изучаться усилия по цифровому миростроительству с использованием виртуальных и воображаемых контактов.
- К *барьерам структурного неравенства* относится образование, обеспечение жильем и транспорт, разделенные по экономическим и социальным признакам. Как и в случае с географическими барьерами, для преодоления этих препятствий может потребоваться творческое планирование.

«Хотя внутригрупповое социальное смешение может улучшить разнообразие социальных сетей и местных отношений, оно может не иметь влияния на динамику изоляции и предубеждения общества в целом».

- *Опасения по поводу социального смешения* могут уходить корнями в стигматизирующие рассказы, которые содействуют сохранению социальных разногласий, дегуманизируя других или изображая их неискренними в своем желании прекратить участие в насилии и внести позитивный вклад, или же аморальными по своей сути, или склонными к насилию. Такое беспокойство повышает вероятность того, что взаимодействие станет негативным, что сведет на нет полезность мероприятий по налаживанию межгрупповых контактов. С межгрупповыми опасениями можно справиться, сначала содействуя проведению отдельных встреч каждой группы, на которых они могут обсудить свои страхи и предубеждения в отношении другой группы или групп. Упрощенный механизм коммуникации позволит каждой группе задавать вопросы о другой стороне и слушать ответы, прежде чем соглашаться на участие в социальном смешении. Это может помочь укрепить доверие и устранить обоснованные опасения. Кроме того, приглашение представителей СМИ и журналистов на специальный запуск программы, чтобы убедиться в том, что они понимают ее преимущества, может помочь заручиться положительной общественной поддержкой этой деятельности. (Подробнее о механизмах снижения барьеров см. в модуле 5 «Содействие справедливости и примирению»).

- *У лидеров сообщества, других членов сообщества и (ре)интегрирующихся людей могут быть глубокие, бессознательные предубеждения или предрассудки* в отношении других групп. Такие негативные установки мешают лидерам сообществ моделировать просоциальное поведение в рамках усилий по содействию социальному смешению. Чтобы ограничить влияние этих предубеждений, организаторы мероприятий по социальному смешению могут сначала сами пройти обучение и подготовку для выявления и устранения бессознательных предубеждений. Затем организаторы могут привлечь внимание к расизму и предубеждениям, проявленным во время социального смешения или после него. Еще один способ смягчения предубеждений заключается во внедрении каналов разрешения конфликтов и обратной связи, в частности, механизмов подачи жалоб по телефону или в текстовом сообщении, с тем, чтобы участники могли определять ситуации, в которых они чувствуют себя некомфортно.
- *Барьеры для потенциала сообщества* могут существовать при отсутствии подготовленных местных жителей, которые могли бы выступать в качестве организаторов, или если местные организаторы демонстрируют сильные предубеждения. Неисключено, что программу потребуется начать с обучения заинтересованных сторон из местного сообщества организационным навыкам и демонстрации своего стремления к обеспечению инклюзивной организационной культуры, моделирующей просоциальное поведение.
- *Отсутствие организационной поддержки* может стать препятствием на пути к разработке проектов или помощи в достижении ими значимого уровня воздействия. Этот барьер можно снизить, консультируясь с лидерами и с самого начала проекта привлекая их к обсуждению его предполагаемых преимуществ и воздействия на сообщество, а также на их репутацию как лидеров. Таким образом, деятельность по социальному смешению может быть связана с более широкими организационными стратегиями, направленными на улучшение жизни сообщества.

Последовательность и структура мероприятий, направленных на развитие чувства социальной принадлежности

Чтобы построить доверие и здоровую взаимосвязь, мероприятия, направленные на развитие чувства социальной принадлежности, должны разрабатываться с пониманием важности их структуры и последовательности. Конкретные аспекты включают в себя следующее:

- *Предложение целенаправленных действий*, которые в рамках местных сообществ включают в себя работу по решению общих проблем, таких как изменение климата или употребление вредных веществ. Сначала программы должны выявить потребности и проблемы, которые являются общими для (ре)интегрирующихся людей и затронутых сообществ, а затем донести до сознания каждой группы почему они должны работать вместе ради достижения общих целей, прежде чем объединять их.
- *Определение последовательности событий* для построения доверия. Начните с игр или мероприятий «встреча-знакомство», чтобы помочь людям выявить общие интересы и способы самоидентификации (например, быть родителями, вдовами, любителями кино или спортивными болельщиками). На следующем этапе переходите к обсуждению отличий или противоречий.
- *Требование межгруппового сотрудничества* с помощью смешанного рассаживания (с продуманными стимулами, побуждающими людей общаться или взаимодействовать) на мероприятиях или смешанных команд в спорте, или играх вместо того, чтобы выставлять (ре)интегрирующихся людей против других членов сообщества.
- *Создание реальных возможностей* внести свой вклад в более широкое сообщество посредством волонтерства или участия в групповых обсуждениях вопросов, представляющих общий интерес, таких как психическое здоровье или образование.
- *Обеспечение чувства равенства между людьми* и наделение их возможностью повысить осведомленность о существующем неравенстве или недовольстве в рамках смешанных групповых мероприятий.
- *Планирование для грамотной организации*, которая разрешает конфликты и устраняет напряженность внутри группы, в том числе любые проявления расизма, сексизма или других форм предрассудков, или притеснения, чтобы обеспечить уважение и участие для всех.

«[Предложение] действий, которые включают в себя работу по решению общих проблем . . . в рамках местных сообществ».

- *Разработка постоянных регулярных возможностей* для взаимодействия. Несмотря на то, что постоянное взаимодействие имеет решающее значение для создания эмпатии и, в конечном счете, для расширения представлений о нас, такое взаимодействие не должно способствовать установлению близких отношений: знакомства важны для расширения возможностей трудоустройства и создания других форм социального капитала.
- *Применение разнообразных стратегий*, поскольку опыт показывает, что межгрупповые контакты лучше всего снижают поддержку насилия тогда, когда присутствует сочетание образования, гражданской активности и экономических стимулов.¹⁴
- *Укрепление социального смещения посредством постоянной организационной поддержки и партнерства с лидерами сообщества.*

Вмешательства и мероприятия

Социальное смещение и межгрупповые контакты могут структурироваться институционально посредством предоставления жилья и образования, обучения и поддержки в области трудоустройства и получения средств к существованию, обучения проведению бесед и управлению конфликтами, а также различных программ гражданской активности, волонтерства на благо сообщества и групп по интересам.

Мероприятия «программного обеспечения»

В ходе различных вмешательств группы гражданского общества могут создавать возможности для значимых межгрупповых контактов и социального смещения. Мероприятия «программного обеспечения» способствуют социальному взаимодействию: как правило, они реализуются в местных сообществах группами гражданского общества и могут вооружить участников навыками урегулирования конфликтов, поощрять сочувствие к другим, а также бросить вызов стереотипам и нарративам, которые навешивают ярлыки на людей из других социальных групп.¹⁵

Гражданская активность и волонтерство на благо сообщества.

Волонтерство на благо сообщества может подчеркнуть общие цели и ценности. Оно может не только объединить (ре)интегрирующихся людей и членов сообщества из сквозных социальных групп в едином деле: ощущение работы для достижения общей цели может также поощрять конструктивное поведение, которое может продолжиться и в дальнейшем. Поддерживающая других членов сообщества волонтерская

Не навреди

Межгрупповые контакты могут не иметь смысла в некоторых условиях из-за рисков, связанных со сведением людей вместе. Программы межгруппового примирения и реинтеграции могут оказаться невозможными или неэтичными, по крайней мере, в ближайшей перспективе, поскольку риски причинения вреда, в том числе риск спровоцировать повторную травматизацию и повторение конфликта, перевешивают потенциальные выгоды.

Вмешательства, направленные на межгрупповые контакты, не должны рассматривать одну группу участников как основную цель вмешательства или использовать членов какой-либо группы в качестве инструментов с основной целью: бросить вызов исключаящим или пропагандирующим ненависть убеждениям других участников, чтобы помочь им отказаться от насилия. Вместо этого контактные вмешательства должны разрабатываться так, чтобы приносить равную пользу всем участникам, причем построение социальных связей является самоцелью.

деятельность, такая как группы взаимопомощи, также может вызвать сочувствие к людям из разных социальных слоев.

Группы по интересам и рекреационная деятельность.

Образовательные мероприятия, спортивные мероприятия, общественные арт-проекты, природоохранные мероприятия, такие как посадка деревьев, общественные программы по повышению осведомленности о психическом здоровье и показы кинофильмов с последующим обсуждением поднятых в них вопросов могут объединить людей вокруг общих интересов и построить отношения, преодолевающие социальные разногласия.

Творческое самовыражение и художественная деятельность могут оказывать положительное влияние на благополучие, повышая амбиции, уважение и удовлетворение результатами. Такие переживания могут обогатить групповой опыт и укрепить социальные связи в сообществе.

Торжественные мероприятия и собрания, включающие в себя культурные, которые предполагают взаимный социальный контакт, могут способствовать позитивным межгрупповым отношениям. Обмен культурными или религиозными обычаями, совместное празднование важных праздников, совместное приготовление пищи и традиционные игры в смешанных группах могут расширить знания участников о традициях и обычаях, одновременно предлагая возможность обнаружить сходства.¹⁶

Ритуалы. Ритуалы — это символические обрядовые действия, которые создают общую реальность для участников. В данном качестве они обладают способностью порождать солидарность. Они могут содействовать процессу изменения, помогая преобразовывать и изменять мировоззрение, способы самоидентификации и отношения людей. Ритуалы могут принимать самые разнообразные формы: могут быть формальными и неформальными, религиозными или светскими, основанными на традициях или спонтанными. Независимо от способов проявления, ритуалы проводят в уникальных пространствах, отделенных от обычной жизни, «где правила действия и интерпретации смысла отличаются от принятых в остальной жизни».¹⁷ Более того, они способствуют общению скорее с помощью символов, чувств и эмоций, а не языка слов, открывая людям возможность создания собственного смысла и ослабляя инстинкт защитного поведения. Поэтому ритуалы могут существенно трансформировать социальные отношения.

Не навреди

Вовлечение (ре)интегрирующихся людей и членов затронутых сообществ в прямую беседу, в которой открыто обсуждаются корни и опыт конфликта между ними, может повторно травмировать участников такой беседы, рискуя такими неблагоприятными последствиями, как усугубление проблем с поведенческим и психическим здоровьем и укрепление антипатии между вовлеченными группами. Однако в то же время многие люди в затронутых сообществах могут неохотно рассматривать возможность участия в мероприятиях, направленных на укрепление чувства социальной принадлежности вместе с (ре)интегрирующимися людьми, предварительно не убедившись в том, что эти люди искренни в своих примирительных намерениях и своем желании внести продуктивный и позитивный вклад в жизнь сообщества. Решения о времени и самой целесообразности беседы нужно основывать на глубоком понимании местных условий, также эти решения нужно принимать под руководством обученных организаторов, чтобы избежать риска повторной травмы или вспышки насилия. (Дальнейшие инструкции см. в модуле 5 «Содействие справедливости и примирению»).

Механизмы урегулирования конфликтов. Обучение и механизмы урегулирования конфликтов на уровне сообщества могут поощрять всестороннее участие сообщества, способствовать взаимодействию с другими социальными группами и давать людям возможность чувствовать себя вовлеченными в процесс принятия решений на уровне сообщества. Такими механизмами должны управлять местные лидеры, легитимные и заслуживающие доверия в глазах всех слоев общества.¹⁸

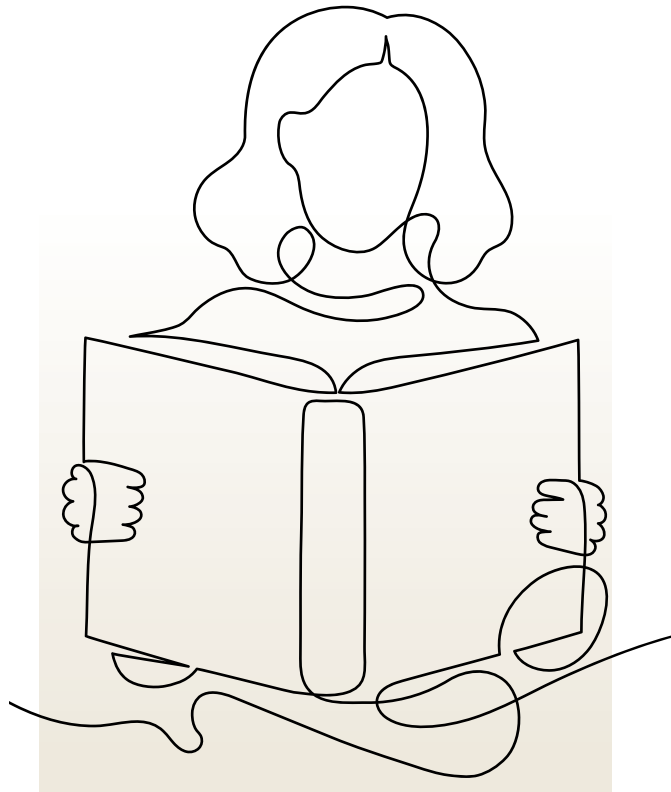
Проекты «аппаратных средств»

В то время как мероприятия «программного обеспечения» могут способствовать социальному смешению, их сочетание с проектами «аппаратных средств» может помочь в снижении межгрупповой напряженности и создать условия для поддержки просоциальной вовлеченности, а также укрепить искреннее чувство социальной принадлежности. Проекты «аппаратных средств» направлены путем улучшения инфраструктуры и укрепления общественных структур, которые преодолевают социальный разрыв посредством общего пользования, на уменьшение физических, структурных и институциональных ограничений для услуг, которые вызывают напряженность между социальными группами.¹⁹

(Ре)интегрирующиеся люди часто принадлежат к маргинализированным группам, и для обеспечения устойчивых связей между людьми, которые идентифицируют себя с этими группами, в том числе с (ре)интегрирующимися людьми, и другими группами в местных сообществах, важно снизить уровень этой маргинализации. Несмотря на то, что проекты «аппаратных средств» могут показаться слишком крупными по сравнению с относительно небольшим количеством (ре)интегрирующихся людей, такие проекты являются жизненно важными для обеспечения устойчивости просоциальной вовлеченности в долгосрочной перспективе.

Жилищный вопрос и школьная среда.

Правительства могут управлять качеством межгрупповых отношений с помощью различных институциональных политических мер, которые влияют на смешение групп в жилищных вопросах и в сфере образования. Исследования показывают четкую корреляцию между географической изоляцией и усилением предубеждений. Люди, проживающие в смешанных районах, более терпимы к соседям, принадлежащим к другим религиозным или этническим группам.²⁰ Местные органы власти должны обеспечить инклюзивность и доступность государственного жилья для различных социально-экономических и этнических групп, а в постановлениях о зонировании и государственном финансировании жилищных проектов должны использоваться одни и те же критерии. Районные организации и организации гражданского общества могут отстаивать инклюзивную жилищную политику, которая

способствует социальному смешению всего сообщества, в том числе (ре)интегрирующихся людей.

В школьной среде большее разнообразие связано не только с уменьшением межгрупповых предубеждений, но и с улучшением творческих способностей учащихся и навыков решения проблем, а также с более высоким средним экзаменационным баллом.²¹ Школы, учащиеся и персонал которых принадлежат к различным этническим, религиозным или другим группам, могут использовать смешанные классы и инклюзивные финансируемые школой программы по интересам или спортивные программы для уменьшения предрассудков и повторной социализации (ре)интегрирующихся детей. Школы с более однородным контингентом учащихся и персоналом могут рассмотреть программы «приятельского» наставничества и обмена со школами, которые в основном обслуживают другие группы. Запланированные и конструктивные позитивные контакты между учащимися из разных групп могут повлиять не только на (ре)интегрирующихся детей, но и на их семьи, когда учащиеся приносят домой и демонстрируют более инклюзивное отношение и поведение.

Трудоустройство и средства к существованию. Экономическая изоляция является одним из обсуждаемых в исследованиях фактором, связанным с движущими силами насильственных действий экстремистов. На сегодняшний день лишь немногие вмешательства были направлены на оказание экономической поддержки (ре)интегрирующимся людям. Однако соответствующие примеры и уроки могут предложить аналогичные программы для комбатантов, реинтегрирующихся после гражданской войны.

Программы разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР) обычно включают в себя экономические выгоды в той или иной форме, профессиональную подготовку или трудоустройство для поддержки бывших комбатантов, когда они возвращаются к гражданской жизни. Такие усилия направлены на то, чтобы предоставить им заинтересованность в мирной жизни и снизить вероятность их возвращения к насильственному поведению. Многие (ре)интегрирующиеся люди могут обнаружить для себя очень мало экономических возможностей, особенно потому, что доступу к занятости может препятствовать страх со стороны сообщества и социальное отторжение. Однако исследования показали, что безработица и экономические трудности сами по себе не могут объяснить участие в насильственных действиях экстремистов: более существенным фактором является отсутствие статуса в сообществах.²² Соответственно, такие компоненты программ RISE как занятость, средства к существованию и экономическая помощь, должны включать

«Запланированные и конструктивные позитивные контакты между учащимися из разных групп могут повлиять не только на (ре)интегрирующихся детей, но и на их семьи . . . [путем] демонстрации более инклюзивного отношения и поведения».

в себя усилия по созданию возможностей для социального смешения, а также знакомства с новыми идеями и групповой идентичностью. Достижению этих целей может способствовать поощрение разнообразия и справедливости на рабочих местах, обучение навыкам получения средств к существованию, облегчающими трудоустройство и занятость в секторах, которые не являются сегрегированными, а также целевая экономическая помощь, позволяющая участвовать в деятельности, идущей вразрез с социальными барьерами.

В соответствии с одним исследованием, проведенном в Бурунди, экономические программы, поддерживающие социальную реинтеграцию, повысили благожелательное отношение бывших комбатантов к более широким социальным группам и политическому порядку.²³ Преимущества такого подхода, по всей видимости, будут воспроизведены программами, предназначенными для (ре)интегрирующихся людей.

Программы трудоустройства, предоставления средств к существованию и экономической помощи могут разжигать недовольство сообщества, поскольку помощь, оказываемая (ре)интегрирующимся людям, может рассматриваться как вознаграждение этих людей за их агрессивное поведение или отвлечение ресурсов сообщества от других нужд. Такая помощь может быть более эффективной и принесет пользу всему сообществу, если предоставлять ее более широкой группе людей, а не исключительно (ре)интегрирующимся людям. В качестве альтернативы, программы трудоустройства, в рамках которых (ре)интегрирующиеся люди выполняют работу, направленную на непосредственное исправление ущерба и вреда, причиненного насильственными действиями экстремистов, могут частично успокоить это недовольство.²⁴

Гендерные аспекты

В некоторых странах социальные нормы запрещают женщинам участвовать в программах межгрупповых контактов без сопровождающих-мужчин. В других — женщины склонны полагаться на мужчин, и поэтому с меньшей долей вероятности вносят предложения или высказывают свое мнение в процессах принятия решений в сообществе. Программы должны идентифицировать местную динамику, которая может создавать барьеры для участия в них женщин. В то же время программы должны искать пути устранения неравенства в участии между женщинами и мужчинами, включая в себя консультации как с мужчинами, так и с женщинами, а также руководство проектами как мужчинами, так и женщинами.

Мониторинг и оценка

В каждом контексте, где имеет место вмешательство, программы должны работать с местными сообществами над определением соответствующих местных показателей, с помощью которых можно оценить готовность и способность взаимодействовать с (ре)интегрирующимися людьми и социальными группами, к которым они принадлежат. Оцененные до вмешательства, эти показатели могут служить отправной точкой для оценки эффективности вмешательства: путем измерения тех же показателей после вмешательства. Результаты могут использоваться для улучшения будущих программ.

Среди вопросов, которые следует учитывать и которые могут помочь местным партнерам в определении имеющих большое значение показателей, можно выделить следующие:

- Каковы местные показатели готовности местного сообщества к (ре)интеграции людей, а также готовности отдельных лиц к (ре)интеграции? Каков уровень терпимости местных сообществ к представителям других культурных, религиозных или идеологических групп? Посредством каких показателей, помимо самостоятельно отмеченного в ходе опросов отношения, можно измерять изменения в поведении людей, свидетельствующие об усилении социальной интеграции?
- Как эти участники оказались в вашей программе? Чем они отличаются от более широкой группы, из которой их выбрали? Изучение вопросов, которые могут указывать на величину систематической ошибки отбора, позволит руководителям программы установить соответствующие ограничения на обобщаемость ее результатов.
- Смешиваются ли на местных публичных мероприятиях люди разных групп и гендеров?
- Каково разнообразие социальных связей для (ре)интегрирующихся людей? С каким числом других культурных групп и групп принадлежности они связываются ежедневно или еженедельно?
- Самостоятельно ли члены местного сообщества разрабатывают новые формы или типы мирных инициатив?
- Меняется ли во время межгрупповых вмешательств отношение (ре)интегрирующихся людей в сторону большей поддержки правительства, демократии и культурного многообразия?
- Имеются ли признаки меньшей маргинализации групп меньшинств со стороны основного общества, СМИ или правительства?
- Есть ли признаки того, что люди демонстрируют устойчивость к потрясениям, провокациям или насилию?

ПРИМЕРЫ

Межгрупповая игра в футбол в Ираке после ИГИЛ

Исследование, проведенное Сальмой Мусой (Salma Mousa), доцентом Йельского университета (Yale University), которая изучает постконфликтную социальную сплоченность, включало в себя реализацию в Ираке программы, направленной на объединение иракских христиан и мусульман, переселенцев из ИГИЛ, для игры в футбольной лиге. По сравнению с контрольной группой — с участием футбольной команды, полностью состоящей из христиан, — смешанные команды показали улучшенное просоциальное межгрупповое поведение, например запись в смешанную команду на следующий сезон, тренировки с членами аутгруппы через шесть месяцев и голосование за члена аутгруппы при вручении награды за спортивное мастерство. Однако эти положительные достижения не распространялись на социальные условия за пределами футбола или на незнакомцев из аутгруппы. Отношение к аутгруппе, оцененное с помощью опросов до и после футбольных лиг, также не изменилось, несмотря на улучшение более широких представлений о перспективах сосуществования. Возможно, в условиях сохраняющейся нестабильности и незащищенности, что такое отсутствие изменений во взглядах связано с трудностями проявления доверия к незнакомцам из аутгруппы.²⁵

Социальное предприятие и принадлежность в Австралии

В Мельбурне, Австралия, неправительственная организация (НПО) STREAT уделяет особое внимание просоциальной интеграции, информированной о травмах и базирующейся на сильных сторонах личности, с тем чтобы сформировать чувство принадлежности и цели у молодежи, которая подвергается риску не только участия в насильственных действиях экстремистов, но и других неблагоприятных последствий, таких как преступность, бездомность, социальная изоляция, ранний уход из школы и хроническая безработица. Организация предоставляет возможности обучения и трудоустройства в нескольких компаниях в гостиничной сфере, прививая чувство связи, безопасности и сопричастности. Предоставляя профессиональную подготовку и трудоустройство, индивидуальную личную поддержку и навыки трудовой деятельности, STREAT способствует развитию обновленного чувства расширения возможностей и самоуважения. Опыт участия в командной работе в сочетании с общественной обстановкой кафе способствует просоциальному взаимодействию с широким кругом членов сообщества. Оплачиваемая работа с тщательно подобранными партнерами по трудоустройству доступна всем выпускникам, а интенсивная поддержка после трудоустройства продолжается еще в течение шести месяцев. Концепция STREAT заключается в том, чтобы помочь сформировать «молодых людей, которые чувствуют себя на своем месте и имеют здоровую самооценку, дом и работу».²⁶

Укрепление социальной сплоченности в Иордании

В Иордании международная гуманитарная организация Mercy Corps и берлинский некоммерческий исследовательский институт International Security and Development Center («Международный центр безопасности и развития») реализовали программу по укреплению доверия, взаимодействия и сотрудничества между сирийскими беженцами и принимающими их иорданцами. Программа включала в себя два комплекса мероприятий: «программные» компоненты для содействия просоциальному взаимодействию и укреплению навыков урегулирования конфликтов между беженцами и принимающими группами, а также «аппаратные» — для увеличения потенциала местной инфраструктуры и всеохватности предоставления услуг. Оценка программы показала, что несмотря на эффективность самих по себе «программных» компонентов в вопросах улучшения социальной сплоченности, сочетание «программных» и «аппаратных» проектов имело наиболее выраженный эффект с точки зрения улучшения отношения и поведения беженцев и хозяев друг к другу. Эти сдвиги в поведении и отношении включали в себя улучшение восприятия аутистов, меньшее одобрение применения насилия против аутистов, более активное взаимодействие с аутистами, снижение субъективно ощущаемой напряженности по поводу справедливости доступа к государственным услугам, а также успешное урегулирование конфликтов и разрешение споров ненасильственным путем.²⁷

Образовательный обмен в Хорватии

Nansen Dialogue Center, хорватская НПО, и хорватское Агентство по вопросам образования и подготовки преподавателей (Education and Teacher Training Agency) сотрудничают в вопросах устранения глубоких социальных и этнических разногласий в странах бывшей Югославии, защищая молодых людей от стереотипов, которые могут привести к напряженности между группами. В рамках программы проводятся совместные мероприятия, поездки и занятия с учащимися из двадцати трех школ, в которых учатся преимущественно хорваты, а также других школ, в которых в основном учатся дети других национальностей. Модель доказывает свою эффективность в борьбе с ограничительными нормами и усвоении детьми ценности многообразия.²⁸

Стрит-арт в Нигере

В Ниамее и Агадесе, Нигер, Международная организация по миграции и французская некоммерческая организация Street Art Sans Frontières реализовали месячный проект уличного искусства в ходе которого художники, мигранты и местные жители вместе работали над украшением городов, расписывая общественные места и местные транзитные центры, которые размещают и обслуживают мигрантов. Проект объединил художников с мигрантами, остановившимися в транзитных центрах, в стремлении украсить их временные дома. Во время проекта соседи, местные организации, школы и другие прохожие подходили к художникам и спрашивали, могут ли они присоединиться. Проект предложил мигрантам возможность отблагодарить принимающие их сообщества, одновременно создав возможности для конструктивных взаимодействий с членами местного сообщества.²⁹

ИСТОЧНИКИ

The Power of Contact: Designing, Facilitating, and Evaluating Social Mixing Activities to Strengthen Migrant Integration and Social Cohesion between Migrants and Local Communities

International Organization for Migration, 2021

<https://publications.iom.int/books/power-contact-designing-facilitating-and-evaluating-social-mixing-activities-strengthen>

В этих руководящих указаниях содержатся рекомендации для руководителей и разработчиков проектов, а также организаторов и координаторов мероприятий, в вопросах содействия интеграции и социальной сплоченности мигрантов с помощью мероприятий, направленных на социальное смешение. Документ предоставляет научно обоснованные рекомендации, которые руководители проектов и организаторы мероприятий могут эффективно использовать для обеспечения максимальных положительных результатов мероприятий, направленных на социальное смешение.

Designing, Implementing, and Evaluating the Impact of Social Mixing Programs

International Organization for Migration, 2022

<https://publications.iom.int/books/designing-implementing-and-evaluating-impact-social-mixing-programmes-toolkit-iom-and-its>

Это пособие, являющееся дополнением к отчету IOM *The Power of Contact*, содержит подробное руководство по разработке, внедрению и оценке воздействия программ социального смешения. Пособие предлагает теоретические знания и конкретные шаги для практического применения.

«The Ties That Bind: Building Social Cohesion in Divided Communities»

Catholic Relief Services, 2017

<https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/crs-ties-rev-08-03-2017-web.pdf>

Это руководство сочетает в себе структуру метода позитивной оценки ситуации (*обнаружение, видение, разработка и реализация*) с миростроительной методологией социальной сплоченности и устойчивости (*соединение, связывание и сведение*). В результате получился подход для использования в рамках построения мира от человека к человеку, который может помочь группам, организациям и сообществам интроспективно рассмотреть разногласия и споры, найти точки соприкосновения, наладить сотрудничество для взаимной выгоды и выработать концепцию гармоничного будущего.

«Social Cohesion: A Practitioner’s Guide to Measurement Challenges and Opportunities» 100 Resilient Cities—Pioneered by the Rockefeller Foundation, 2019

https://resilientcitiesnetwork.org/downloadable_resources/UR/Social-Cohesion-Handbook.pdf

Этот справочник представляет собой практическое руководство для местных предпринимателей и городских практиков, заинтересованных в том, чтобы понять, как их коллеги оценивают социальную сплоченность. В нем исследуются качества и ценности, заложенные в концепции социальной сплоченности, и обсуждаются общие подходы, параметры и проблемы оценки изменений. Справочник помогает вооружить практиков, обладающих разной квалификацией и разным опытом оценки, инструментами и лексическим запасом, чтобы сформулировать и измерить ценность построения социальной сплоченности.

«A Toolkit for Integrating Gender Equality and Social Inclusion in Design, Monitoring, and Evaluation» World Vision, 2020

<https://app.mhpss.net/?get=393/wvi-gender-equity-and-social-inclusion-toolkit.pdf>

Этот набор инструментов предназначен для предоставления указаний и инструментов поддержки персонала в вопросах внедрения аспектов гендерного равенства и социальной интеграции (Gender Equality and Social Inclusion, GESI) на всех этапах разработки, мониторинга и оценки проекта. Сюда входят практические рекомендации по помощи персоналу в приведении программы в соответствие с международными стандартами GESI и передовой практикой. Инструмент может быть полезным ресурсом для партнеров-исполнителей и государственных органов, поскольку они сотрудничают в вопросах достижения целей GESI.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Laura G. E. Smith, Leda Blackwood, and Emma F. Thomas, «The Need to Refocus on the Group as the Site of Radicalization,» *Association for Psychological Science* 15, no. 2 (2020): 327-352.
- 2 Ewa Szumowska et al., «Truth and Significance: A 3N Model (Needs, Narratives, Networks) Perspective on Religion,» in *The Science of Religion, Spirituality, and Existentialism*, ed. Kenneth Vail III and Clay Routledge (London: Elsevier, 2020), 225–242.
- 3 Clara Pretus et al., «Neural and Behavioral Correlates of Sacred Values and Vulnerability to Violent Extremism,» *Frontiers in Psychology* 9 (21 декабря, 2018): 1-12.
- 4 Wojciech Kaczkowski et al., «Impact of Perceived Peer Attitudes and Social Network Diversity on Violent Extremist Intentions,» *Terrorism and Political Violence*, (сентябрь 2020): 1–19, <https://doi.org/10.1080/09546553.2020.1808466>.
- 5 G. W. Allport, *The Nature of Prejudice* (Cambridge, MA: Perseus Books, 1954); and Elizabeth Paluck et al., «Prejudice Reduction: **Progress and Challenges**,» *Annual Review of Psychology* 72 (2021): 533-560.
- 6 Katharina Schmid et al., «Reducing Aggressive Intergroup Action Tendencies: Effects of Intergroup Contact Via Perceived Intergroup Threat,» *Aggressive Behavior* 40, no. 3 (май/июнь 2014): 250-262.
- 7 Nadia Siddiqui, Roger Guiu, and Aaso Ameen Shawan, «Reframing Social Fragility in Areas of Protracted Displacement and Emerging Return in Iraq: A Guide for Programming,» Social Inquiry and International Organization for Migration, февраль 2017, www.social-inquiry.org/reports-1/2019/1/20/reframing-social-fragility-in-areas-of-protracted-displacement-and-emerging-return-in-iraq.
- 8 Nefeesa Hamid et al., «Neuroimaging 'Will to Fight' for Sacred Values: An Empirical Case Study with Supporters of an Al Qaeda Associate,» *Royal Society Open Science* 6 (12 июня, 2019): 1-13.
- 9 Allport, *Nature of Prejudice*.
- 10 Mara Redlich Revkin, «The Limits of Punishment: Transitional Justice and Violent Extremism,» Iraq Case Study, United Nations University, май 2018, 24–25, 31, <https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/3127/2-LoP-Iraq-final.pdf>.
- 11 Oliver Christ et al., «Contextual Effect of Positive Intergroup Contact on Outgroup Prejudice,» *PNAS* 111, no. 11 (2014): 3996-4000.
- 12 Joshua Ronald Gubler, Eran Halperin, and Gilad Hirschberger, «Humanizing the Outgroup in Contexts of Protracted Intergroup Contact,» *Journal of Experimental Political Science* 2, no. 1 (2015): 36-46.
- 13 Neil Ferguson et al., «What Works and What's Next for Social Stability in Jordan: Evidence from Mercy Corps' Host-Refugee Social Cohesion Program,» Mercy Corps and International Security and Development Center, октябрь 2019, www.mercycorps.org/sites/default/files/2020-01/MC_ISDC_CSSF_Social_Stability_Policy_Brief_FINAL_16DEC2019.pdf.
- 14 Rebecca Wolfe and Keith Proctor, «What Works to Prevent Violent Extremism,» in *The Ecology of Violent Extremism*, ed. Lisa Schirch (London: Rowman & Littlefield, 2018).
- 15 Ferguson et al., «What Works and What's Next.»
- 16 International Organization for Migration (IOM), *The Power of «Contact»: Designing, Facilitating, and Evaluating Social Mixing Activities to Strengthen Migrant Integration and Social Cohesion between Migrants and Local Communities—A Review of Lessons Learned*, 2021, 18–22, <https://publications.iom.int/books/power-contact-designing-facilitating-and-evaluating-social-mixing-activities-strengthen>.
- 17 Lisa Schirch, *Ritual and Symbol in Peacebuilding* (Bloomfield, CT: Kumarian Press, 2005), 68.
- 18 Adam Lichtenheld et al., «Harnessing Local Sources of Social Cohesion in Niger: Lessons for Building Resilience in Protracted Crises and Conflict-Affected Settings,» Mercy Corps, 2021, 11, www.mercycorps.org/sites/default/files/2021-04/HarnessingLocalSourcesofSocialCohesionNiger.pdf.
- 19 Ferguson, et al., «What Works and What's Next,» 8.
- 20 J. Eric Oliver and Janelle Wong, «Intergroup Prejudice in Multiethnic Settings,» *American Journal of Political Science* 47, no. 4 (октябрь 2003): 567-582.

- 21 Amy Stuart Wells, Lauren Fox, and Diana Cordova-Cobo, «How Racially Diverse Schools and Classrooms Can Benefit All Students,» Century Foundation, 9 февраля, 2016, <https://tcf.org/content/report/how-racially-diverse-schools-and-classrooms-can-benefit-all-students/>; Gautam Rao, «Familiarity Does Not Breed Contempt: Generosity, Discrimination, and Diversity in Delhi Schools,» *American Economic Review* 109, no. 3 (2019): 774-809.
- 22 Francis Butichi and Rebecca Wolfe, «Examining the Links Between Youth Economic Opportunity, Civic Engagement, and Conflict: Evidence from Mercy Corps' Somali Youth Leaders Initiative,» Mercy Corps, Research Brief, январь 2013, https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PA00JGK6.pdf.
- 23 Michael J. Gilligan, Eric N. Mvukiyehe, and Cyrus Samii, «Reintegrating Rebels into Civilian Life: Quasi-Experimental Evidence from Burundi,» *Journal of Conflict Resolution* 57, no. 4 (2013): 598-626.
- 24 Vanda Felbab-Brown, «The Limits of Punishment: Transitional Justice and Violent Extremism, Somalia Case Study,» Institute for Integrated Transitions and United Nations University, май 2018, 26–30, <https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/2770/4-LoP-Somalia-Case-Study.pdf>.
- 25 Salma Mousa, «Building Social Cohesion between Christians and Muslims through Soccer in Post-ISIS Iraq,» *Science* 369, no. 6505 (август 2020): 866-870.
- 26 Интернет-сайт STREAT, 1 февраля, 2022 г., www.streat.com.au/about/streat.
- 27 Ferguson et al., «What Works and What's Next,» 2, 10.
- 28 Peter R. Neumann, «Countering Violent Extremism and Radicalisation That Leads to Terrorism: Ideas, Recommendations, and Good Practices from the OSCE Region,» Organization for Security and Co-operation in Europe, сентябрь 2017, 59, www.osce.org/files/f/documents/1/2/346841.pdf.
- 29 IOM, «Street Art for Social Cohesion in Niger's Transit Centres,» 28 октября, 2019, www.iom.int/news/street-art-social-cohesion-nigers-transit-centres.

ЧАСТЬ III

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА НА СТРУКТУРНОМ УРОВНЕ

Насильственные действия экстремистов являются формой насильственного конфликта. В части III описываются принципы, которые рассматривают структурную динамику, способствующую успешному прекращению участия в насильственных действиях экстремистов, а также продвигающую реабилитацию и (ре)интеграцию в местные сообщества. Содействие справедливости и примирению, а также выстраивание устойчивости сообщества к негативным внешним воздействиям могут создать социальный капитал для устранения обоснованного недовольства, а также для укрепления социальных и политических институтов, которые устраняют разногласия и объединяют людей в единое сообщество.

МОДУЛЬ 5

СОДЕЙСТВИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРИМИРЕНИЮ

Майкл был членом республиканской военизированной группировки в Северной Ирландии, которая использовала насилие в знак протеста против присутствия британских сил безопасности и борьбы за единую Ирландию. Джеймс состоял в военизированной группе лоялистов, которая боролась за то, чтобы Северная Ирландия оставалась частью Великобритании.

Оба выросли в семьях и сообществах, давших им чувство идентичности и принадлежности. Но эта идентичность отчасти уходила корнями в противоречивые рассказы, которые распространялись в сообществах каждого из мужчин и изображали другое сообщество жестокими агрессорами, а свою собственную группу – жертвами. Они разделяли глубокое чувство обиды на «других» в Северной Ирландии, хотя у каждого было свое представление о том, кто был другим. Чувство унижения и несправедливости в сочетании с верой в то, что насилие является единственным способом защитить свою идентичность и ценности от посягательств, побудили Майкла и Джеймса совершать насилие против мирных жителей с противоположных сторон конфликта. В конце концов оба оказались в тюрьме за свои действия.

*После освобождения Майкл и Джеймс изо всех сил пытались реинтегрироваться в свои сообщества. Они обнаружили, что соседи смотрят на них с подозрением. Они обнаружили, что им трудно воссоединиться со своими семьями и построить новые отношения. Они изо всех сил пытались найти стабильную работу, а потенциальные домовладельцы никогда не отвечали на их запросы об аренде жилья. В конце концов Майкл и Джеймс стали участниками программы, которая через беседу с общественностью и налаживание новых отношений по обе стороны конфликта использует восстановительное правосудие для решения проблем политического характера.**

ВЫВОДЫ

Насильственные действия экстремистов нацелены не только на отдельных лиц, но и на целые общества или сообщества. Пострадавшие сообщества могут ощущать себя преданными, испытывать гнев на тех, кто принимал участие в насильственных действиях экстремистов, и чувствовать страх перед ними. Для исправления этого вреда и предложения путей к восстановлению и примирению требуется, чтобы (ре)интегрирующиеся люди несли ответственность перед этими сообществами.

В рамках восстановительного правосудия получение этих результатов также означает изучение поводов для недовольства, которые являются частью цикла насилия, и аспектов восприятия виктимизации, которые способствуют насильственным действиям экстремистов. Люди, считающие себя жертвами, часто будут прибегать к насилию, чтобы отомстить или наказать других, или выразить недовольство невозможностью удовлетворения своих претензий, когда законные или ненасильственные каналы не рассматриваются как жизнеспособные.

Механизмы восстановительного правосудия могут стимулировать искупительные нарративы, преобразовывать способы самоидентификации в новые сотруднические, запускать процесс исцеления, а также придавать выражение и смысл человеческим переживаниям, что позволит сообществам и (ре)интегрирующимся людям вместе двигаться вперед. В данном модуле восстановительное правосудие исследуется как подход, который может поспособствовать справедливости и примирению. Эта стратегия может снизить барьеры на пути прекращения участия в насильственных действиях экстремистов и примирения сообществ.

Как показано на рисунке 5.1, процессы восстановительного правосудия и механизмы примирения, в которых приоритет отдается потребностям людей и сообществ, пострадавших от насильственных действий экстремистов, с одновременным изучением обоснованных поводов для недовольства, которые способствуют насильственным действиям экстремистов, может стимулировать искупительные нарративы и примирительные намерения (ре)интегрирующихся людей. Эти нарративы, в сочетании с действиями и поведением, демонстрирующими примирение, могут начать исправлять этот вред, укреплять доверие и раскрыть готовность пострадавших сообществ принять (ре)интегрирующихся людей.

* Авторы выражают благодарность тематическому консультанту данного модуля: Ребекке Литтман, PhD, доценту, University of Illinois Chicago.

Рисунок 5.1. Содействие справедливости и примирению: Теория изменения

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Цикл насилия — насилие в общине, которое может продолжаться бесконечно, — характеризует связи между восприятием себя жертвой и выбором в пользу совершения ответного насилия в отношении других людей.

Восстановительное правосудие представляет собой процесс устранения вреда, который сосредотачивается на потребностях и голосах потерпевших для устранения причиненного им вреда Восстановительное правосудие поддерживает тех, кто причинил вред другим, чтобы они понесли ответственность посредством процесса в рамках сообщества,

направленного на примирение как потерпевших, так и лица, причинившего вред. Помимо этого, оно исследует вопрос в более широком контексте, чтобы выяснить, могли ли люди, причиняющие вред, также перенести большие структурные формы или циклы насилия.

Потерпевшие или **люди, которым был причинен вред**, и **обидчики** являются терминами, используемыми для описания пострадавших (потерпевших) и тех, кто причиняет вред другим. Ввиду цикличности насилия потерпевшие также могут причинить вред, а обидчики также могут быть потерпевшими.

ЗАЧЕМ СОДЕЙСТВОВАТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРИМИРЕНИЮ?

Содействие справедливости и примирению помогает снизить барьеры на пути к (ре)интеграции и способствует изменениям поведения. Миростроительный подход к насильственным действиям экстремистов ищет выход из цикла насилия. Этот выход включает усилия по достижению справедливости и примирения как для тех людей, которые (ре)интегрируются после прекращения участия в насильственных действиях экстремистов, так и для тех людей и сообществ, которые пострадали от насильственных действий экстремистов. В унисон темам, относящимся к способам самоидентификации ингруппы и аутгруппы, которые обсуждались в модулях 3 и 4, в этом модуле исследуются темы, связанные со справедливостью и примирением между группами, а также (ре)интегрирующимися людьми. Задача состоит в прерывании цикла насилия, помогая сообществам задуматься о том, чего они хотят для будущих поколений.

Связь с насильственными действиями экстремистов

Люди, участвующие в движениях воинствующих экстремистов, часто считают, что именно они добиваются справедливости от других. Люди, участвующие в насильственных действиях экстремистов, часто придерживаются нарративов сильного недовольства, связанных с чувством обиды и унижения, которые они могли испытать сами или которые могут восприниматься как направленные на группу по интересам, к которой принадлежат эти люди. Люди могут считать себя социально маргинализированными или жертвами структурного насилия, которое дискриминирует или наносит ущерб отдельным лицам и группам посредством политики и институтов. Жертвенные нарративы часто чрезмерно упрощают сложные явления, связывая личные трудности с социальными, политическими или экономическими тенденциями или недовольством. Связывание нарративов о личной и общественной виктимизации может вылиться в оправдание насильственных действий экстремистов.¹ Например нарративы недовольства ИГИЛ, часто фокусировались на предполагаемом унижении из-за вмешательства войск США в дела мусульманских стран, что члены и сторонники ИГИЛ рассматривали как посягательство на их священные ценности, связанные с исламом и исламским правом.² Нарративы недовольства Боко Харам включают в себя убеждение в том, что ислам подрывается демократией, западным образованием и другими немусульманскими системами верований.³ Точно так же нарративы недовольства агрессивных сторонников превосходства белой расы часто связаны со страхом потери статуса, а шаги по противодействию расизму и укреплению справедливости воспринимаются как посягательства на их социальное положение и культурную идентичность.

Насилие часто является попыткой восстановить справедливость или исправить несправедливость. У большинства людей, совершающих насилие в отношении другого человека или группы, есть причина, которая наполняет смыслом их насилие. Часто нарратив, используемый кем-то для оправдания своего насилия, связан с попытками этого лица преодолеть чувство стыда и унижения и создать чувство справедливости.

Попытку понять, что вынуждает людей прибегать к насилию, не следует рассматривать как попытку оправдать или обосновать это насилие. Понимание нарративов, используемых людьми для объяснения своего насилия, имеет важное значение для понимания взаимосвязи между насилием и восприятием справедливости. В ответ на насильственные действия экстремистов, от нас требуется задавать соответствующие вопросы о нарративах, используемых для оправдания насилия.

У насильственных действий экстремистов и наказания единая логика. Цель наказания часто состоит в том, чтобы удержать людей от причинения определенного вреда вызывая боль как физическую, так и психологическую. Но такая боль может быть и причиной насилия: на самом деле некоторые исследования дают основания предполагать, что наказание не подавляет, не предотвращает и не сдерживает насилие, но при этом чем больше наказаний применяет общество, тем выше уровень насилия в нем.⁴ Имеется мало оснований полагать, что наказание является более эффективным средством сдерживания насильственных действий экстремистов, чем любая другая форма насилия.

Связь с RISE

Общественная потребность в привлечении к ответственности и справедливости является как возможностью, так и потенциальным препятствием для примирения сообщества с людьми, (ре)интегрирующимися после участия в насильственных действиях экстремистов.

Вред от насильственных действий экстремистов затрагивает не только отдельных жертв, но также целые сообщества и общества, которые могут страдать от терроризма, жить в страхе перед насилием или же испытывать гнев и чувствовать себя преданными теми, кто его совершает. (Больше об исцелении коллективной травмы см. в модуле 2 «Помощь в восстановлении после травмы»). Поскольку насильственные действия экстремистов представляют собой насилие в отношении целых обществ, на людей, причастных к таким действиям, часто оказывает сильное общественное и политическое давление с тем, чтобы они отбывали срок в тюрьме в качестве наказания за причиненный вред. Несмотря на то, что такая реакция часто является оправданной, уголовное преследование может быть неосмотрительным, неправомерным или невозможным. Например дети, вывезенные в зоны насильственных экстремистских конфликтов или родившиеся в них, должны считаться жертвами торговли людьми и насилия, несмотря на преступления, которые они могли совершить пока жили под властью группировки воинствующих экстремистов.

Аналогично многих людей могли принудить к участию в насильственные действия экстремистов, даже похитить с этой целью. Многие другие могли быстро разочароваться в деле, к которому присоединились, порой не совершив насилия, но без возможности выйти из экстремистской среды. Если они не смогли сбежать, то, возможно, им пришлось приспособливаться, чтобы выжить. Во многих случаях группы воинствующих экстремистов также участвуют в сожжении мостов, заставляя вновь прибывших совершать серьезные и травмирующие акты насилия, распространяя пропаганду, предоставляющую доказательства совершения таких актов, и вынуждая своих членов продолжать участие в их деятельности.⁵

В то же время сообщества часто предъявляют настоятельные и законные требования о привлечении к ответственности и справедливости. В этих ситуациях отсутствие формального правосудия и ответственности, в том числе выражения реального сожаления со стороны (ре)интегрирующихся людей, повлияет на усилия восстановительного правосудия на уровне сообщества. Семьи потерпевших могут отказываться от участия в процессах восстановительного правосудия до тех пор, пока не

Гендерные аспекты

Исследования показывают, что одна из причин, по которой мужчины в большинстве случаев совершают насилие по отношению к другим мужчинам, объясняется страхом показаться слабым и желанием преодолеть унижение, применив насилие, чтобы доказать свое представление о мужественности.*

* James Gilligan, *Violence: Reflections on a National Epidemic* (New York: Random House, 1997), 225–240.

сработают механизмы формального правосудия и привлечения к ответственности, и пока такие семьи не получают компенсацию. В этих случаях процессы восстановительного правосудия могут зависеть от первоочередного удовлетворения требований сообщества в отношении формального правосудия и привлечения к ответственности.

Если вкратце, то многие сочтут это гордиевым узлом как жертвы, так и преступника: узлом, распутывая который системы правосудия могут столкнуться с трудностями. Более того, сложность заключается в том, чтобы собрать доказательства с поля боя за границей таким образом, чтобы это соответствовало процессуальным стандартам, что часто затрудняет уголовное преследование. Как следствие, многие люди будут без предварительного содержания под стражей (ре)интегрироваться в местные сообщества, а в некоторых случаях они могут неопределенно долго оставаться в местах содержания под стражей, поскольку у судебных систем нет инструментов для оперативного рассмотрения их дел.

Даже когда тюрьма является частью процесса (ре)интеграции человека после участия в насильственных действиях экстремистов, заключение в ее стенах может затруднить (ре)интеграцию из-за социального отторжения, связанного с лишением свободы, а также из-за возможности того, что заключенные, столкнувшись с плохими условиями и обращением, посчитают обоснованными свои оправдания насильственных действий экстремистов и вовлеченность в них, и даже могут получить дополнительную травму во время содержания под стражей.

Восстановительное правосудие — это процесс, которому уделяется повышенное внимание, поскольку он актуален для людей, (ре)интегрирующихся после участия в насильственных действиях экстремистов. Восстановительное правосудие отличается от большинства процессов уголовного правосудия двумя способами. Во-первых, оно освещает переживания и потребности тех, кто пережил вред, а не акцентирует пристальное внимание государства на подсудимом и нарушении закона. Во-вторых, оно фокусируется на возмещении вреда, а не на определении наказания. Процесс восстановительного правосудия начинается с трех допущений:

- Когда людям и взаимоотношениям причиняется вред, возникают потребности.
- Потребности, созданные вредом, ведут к обязательствам.
- Обязательство состоит в том, чтобы исцелить и «исправить» вред.

Далее следуют три вопроса:

- Кто пострадал? (по сравнению с «Какие правила были нарушены?»)
- Каковы их потребности? (по сравнению с «Кто это сделал?»)
- Кто обязан удовлетворить потребности, возместить ущерб и восстановить взаимоотношения? (по сравнению с: «Какое наказание они заслуживают?»)⁶

В контексте насильственных действий экстремистов, процесс восстановительного правосудия имеет отношение к трем группам людей:

- Тем, кому причинили вред насильственные действия экстремистов.
- Членам сообщества или общества, пострадавшего от насильственных действий экстремистов.
- Тем (ре)интегрирующимся, которых на участие в насильственных действиях экстремистов могло мотивировать стремление к справедливости в связи с проблемами социального или политического характера, или которых даже могли принудить к участию в насильственных действиях экстремистов.

Задача состоит в том, чтобы устранить вред и удовлетворить потребности всех трех групп. У правительства и сообщества или общества могут быть обязательства по отношению к (ре)интегрирующемуся человеку, если его группа по интересам подвергалась маргинализации или притеснению до того, как он принял участие в насильственных действиях экстремистов. У (ре)интегрирующегося лица будут обязательства как перед пострадавшими, так и перед обществом в целом. Однако важно не возлагать бремя ответственности на людей, пострадавших от насильственных действий экстремистов.

Нередко случается, что сообщества обеспокоены преступлениями, совершенными против отдельного человека внутри него, а не против сообщества в целом. Однако такая обеспокоенность часто усиливается в случаях, связанных с насильственными действиями экстремистов, поскольку такие действия нацелены не только на отдельных лиц, но и на целые сообщества, и общества. В отличие от преступления, совершаемого человеком против человека, насильственные действия экстремистов осуществляются от имени всей группы против другой группы или гражданского населения, поднимая ставки для каждого.

Три основные ценности, составляющие основу восстановительного правосудия — это уважение, ответственность и взаимоотношения. *Уважение* к человеческому достоинству и способности человека измениться и стать лучшим вариантом себя, который может внести вклад в жизнь своего сообщества, является ключевым элементом подхода восстановительного правосудия. *Ответственность* заключается в обязанности «исправлять» или возмещать ущерб отдельным лицам и всему обществу, которым был причинен вред. *Взаимоотношения* относятся к силе, которой обладают люди, когда вместе работают над творческим решением проблем и превращают трагедию в возможность для исцеления.

Каждая из этих ценностей имеет важное значение для прекращения участия в насильственных действиях экстремистов, а также для реабилитации и (ре)интеграции. Уважение является необходимым условием для продвижения просоциальной вовлеченности через социальные барьеры. Ответственность необходима для возмещения вреда, причиненного участием в насильственных действиях экстремистов, а также для выявления обоснованных поводов для недовольства, которые способствовали этому участию, и для освещения пути к искуплению. Однако иногда определение ответственности в контексте насильственных действий экстремистов может представлять сложность, например в случае с людьми, которых принудили причинить вред другим. Они сами могут испытывать потребность в том, чтобы другие признали причиненный им вред, а также ответственность за возмещение вреда, причиненного другим (даже если не по своему выбору). Построение отношений может начать расширять представления о *мы* и предлагать чувство принадлежности к сообществу.

Три принципа восстановительного правосудия отражают эти ценности справедливого ответа на причинение вреда:

- *Восстановление* влечет за собой признание и возмещение вреда, причиненного и выявленного в результате правонарушения.
- *Привлечение к ответственности* влечет за собой поощрение соответствующей ответственности за удовлетворение потребностей и возмещение ущерба.
- *Вовлеченность* привлекает всех пострадавших, в том числе сообщество, к принятию решения.

Тогда механизмы восстановительного правосудия для (ре)интегрирующихся людей должны включать в себя признание (ре)интегрирующимся лицом того вреда, который его участие в насильственных действиях экстремистов причинило отдельным жертвам и обществу в целом. (Ре)интегрирующиеся люди также должны объяснить, как они намерены исправить этот вред. Например, человек может снять видео или сделать публичное заявление, в котором признает пострадавших и берет на себя ответственность за удовлетворение потребностей, вызванных этим вредом. Ритуал или публичная церемония сожаления и раскаяния могут быть уместны в некоторых культурах. Сообщество могло бы принять участие, предложив (ре)интегрирующемуся человеку возможность добровольно участвовать в жизни сообщества, что позволило бы ему внести свой вклад в сообщество.

«Уважение является необходимым условием для продвижения просоциальной вовлеченности через социальные барьеры. Ответственность необходима для возмещения вреда, . . . для выявления обоснованных поводов для недовольства . . . для освещения пути к искуплению».

КАК СОДЕЙСТВОВАТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРИМИРЕНИЮ

Аспекты планирования и разработки

Цель восстановительного правосудия состоит в том, чтобы вовлечь людей, пострадавших, в данном случае, от насильственных действий экстремистов, в возмещение причиненного им вреда и возместить этот вред резонирующим с ним способом. Таким образом, задействованные элементы и структура программы должны учитывать конкретный контекст.

Несмотря на то, что некоторые члены сообщества могут желать сурового наказания для лиц, участвовавших в насильственных действиях экстремистов, и относиться к любому процессу восстановительного правосудия с подозрением или гневом, исследования показывают, что вездесущность «мстительной жертвы», которая настаивает на карательном правосудии, является по большей части мифом. В действительности многие потерпевшие могут предпочесть компенсацию или искренние извинения наказанию.⁷ Однако соблюдение двух ключевых принципов планирования и разработки может помочь преодолеть эти противоречия и вызвать поддержку сообществом.

Во-первых, необходим *подход, ориентированный на потерпевших*.⁸

Никогда не следует манипулировать лицами, пережившими насильственные действия экстремистов, или принуждать их к участию в процессах восстановительного правосудия. В некоторых случаях посредничество между потерпевшими и (ре)интегрирующимися людьми может помочь последним взять на себя ответственность за причиненный ими вред, а также помочь потерпевшим обрести чувство справедливости, исцеления или получить ответы на вопросы о произошедшем. Однако в других случаях такие встречи могут представлять угрозу для потерпевшего и повторно травмировать его. Если потерпевший не хочет встречаться со своим обидчиком, не следует принуждать его к этому. Когда потерпевший колеблется, но не возражает, важное значение, как описано ранее, будет иметь привлечение квалифицированной команды фасилитаторов, которые при проведении любого вида встречи обеспечат ограничение рисков повторной травматизации или словесных нападок, отдавая предпочтение уважительной, безопасной и открытой беседе, учитывающей уровень комфорта и границы участников-потерпевших.

Во-вторых, *участие сообщества на всех этапах и во всех дискуссиях* на тему справедливости и примирения с (ре)интегрирующимися людьми имеет существенное значение. Может возникнуть необходимость познакомить сообщество с концепцией восстановительного правосудия. Предложение семинаров и возможностей для публичного выступления, чтобы заверить членов сообщества в том, что вопросы общественной безопасности были приняты во внимание посредством

обсуждений с органами сектора безопасности, если такие субъекты пользуются доверием в затронутых сообществах, а также представление данных исследований, демонстрирующих исключительно низкий уровень рецидивизма среди людей, отказавшихся от участия в насильственных действиях экстремистов, может способствовать привлечению внимания к процессам восстановительного правосудия.⁹ Вовлечение местных сообществ в процессы восстановительного правосудия может на раннем этапе помочь обеспечить соответствие этих процессов местным обычаям и дать членам сообщества возможность получить ответы на следующие вопросы:

- Как выглядят в местных условиях справедливость, привлечение к ответственности, примирение и искупление?
- Какие типы церемоний или ритуалов, которые могли бы способствовать процессу правосудия, уже существуют?
- Какова роль посторонних людей в содействии справедливости и примирению?
- Отводится ли какая-то роль людям, которые уже прекратили участие в насильственных действиях экстремистов и (ре)интегрировались в сообщество? Что они могут сделать, чтобы поспособствовать справедливости?
- Как процессы общественного правосудия будут связаны с государственными процессами уголовного правосудия?

Лидеры сообщества могут помочь придать законность этим усилиям и обеспечить более широкую общественную поддержку. Участие сообщества может гарантировать последовательность прогресса, достигнутого (ре)интегрирующимися людьми, а также его устойчивость к потрясениям или стрессорам, с которыми они могут столкнуться (см. модуль 6 «Выстраивание устойчивости сообщества к негативным внешним воздействиям»). Советы сообщества могут помочь разработчикам программ следить за

Не навреди

Масштабная работа с людьми, (ре)интегрирующимися после участия в насильственных действиях экстремистов, до того, как они примут участие в процессе восстановительного правосудия, может быть направлена на то, чтобы удостовериться в том, что они готовы взять на себя ответственность за вред, причиненный другим, и что они не представляют дальнейшей опасности для людей. Особую сложность это может составлять в тех случаях, когда (ре)интегрирующееся лицо принудили участвовать в насильственных действиях экстремистов. Для такой работы потребуются привлечение квалифицированных психологов, которые могут оценить поведенческие риски с помощью доказательных и научно обоснованных критериев. В случаях когда такие специалисты недоступны или их привлечение неуместно, вместо них можно привлечь культурно приемлемых представителей местных властей, таких как вождей племен или традиционных целителей, имеющих опыт оценки рисков, создаваемых отдельными членами сообщества. У этих взаимодействий всегда будут риски, однако осторожное участие квалифицированных специалистов и органов местной власти может иметь большое значение для снижения и управления рисками.

Важно не ставить жалобы и потребности одних пострадавших групп выше других, поскольку это может вылиться в «соперничество жертв» за то, кто пострадал больше. Например, непропорционально большая международная помощь христианским и езидским общинам в Ираке вызвала негодование среди близлежащих общин мусульман-суннитов, которые также пострадали от правления ИГИЛ, но получили меньшую поддержку.

соответствием формулировки, обмена сообщениями и наименования проектов восстановительного правосудия, а также за соответствием формы, которую принимают эти проекты, местным культурным и религиозным условиям. Члены сообщества могут дать совет о том, как обратиться к потерпевшим по поводу возможности встречи с людьми, которые могли причинить вред им или их семьям, друзьям и соседям. Посторонние лица должны проявлять осторожность в обещаниях относительно результатов вмешательства или создании иллюзии в отношении процесса восстановительного правосудия, если они не могут гарантировать их выполнение.

Вмешательства и мероприятия

Участники и форматы

Практика восстановительного правосудия может принимать несколько форм. Наиболее распространенными моделями являются медиация, конференции, и круги правосудия:

- При *медиации*, потерпевшие и (ре)интегрирующиеся люди встречаются (прямо или опосредованно) чтобы обсудить свои переживания, поделиться эмоциями и опасениями, а также достичь соглашения о пути вперед для каждой из сторон.
- На *конференции* большая группа затронутых людей встречается, чтобы обсудить произошедшее и найти решения на будущее.
- В *кругах правосудия* выстраивается структурированная беседа для решения конкретного конфликта, а также укрепления отношений и сообществ.¹⁰

Процессы восстановительного правосудия наиболее эффективны тогда, когда участники искренни и открыты. Таким образом, за исключением случаев, когда (ре)интегрирующее лицо направлено на участие в процессе в рамках судебного постановления, участие должно быть добровольным.

Фасилитаторы должны организовать несколько изолированных встреч, чтобы заблаговременно подготовить каждую группу заинтересованных сторон — потерпевших, членов сообщества и людей, (ре)интегрирующихся после участия в насильственных действиях экстремистов, — к любой беседе или другому механизму, предназначенному для продвижения справедливости и искупления. Эти заранее оговоренные встречи могут помочь ответить на вопросы участников, построить доверие, а также прояснить ожидания и цели каждой из заинтересованных сторон.

В некоторых случаях все заинтересованные стороны могут собраться вместе на конференции по общественному правосудию, однако восстановительное правосудие не требует проведения встречи между потерпевшими и их обидчиками. Потерпевший может, например, отдать предпочтение записи видео, которое защитит его личность, но расскажет о влиянии насильственных действий экстремистов на его жизнь. Человек, (ре)интегрирующийся после участия в насильственных действиях экстремистов, также может признать причиненный вред и продемонстрировать свою ответственность с помощью видео, радио или сообщений в новостях и социальных сетях. Свидетельства потерпевших, членов сообщества и тех, кто (ре)интегрируется, о том, что им пришлось пережить, могут послужить возможной прелюдией к катарсису и исцелению. Фасилитаторы должны довести до ведома всех участников, что любой участник в любое время может выйти из процесса восстановительного правосудия. Эта свобода

выхода из процесса распространяется на фасилитаторов, а также на членов сообщества и (ре)интегрирующихся людей.

Виртуальные конференции можно проводить, если, например, потерпевшие не хотят встречаться лично или территориально находятся далеко. Во время виртуальных конференций фасилитаторы могут попросить (ре)интегрирующихся людей поговорить с потерпевшими, как будто они находятся в одной комнате. Фасилитаторы могут спросить (ре)интегрирующегося человека о том, что бы он мог сказать потерпевшим, как они могут отреагировать и как (ре)интегрирующийся человек может признать причиненный им вред, и попытаться исправить его.

Фасилитация и поддержка потерпевших

Все эти процессы восстановительного правосудия зависят от квалифицированной фасилитации. Профессиональные, квалифицированные фасилитаторы необходимы для того, чтобы потребности потерпевших оставались в центре внимания, а потребности (ре)интегрирующегося лица никогда не управляли процессом. В дополнение к стандартному обучению фасилитации, которое может включать в себя обучение тому, как структурировать беседу, вовлекать в нее молчаливых участников и справляться со срывами, от фасилитаторов восстановительного правосудия также требуется изучить травмы, формы разжигания ненависти и насильственные действия экстремистов.

Фасилитаторы должны уделять первоочередное внимание поддержке и расширению прав и возможностей потерпевших, обеспечивать защиту потерпевших от дальнейшего преднамеренного или непреднамеренного вреда и предпринимать шаги для предотвращения любых форм принуждения потерпевших к участию в процессе, а также для предотвращения возмездия кому-либо за озвучивание причиненного им вреда. В идеале по крайней мере один из фасилитаторов в команде должен принадлежать к той же группе по интересам, что и человек или группа, пострадавшие от насильственных действий экстремистов.

Личные встречи должны проходить в местах, которые могут обеспечить как физическую, так и эмоциональную безопасность участников, и способствовать ощущению нейтралитета, чтобы все участники процесса чувствовали, что им рады. Фасилитаторы начнут процесс личной встречи рассказом о ряде основных правил участия, в которые каждый может внести свой вклад и согласиться соблюдать их.

Не навреди

Для программ важно осознавать, что участие в мероприятиях по восстановительному правосудию может иметь негативные последствия для психического здоровья участников, усугубляя симптомы депрессии, тревоги и посттравматического стрессового расстройства. Это подчеркивает важность связывания вмешательств, направленных на примирение, с инициативами в области поведенческого здоровья и восстановления после травм (см. модули 1 и 2).

Независимо от того как проводятся заседания и ритуалы — лично или виртуально, — в ходе процессов восстановительного правосудия может возникнуть необходимость в рассмотрении коллективной травмы в сообществах, пострадавших от насильственных действий экстремистов, а также индивидуальных травм. (Больше по этой теме см. в модуле 2 «Помощь в восстановлении после травмы»).

Фасилитаторы могут регулярно предоставлять потерпевшим, членам сообщества и (ре)интегрирующимся людям обновленную информацию о процессе, чтобы каждый мог понять процесс и избежать или противостоять распространению внутри сообщества любых ложных слухов или распространению дезинформации в СМИ, или социальных сетях. У фасилитаторов должен быть план быстрого и решительного реагирования на любые подобные попытки сорвать процесс восстановительного правосудия.

Поиск пути вперед

Процесс восстановительного правосудия для потерпевших, (ре)интегрирующихся людей и членов сообщества будет включать в себя возможности для каждой заинтересованной стороны озвучить причиненный ей вред, а также то, что ей нужно для справедливости и примирения. Фасилитаторы будут побуждать других активно слушать, прислушиваться и демонстрировать понимание сказанного. Фасилитаторы приведут процесс к тем шагам, которые (ре)интегрирующийся после участия в насильственных действиях экстремистов может предпринять для того, чтобы загладить свою вину перед потерпевшими и сообществом.

Сообщество также может пойти на принятие мер для рассмотрения конкретных поводов к недовольству, которые могли быть частью первоначальной мотивации человека присоединиться к движению воинствующих экстремистов. Например, сообщество может создать целевую группу по борьбе с коррупцией, если коррупция в правительстве подтолкнула человека к решению участвовать в насильственных действиях экстремистов.

Ритуал, церемония и отказ от ярлыков или идентификация

Ритуалы, церемонии и обряды посвящения, которые символически отмечают возвращение человека в общество, являются неотъемлемой частью процессов восстановительного правосудия, поскольку воплощают исцеление и примирение на уровне сообщества. Символические церемонии могут обеспечить ощутимый разрыв с прошлыми действиями и способами самоидентификации, приписывая новое значение прошлым проступкам, создавая новые общие способы самоидентификации и залечивая раны, нанесенные конфликтом и преступлением. Существующие общинные и традиционные ритуалы, предполагающие уважительную беседу, могут создать заслуживающие доверия нарративы искупления, подчеркивая уважение, солидарность и активную ответственность. Искупительные нарративы могут побудить обидчиков возместить причиненный ущерб, минимизируя при этом защитные реакции потерпевших.¹¹

Люди склонны соответствовать ожиданиям, связанным с ярлыками, навешиваемыми на них обществом, потому что эти ярлыки определяют возможности и сосредотачивают людей на определенных ролях.¹² Когда люди прекращают участие в насильственных действиях экстремистов, они сталкиваются с кризисом идентичности, который катализирует поиск нового смысла жизни, переосмысление прошлого опыта и поиск новой социальной идентичности. Этот кризис предоставляет возможности, когда сообщества открыты для передачи этого нового смысла и новой идентичности: простая идентификация человека как «реабилитированного» или как «члена общества» может способствовать прекращению участия в насилии, а также продвигать реабилитацию и (ре)интеграцию.¹³ Ритуалы с участием сообщества способны выражать и придавать смысл человеческому опыту, а также укреплять человеческие взаимоотношения, позволяя как отдельным лицам, так и сообществам думать друг о друге как о нас.¹⁴

Отношения и устойчивая (ре)интеграция

Отношения, построенные в рамках процессов восстановительного правосудия, могут позволить сообществу как исцелиться от прошлого насилия, так и организовать для решения проблем, которые в первую очередь побудили некоторых людей присоединиться к движениям воинствующих экстремистов. Процессы восстановительного правосудия являются формой организации сообщества, в которой ее члены анализируют проблемы, с которыми сталкиваются, и укрепляют чувство уверенности в том, что они могут что-то сделать для изменения своего сообщества. Приведенные в следующем разделе примеры из Сьерра-Леоне и Северной Ирландии иллюстрируют, как процессы примирения в сообществе могут запустить выход социального движения за более широкие трансформации.

Гендерные аспекты

У людей с разной гендерной идентичностью может быть разный опыт и разные потребности в процессе восстановительного правосудия. Процесс восстановительного правосудия, учитывающий гендерную проблематику, для людей, (ре)интегрирующихся после участия в насильственных действиях экстремистов, должен согласовывать с членами сообщества каждый этап этого процесса для обеспечения адекватной поддержки и возможности удовлетворения гендерных потребностей.

Негосударственные и общественные механизмы правосудия (особенно племенное правосудие в случае Ирака, где «убийства чести» являются серьезной проблемой для женщин, ранее связанных с ИГИЛ) могут нести вред женщинам. Они также часто закрыты для женщин. Программы восстановительного правосудия, в которых используются механизмы традиционного правосудия, должны анализировать эти практики и вносить в них поправки, чтобы обеспечить равный доступ для всех и гарантировать, что они не причинят вред какой-либо конкретной группе людей.

Работа с представителями племен необходима, а иногда и полезна в условиях неэффективности или нелегитимности государственных институтов правосудия, но ее необходимо проводить осторожно и с вниманием к аспектам участия и защиты женщин.

Процессы восстановительного правосудия могут стать поводом для важных дискуссий о нарративах мужественности, которые иногда могут способствовать насилию.

Эти взаимоотношения также важны для обеспечения устойчивости просоциального взаимодействия между (ре)интегрирующимися людьми и членами сообщества после завершения участия человека в программе восстановительного правосудия. Программы могут рассмотреть возможность проведения дополнительных мероприятий, чтобы способствовать развитию этих отношений за пределами программы и поддерживать более полную (ре)интеграцию в жизнь сообщества, придавая большую устойчивость преобразованию идентичности и защищая от повторного участия в группах воинствующих экстремистов.

Мониторинг и оценка

Такие программы, как Community Restorative Justice Ireland, продемонстрировали, что адресные вмешательства могут уменьшить случаи насильственных конфликтов.¹⁵ Включение подхода, использующего смешанные методы, может пойти на пользу мониторингу и оценке таких программ.

Количественные меры заключаются в сборе статистических данных о случаях насилия до и после вмешательств, чтобы определить, где необходимы дополнительные ресурсы (финансирование, квалифицированные специалисты). Для оценки прогресса и получения определенного представления о том, работает ли вмешательство, качественные меры включают в себя проведение периодических интервью с ключевыми заинтересованными сторонами по всем аспектам вмешательства. Задавать можно следующие вопросы:

- Каков уровень участия сообщества?
- Насколько вовлеченным является участие сообщества?
- Какое возмещение ущерба или компенсацию получило сообщество?
- Как потерпевшие, жертвы и члены сообщества относятся к возмещению ущерба?
- Считают ли члены сообщества, что они добились определенной справедливости и ответственности?
- Что о процессе думают люди, (ре)интегрирующиеся после участия в насильственных действиях экстремистов? Воспринимают ли они этот процесс в качестве вклада в свою реинтеграцию и принятие сообществом?

Ответы на вопросы опросника о весьма абстрактных понятиях и результатах, таких как уровень доверия сообщества, прощение и реинтеграция, могут быть не очень информативными. Важно задавать конкретные и реалистичные вопросы о наблюдаемых последствиях этих результатов, например: «Позволили бы вы своим детям дружить с детьми кого-то, кто в прошлом был связан с вооруженной группой?»

Методом, допустимым для применения в измерении результатов, является «сбор результатов», который можно использовать для отслеживания изменений в восприятии конкретного вмешательства.¹⁶ Сбор результатов представляет собой шестиэтапный метод сбора данных о том, что было достигнуто, и предоставления информации о том, как именно вмешательства способствовали изменениям.

ПРИМЕРЫ

Примирение под руководством сообщества в Сьерра-Леоне

В Сьерра-Леоне процесс национальной правды и примирения был сосредоточен на крупных городах и заброшенных сельских районах, где сохранялись некоторые из исходных предпосылок гражданской войны 1991–2002 годов. К 2007 году лидеры сообществ Сьерра-Леоне начали осознавать необходимость участия сельских общин в национальном процессе принятия решений. Инициатива под названием Fambul Tok (Семейный разговор) предложила сообществам принять участие в разработке процессов, с помощью которых люди, принимавшие участие в насилии в отношении сообществ, могли — в рамках локально-ориентированной программы возмещения ущерба — признать правонарушение перед потерпевшими. Fambul Tok продолжает подключать сообщества к разработке программ в рамках послевоенного примирения в Сьерра-Леоне и ряде других стран.

Подход Fambul Tok предусматривает использование нескольких элементов. Fambul Tok использует People's Planning Process, чтобы создать для всех людей — с особым упором на потребности и переживания женщин и молодежи — возможности активного участия в примирении. После консультаций с сообществом, Fambul Tok запускает прототипную программу для проверки идей сообщества. Уроки прототипной программы выявляются и включаются в версию процесса примирения, которую реализует сообщество. Обучение заинтересованных сторон сообщества помогает его членам приобрести навыки фасилитации, медиации и исцеления травм.

Церемония примирения находится в центре процессов Fambul Tok. Многие сообщества планируют разжечь костер Fambul Tok, чтобы создать ритуальное пространство, где потерпевшие могут озвучить причиненный им вред. Например, у многих костров женщины делятся опытом сексуального насилия и во всеуслышание обвиняют напавших на них людей. «Матери мира» — это женщины-гиды, помогающие сообществам удовлетворять уникальные потребности женщин, пострадавших от сексуального насилия. С помощью дополнительных мероприятий, таких как спортивные игры и общинное фермерство, Fambul Tok поддерживает процесс примирения. Исследование программы Fambul Tok в Сьерра-Леоне показывает, что она содействует прощению преступников и укрепляет социальный капитал.¹⁷

Программы восстановительного правосудия в Северной Ирландии

В Северной Ирландии различные программы направлены на сокращение межконфессионального насилия и преступлений на почве религиозной нетерпимости, а также на поддержку лиц, (ре)интегрирующихся в сообщество. Программа The Bridge призывает людей, совершивших уголовное преступление, провести самоанализ с тем, чтобы понять влияние своего поведения на других и вызвать в них готовность улучшить их социальные навыки. Программа начинается с признания того, что люди, участвовавшие в насильственных действиях экстремистов, испытывают чувство несправедливости и стыда за принадлежность к воинствующей группе. Например члены групп лоялистов говорят, что часто чувствуют себя застрявшими между поддержкой политического дела, которое они считают праведным, с одной стороны, и признанием негативного образа лоялистов в обществе — с другой. Программа The Bridge стремится оставить пространство для политически мотивированных людей, причастных к насильственным действиям экстремистов, чтобы они могли тщательно проанализировать свое влияние на людей и сообщества. Этот процесс также помогает им понять ненасильственные реакции на конфликт, такие как социальные движения, направленные на решение их проблем политического характера. Для достижения своих целей фасилитаторы, организаторы беседы, просят участников взвесить преимущества и издержки использования стратегии применения насилия. Для изучения ненасильственных вариантов фасилитаторы используют ролевую игру.

Программа также предлагает для семидесяти республиканских и лоялистских активистов, принимавших участие в насильственных действиях экстремистов в прошлом, обучение в Университете Ольстера. Обучение готовит их к проведению процессов восстановительного правосудия в межкультурных условиях. В проекте Young Men and Violence, люди, которые уже (ре)интегрировались в сообщество после участия в воинствующих группах в прошлом, проводят программы для других молодых людей из районов военных действий, где имеет место межконфессиональное насилие. Лидеры бросают вызов «гламуру насилия», делясь личным опытом и размышляя о том, как много они потеряли из-за участия в насильственных действиях экстремистов. Они приводят аргументы в пользу того, что мирные политические стратегии более эффективны в достижении своих целей, чем насилие.¹⁸

ИСТОЧНИКИ

«Restorative Justice in Cases of Violent Extremism and Hate Crimes»

European Forum for Restorative Justice, 2021

www.euforumrj.org/en/working-group-restorative-justice-and-violent-extremism

Руководство для практиков, в котором предлагаются советы и предостережения в отношении разработки программ, в том числе медиаций, организаций и проведение конференций по вопросам общественного правосудия, а также общественных кружков.

Restorative Dialogue Against Violent Radicalization

Restorative Justice for All International Institute

<http://restoratedialogue.org>

В этом проекте представлен альтернативный подход к реагированию на насильственные действия экстремистов, основанный на беседе и восстановительном правосудии. Проект включают в себя учебное пособие и несколько электронных курсов для специалистов и волонтеров, которые могут работать с людьми, склонным к участию в насильственных действиях экстремистов.

«Grassroots Solutions for Radicalized Youth and the Addictive Process of Extremism,» special issue of the Internet Journal of Restorative Justice

Tara Sheppard-Luangkhot, Restorative Justice for All International Institute, 2020

www.rj4allpublications.com/product/special-issue-grassroots-solutions-for-radicalized-youth-and-the-addictive-process-of-extremism/

Этот комментарий предлагает альтернативы карательным мерам для борьбы с участием молодежи в насильственных действиях экстремистов. Он использует позитивную психологию для воздействия на молодых людей, склонным к участию в насильственных действиях экстремистов, и фокусируется на позитивном восприятии идентичности и благополучия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Более подробную информацию см. в Javier Argomaniz and Orla Lynch, «The Complexity of Terrorism—Victims, Perpetrators and Radicalization,» *Studies in Conflict and Terrorism* 41, no. 7 (2018): 491-506.
- 2 Больше сведений см. в A. Gómez et al., The Devoted Actors Will to Fight and the Spiritual Dimension of Human Conflict, *Nature Human Behavior* 1 (2017): 673-679.
- 3 См. Alex Thurston, «The Disease Is Unbelief: Boko Haram's Religious and Political Worldview,» Project on U.S. Relations with the Islamic World, Brookings Institution, 14 января, 2016, www.brookings.edu/research/the-disease-is-unbelief-boko-harams-religious-and-political-worldview/.
- 4 См., например, Dieter Dölling et al., Is Deterrence Effective? Results of a Meta-Analysis of Punishment, *European Journal on Criminal Policy and Research* 15 (2009): 201-224.
- 5 См., например, Haroro J. Ingram and Omar Mohammed, «The Islamic State's Defection and Reintegration Strategies: Transforming Enemies into Supporters to Sustain Its Forever Wars,» *Nexus*, 25 августа, 2022; Michael Jensen, Patrick James, and Elizabeth Yates, «Contextualizing Disengagement: **How Exit Barriers Shape the Pathways Out of Far-Right Extremism in the United States,**» *Studies in Conflict and Terrorism* 46, no. 3 (2023): 249-277.
- 6 Этот раздел модуля обращается к целому ряду публикаций Howard Zehr's publications, including *The Little Book of Restorative Justice* (Intercourse, PA: **Good Books, 2002**) and *Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice* (Scottsdale, PA: Herald Press, 2005).
- 7 Emanuela Biffi, «The Potential of Restorative Justice in Cases of Violent Extremism and Terrorism,» Radicalisation Awareness Network Report, European Union, март 2021, 19, https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files/2021-03/ran_cons_overv_pap_restor_just_pcve_vot_10022021_en.pdf.
- 8 Joakim Hope Soltveit, Lucy Jaffe, and Cheryl Lubin, eds., «Restorative Justice in Cases of Violent Extremism and Hate Crimes,» Practice Paper, European Forum for Restorative Justice, июнь 2021, 21, www.euforumj.org/sites/default/files/2021-06/Practice%20paper%20-%20Restorative%20justice%20in%20cases%20of%20violent%20extremism%20and%20hate%20crimes%20-%20June%202021.pdf
- 9 Thomas Renard, «Overblown: Exploring the Gap Between the Fear of Terrorist Recidivism and the Evidence,» *CTC Sentinel* 13, no. 4 (апрель 2020): 19–29; Andrew Silke and John Morrison, «Re-offending by Released Terrorist Prisoners: Separating Hype from Reality,» Policy Brief (The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, сентябрь 2020), <https://www.icct.nl/publication/re-offending-released-terrorist-prisoners-separating-hype-reality>; Omi Hodwitz, «The Terrorism Recidivism Study (TRS): **An Update on Data Collection and Results,**» *Perspectives on Terrorism* 15, no. 4 (август 2021): 27-38.
- 10 Biffi, «Potential of Restorative Justice,» 7–8.
- 11 Katie N. Rotella, Jennifer A. Richeson, and Dan P. McAdams, «Groups' Search for Meaning: **Redemption on the Path to Reconciliation,**» *Group Processes and Intergroup Relations* 18, no. 5 (2015): 696-698.
- 12 Shad Maruna et al., «Pygmalion and the Reintegration Process: **Desistance from Crime through the Looking Glass,**» *Psychology, Crime, and Law* 10, no. 3 (сентябрь 2004): 273.
- 13 Thomas Meisenhelder, «Becoming Normal: Certification as a State in Exiting from Crime,» *Deviant Behavior* 3, no. 2 (1982): 137-153.
- 14 Luc Huyse, introduction to *Traditional Justice and Reconciliation after Violent Conflict: Learning from African Experiences*, ed. Luc Huyse and Mark Salter (Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2008), 76.
- 15 Harry Mika, «Community-Based Restorative Justice in Northern Ireland,» Queen's University Belfast, декабрь 2006, www.atlanticphilanthropies.org/wp-content/uploads/2015/09/HMikaReport.pdf.

- 16 Ricardo Wilson-Grau and Heather Britt, «Outcome Harvesting,» Ford Foundation MENA Office, май 2012, www.alnap.org/system/files/content/resource/files/main/wilson-grau%2C-britt-%282012%29-outcome-harvesting.pdf.
- 17 Более подробную информацию см. на сайте Fambul Tok website, <https://fambultok.org>.
- 18 Tim Chapman, «Nobody has ever asked me these questions: Engaging restoratively with politically motivated prisoners in Northern Ireland», in *Victims and Perpetrators of Terrorism: Exploring Identities, Roles and Narratives*, eds. Orla Lynch and Javier Argomaniz (London: Routledge, 2017).

МОДУЛЬ 6

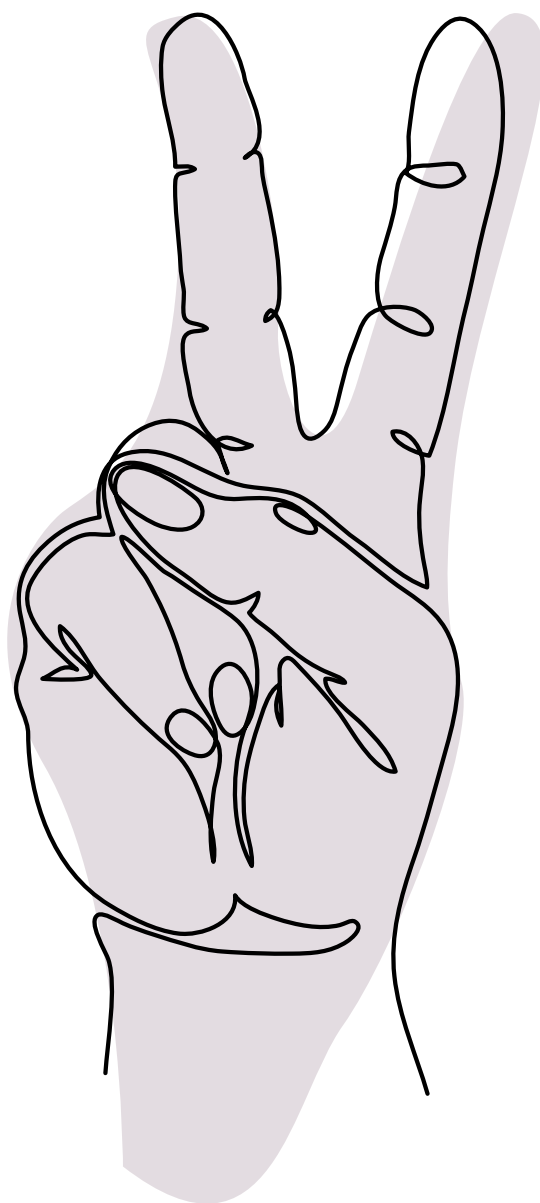
ВЫСТРАИВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ СООБЩЕСТВА К НЕГАТИВНЫМ ВНЕШНИМ ВОЗДЕЙСТВИЯМ

Когда Мариум была ребенком, ее сестру и родители убили в мечети в провинции Северный Котабато, Филиппины. Она до сих пор не уверена в том, кто устроил ту резню: сотрудники филиппинской полиции, христианские экстремисты, переодетые в полицейских, или, возможно, и те, и другие?

Воспитанная бабушкой и дедушкой, Мариум выросла в *barangay* (районе), большую часть населения которого составляли мусульмане, что подтвердило ее принадлежность к мусульманам. Но даже несмотря на то, что ее *barangay* проголосовал за присоединение к *Autonomous Region in Muslim Mindanao (ARMM)*, его пожелания были проигнорированы из-за его статуса эксклава, расположенного в муниципалитете и провинции с христианским большинством. Ее жизненный опыт женщины-мусульманки на юге Филиппин неизменно включал в себя маргинализацию и дискриминацию.

Вот именно в этом и заключалась привлекательность *Bangsamoro Islamic Freedom Fighters (BIFF)* – они хотели построить дом для нее. Они тоже знали людей, убитых христианскими боевиками. Их тоже возмущало отсутствие мусульманского политического представительства. Они тоже пострадали от военных операций, в результате которых были переселены десятки тысяч человек, убиты еще тысячи, а многие просто покинули регион, столкнувшись с нехваткой продовольствия, медицинского обслуживания и нерегулярного обеспечения электроэнергией. Поэтому она с радостью предоставляла группировке *BIFF* приют, транспорт и еду для поддержки дела.

Когда некоторые из лидеров *BIFF*, которых она перевозносила, объявили в 2015 году о союзе с *ИГИЛ*, она подвергла большому сомнению правильность такого решения. Что *ИГИЛ* знал об их бедственном положении в Северном Котабато? Затем она была ошеломлена, когда *BIFF* поддержали другую мусульманскую

сепаратистскую группировку, в течение пяти месяцев удерживавшую в блокаде город Марави, в то время как филиппинские военные наносили разрушительные авиаудары, чтобы вытеснить их оттуда. Она была знакома с семьями из Марави, которые потеряли дома и средства к существованию и в результате были вынуждены голодать. Она кормила бойцов BIFF которые могли быть в этом замешаны? Давала им приют? Она тоже сыграла роль в страданиях Марави?

Поэтому в 2019 году, когда ARMM был упразднен и основан Bangsamoro Autonomous Region in Muslim Mindanao (BARMM), в который включили ее barangay, Мариум ликовала. После десятилетий борьбы или перед лицом кризисов в области окружающей среды, безопасности и здравоохранения, путь к миру и восстановлению не будет легким. Но она видела, как люди, которыми она восхищается, мобилизуются для выполнения мирного соглашения. Ее приглашали на беседы, чтобы она могла сформулировать, как мир выглядит для нее, — и она чувствовала себя вправе на свое мнение. Некоторые сепаратистские группировки все еще борются за полное отделение от Филиппин, и Мариум иногда кажется, что они могут быть правы. А может, у BARMM через установку мира, необходимого для поддержания благополучия ее, ее семьи и ее сообщества, получится добиться успеха там, где потерпели неудачу боевые действия.*

ВЫВОДЫ

В этом модуле *устойчивость сообщества* определяется в качестве ежедневного потенциала, мобилизуемого и адаптируемого сообществами для эффективного преодоления потрясения или долгосрочного стрессора, в данном случае вызывающего или увеличивающего риск насильственных действий экстремистов. Основополагающее исследование устойчивости сообщества к насилию и насильственным действиям экстремистов выявляет несколько основных возможностей, которыми обладают устойчивые сообщества:

- *Сближающий капитал* — это способность группы выявлять риск мобилизации интруппы в насильственные действия экстремистов, а также выявлять поддержку движений воинствующих экстремистских, и разрабатывать превентивные стратегии или стратегии противодействия.
- *Соединяющий капитал* — это способность членов групп работать вместе через линии конфликта, создавая уровень доверия (социальный капитал), который используется для предотвращения или смягчения в сообществе последствий насильственной деятельности экстремистов или карательного насилия после нападения воинствующих экстремистов.
- *Связующий капитал* — это социальные отношения между гражданами и институционализированными центрами власти и органами власти, которые могут объединять, координировать, направлять и удовлетворять потребности и предпочтения граждан. Когда речь идет о борьбе с насильственными действиями экстремистов, связующий капитал относится к способности сообществ справляться с истреблением, эксплуатацией и запугиванием со стороны государства или смягчать их последствия. Жесткие меры государства в отношении сообществ из группы риска или тех, кого считают связанными с экстремистскими движениями, а также хищнические или коррумпированные действия политиков, которые лишают маргинализированных групп активов, услуг, статуса или свободы действий, снижают способность сообществ противостоять насильственным действиям экстремистов (их устойчивость), одновременно повышая их риск. Сообщества, использующие связующий капитал для управления государством, более устойчивы к насильственным действиям экстремистов.

* Авторы выражают благодарность тематическому консультанту данного модуля: Ребекке Вольфе, Доктору наук Чикагского Университета. Авторы также выражают свою признательность Лорен Ван Метре, директору по вопросам мира, климата и демократической устойчивости из Национального демократического института (Peace, Climate, and Democratic Resilience, National Democratic Institute), за авторство значительных частей этого модуля.

(Ре)интегрирующиеся люди часто делают это в той же среде, в которой началось их участие в насильственных действиях экстремистов, взаимодействуя с той же социальной сетью и сталкиваясь с теми же проблемами, которые подтолкнули их к насилию. Если сообщества не смогут развить устойчивость, чтобы предложить другой опыт тем, кто был втянут в насильственные действия экстремистов, (ре)интегрирующимся людям, возможно, будет трудно отстаивать свой отказ от участия в этих действиях.

Выстраивание устойчивости включает в себя *защиту* людей, которые наиболее склонны к участию в насильственных действиях экстремистов. Такая защита осуществляется путем укрепления свободы воли, идентичности и принадлежности перед лицом системного, политического и государственного насилия против уязвимых людей. Также к построению устойчивости относят *объединение* людей путем развития социального капитала, который можно эффективно использовать для предотвращения мобилизации в насильственные действия экстремистов, их присутствия в сообществе и связанной с ними деятельности. Помимо этого, для устойчивости необходима *трансформация* людей, сообществ и конфликтов путем создания и эффективного использования потенциала сообществ для решения основных проблем, используемых воинствующими экстремистскими элементами для проникновения в сообщества и влияния на них.

Устойчивые сообщества адаптируются и учатся, применяя свою реакцию на одно потрясение к другому. В этом руководстве изложена стратегия преодоления вызванного (ре)интеграцией потрясения: путем укрепления конкретных возможностей сообщества и отдельных лиц и предотвращения последствий (таких как рецидивизм, насилие, стигматизация, запугивание и маргинализация), которые делают сообщества и отдельных лиц более уязвимыми. Многие возможности сообщества эффективно реагировать на насильственные действия экстремистов — сближающий капитал, соединяющий капитал, связующий капитал — также можно адаптировать, чтобы справиться с потрясением от (ре)интеграции. Аналогичным образом компетентность сообщества в (ре)интеграции людей, прекращающих участие в насильственных действиях экстремистов, можно использовать для предотвращения таких действий или противодействия им.

Как показано на рисунке б.1, рост социального доверия и сплоченности между конфликтующими группами может за счет уменьшения предполагаемых угроз для идентичности групп снизить барьеры для просоциальной вовлеченности.

«(Ре)интегрирующиеся люди часто делают это в той же среде, в которой началось их участие в насильственных действиях экстремистов, взаимодействуя с той же социальной сетью и сталкиваясь с теми же проблемами, которые подтолкнули их к насилию».

Рисунок 6.1 Выстраивание устойчивости сообщества к насильственным действиям экстремистов: Теория изменения

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Уязвимость означает отсутствие у сообщества способности реагировать на, приспосабливаться к, управлять, выдерживать или переживать стрессовые или деструктивные, или шоковые события главным образом из-за отсутствия социального доверия к другим группам и публичного доверия между правительством и гражданами.

Устойчивость сообщества означает способность сообщества реагировать на, приспосабливаться к, управлять, выдерживать или переживать стрессовые или деструктивные, или шоковые события, содействуя социальному доверию

между группами и публичному доверию к структурам, которое может сохранить их благосостояние.

Устойчивость индивида означает состояние, в котором у индивида есть способности и необходимая поддержка в социальной среде, чтобы реагировать на, приспосабливаться к, управлять, выдерживать или преодолевать кризисные или тяжелые изменения, полагаясь на положительные отношения, связи и и стратегии управления стрессовыми ситуациями и регуляции эмоций.

Потрясения — это непредвиденные кризисы и события, которые нарушают способность человека или сообщества выживать и процветать.

Социальный капитал — это запас материальных и нематериальных ресурсов в социальной единице, в том числе социальное окружение, нормы и институты, которые способствуют сотрудничеству, принадлежности, связи и идентичности, а также обеспечивают эффективное функционирование общества.

Социальная сплоченность — это ощущение общей цели, идентичности и доверия между членами группы или жителями местности и готовность этих членов или жителей сотрудничать друг с другом для достижения общего блага. Социальная сплоченность может существовать в нескольких измерениях: *социальные связи* подразумевают связь между людьми, которые разделяют общую идентичность, как в семье; *социальный мост* подразумевает связь между людьми, находящимися в разных группах; *социальная привязка* означает связь между сообществами и государственными учреждениями.

Социальные движения — это устойчивые, организованные коллективные усилия, направленные на какой-либо аспект содействия справедливому и равноправному распределению богатства, возможностей и привилегий в рамках общества.

Стрессоры — это продолжающиеся или систематические факторы, такие как политическая, экономическая или социальная изоляция и дискриминация, повышающие неустойчивость или уязвимость к насильственным действиям экстремистов.

Благополучие сообщества означает совокупность факторов социальной сплоченности, социального капитала, а также факторов здоровья и устойчивости, которые позволяют людям процветать, реализовывать свой потенциал и справляться с потрясениями и стрессорами конструктивным и здоровым образом.

ЗАЧЕМ ВЫСТРАИВАТЬ УСТОЙЧИВОСТЬ СООБЩЕСТВА К НЕГАТИВНЫМ ВНЕШНИМ ВОЗДЕЙСТВИЯМ?

Связь с насильственными действиями экстремистов

Почему одни люди и сообщества становятся уязвимыми для насильственных действий экстремистов, а другие нет? Ответ частично заключается в двух широких рядах факторов, которые помогают объяснить связь между устойчивостью и насильственными действиями экстремистов. Первый ряд состоит из хронических стрессоров, таких как постоянное насилие со стороны государственных структур или доминирующей политической группы, выливающееся в маргинализацию группы или отдельного человека. Также к сюда относится системная политическая коррупция, лишаящая целевые группы свободы действий, статуса и принадлежности, а также систематическая эксплуатация определенных групп политическими субъектами для сохранения своей политической и экономической власти. Второй ряд включает в себя политические, экономические, социальные и внешние потрясения, которые могут усугубить существующие стрессоры, нарушить благополучие и образовать новые уязвимые места. Когда традиционные лидеры продают общинные земли для личной выгоды, люди могут испытать немедленное потрясение от потери статуса, свободы действий и благополучия. Когда органы безопасности совершают внесудебные казни, насильственные похищения и нарушают права человека, острое потрясение может привести к тому, что люди потеряют веру в государство и его авторитет. Выстраивание устойчивости требует как *устранения стрессоров и источников уязвимости*, так и *подготовки к потрясениям*. Общественные обстоятельства, которые изначально позволили насильственным действиям экстремистов укорениться, могут затруднить (ре)интеграцию, если останутся нерешенными. В данном модуле рассматривается устойчивость сообщества как фактор предотвращения участия или повторного участия в насильственных действиях экстремистов.

Стрессоры, уязвимость и насильственные действия экстремистов

И уязвимость, и устойчивость проявляются на общественном, общинном, семейном и индивидуальном уровнях. Предыдущие модели данного руководства к действию фокусируются на индивидуальной устойчивости. В этом модуле исследуется устойчивость сообщества.

Исследование устанавливает очевидную взаимосвязь между структурной обусловленной несправедливостью и насильственными действиями экстремистов. Поводы для недовольства, связанные с чувством изоляции, маргинализации и несправедливости, наряду с незащищенностью от насилия со стороны государства, являются серьезными мотивами для мобилизации с целью вступления или повторного участия в насильственных действиях экстремистов.¹ Более того, вербовка в группы воинствующих экстремистов чаще всего происходит на основе общих поводов для недовольства, которые вносят существенный вклад в *социальную уязвимость*.

Согласно Global Terrorism Index (Глобальный индекс терроризма), чем больше политика и институты общества социально и политически изолируют и преследуют некоторые группы, тем больше вероятность того, что общество столкнется с насильственными действиями экстремистов.² Социальные разногласия и структурная дискриминация могут способствовать вовлеченности в насильственные действия экстремистов, что может повлиять на (ре)интеграцию людей в сообщества, которые сталкиваются с такими разногласиями и дискриминацией.

В модулях 4 и 5 обсуждается динамика членства в ингруппе и аутгруппе. Люди, сталкивающиеся с социальной и политической изоляцией, могут прибегать к насилию в ответ на предполагаемую маргинализацию, которая, возможно, воспринимается такими людьми в качестве формы унижения или посягательства на социальную идентичность и политические права, и угрозу. Человек принимает участие в насильственных действиях экстремистов в ответ на эту предполагаемую или реальную несправедливость, что перерастает в цикл насилия, который усиливает недоверие между ингруппой и аутгруппой и изоляцию.

Например, кажущаяся или реальная исламофобия и маргинализация мусульман, наряду с иногда репрессивной политикой безопасности, направленной против мусульманских общин, могут вызвать разочарование, которое способствует возврату человека в движение воинствующих экстремистов. В свою очередь такая схема вербовки может усилить представление о том, что мусульмане представляют собой угрозу, взаимно усиливая исламофобию и стимулируя участие в насильственных действиях экстремистов против мусульман.

Социальная и экономическая изоляция также способствует *уязвимости сообщества*, что снижает его способность к организации вдоль линий конфликта и способствует большей уязвимости отдельных общин в рамках более широкого сообщества к насильственным действиям экстремистов. Сообщество, которое дискриминирует некоторых своих членов и использует нарративы «мы против них», скорее всего, даст повод для недовольства, связанного с изоляцией. Группы воинствующих экстремистов могут воспользоваться таким недовольством для рекрутирования членов в свои ряды. Люди,

сталкивающиеся с дискриминацией и маргинализацией, могут обращаться к группам воинствующих экстремистов в поисках чувства принадлежности, свободы действий и идентичности, которые они не могут найти в основной части своих сообществ. Контрнарративы, созданные правительствами, органами безопасности или основными СМИ, не могут выстроить устойчивость к вербовочным нарративам групп воинствующих экстремистов, если в нарративах последних озвучиваются обоснованные претензии к государству.³

Потрясения и насильственные действия экстремистов

Сложная экология политических, социальных, внешних и экономических потрясений или кризисов может затруднить (ре)интеграцию, особенно когда эти потрясения взаимодействуют с существующими стрессорами. Уязвимость часто снижает способность сообщества реагировать на потрясения, а при отсутствии факторов устойчивости, которые могли бы смягчить неблагоприятные последствия потрясений, может накапливаться недовольство. Это не означает, что эти потрясения являются причиной насильственных действий экстремистов. На самом деле эти потрясения могут усугубить существующие факторы уязвимости или вызвать появление новых и снизить устойчивость сообщества. Потрясения могут затруднить (ре)интеграцию или даже повысить уязвимость перед вовлечением в насильственные действия экстремистов.

Например, лишение людей их земли является примером *экономического потрясения*. Стихийное бедствие или пандемия, усугубляющие существующее неравенство, также могут вызвать экономические потрясения.

Потрясения в сфере безопасности, такие как нападение с применением насилия со стороны правительственных сил или террористическая атака, нацеленная на определенную группу, или вызывающая ответное насилие, также могут повысить уязвимость к насильственным моделям поведения.

Информационные потрясения включают в себя ложные, вводящие в заблуждение нарративы «мы против них», которые могут быть направлены на дегуманизацию или разжигание насилия между группами.

«Контрнарративы, созданные правительствами, органами безопасности или основными СМИ, не могут выстроить устойчивость к вербовочным нарративам групп воинствующих экстремистов, если в нарративах последних озвучиваются обоснованные претензии».

К примерам *коррупционных потрясений* относится участие политических лидеров в коррупционной деятельности, которая лишает определенные группы средств к существованию и статуса в обществе. Например, народные лидеры, которые используют нормативные положения об общинных землях для получения прибыли от продажи земли, в результате чего члены общины лишаются собственности. Такой пример вызывает коррупционное потрясение.

Хищнические действия государства происходят, когда элита эксплуатирует государственные институты, предназначенные для удовлетворения коллективных потребностей, для извлечения богатства и ресурсов сообщества. *Политические потрясения* возникают тогда, когда столпы правительства — политические партии, институты правосудия и т. д. — кооптируются, чтобы преследовать, дискриминировать или делать козлами отпущения определенные группы (этнические и религиозные группы, молодежь, женщин) для сохранения элитой политического или экономического контроля. Это подрывает веру в государственную власть. Поддержка движений воинствующих экстремистов может усилиться, поскольку они предлагают лишенным собственности возможности для социальной или экономической мобильности и выражают свободу действий для устранения этого недовольства.

Изменение климата, миграция и пандемия COVID-19 являются примерами *социальных потрясений*, которые могут подорвать сообщества. Такие потрясения часто взаимодействуют с другими видами потрясений. Например, изменения климата в Центральной Америке и Северной Африке увеличивают миграцию в Соединенные Штаты и Европу, а некоторые политические элементы инициируют кампании по дезинформации, в которых вина за такие сложные проблемы, как нехватка ресурсов, государственных услуг и рабочих мест, беспричинно возлагается на этих мигрантов. В некоторых регионах группы воинствующих экстремистов — сторонников превосходства белой расы — вербуют новых членов с помощью таких нарративов, направленных против мигрантов. В этих сообществах защита людей другого цвета кожи может представлять собой большую сложность из-за растущих в их адрес угроз со стороны белых шовинистов. Аналогичным образом исследования показывают, что пандемия COVID-19 вызвала травмы, изоляцию, неопределенность, неравенство в оказании услуг здравоохранения и нарративы недовольства, которые могут повысить уязвимость перед насильственными действиями экстремистов.⁴

Хотя причиной насильственных действий экстремистов, эти потрясения и не являются, но они могут ослабить устойчивость сообщества, усугубляя многие факторы риска в отношении насильственных действий экстремистов и ослабляя защитные факторы, которые способствуют социальной связи.

Связь с RISE

В этом руководстве к действию под устойчивостью описывается способность сообществ и общества реагировать на источники нестабильности, стрессоры и потрясения так, чтобы поддерживать людей, (ре)интегрирующихся после участия в насильственных действиях экстремистов. В этом модуле описаны факторы, делающие сообщества уязвимыми перед мобилизацией в насильственные действия экстремистов и перед агрессивными нарративами. Также здесь описано то, как сообщества, находящиеся на передовой линии сопротивления насильственным действиям экстремистов, как организуются для борьбы с этим давлением. Между тем как сообщества успешно справляются с потрясением от (ре)интеграции и тем, как сообщества проявляют коллективную устойчивость к потрясению от применения силы со стороны воинствующих экстремистов и насилию, имеется много общего. Взаимосвязь между устойчивостью сообщества к насильственным действиям экстремистов и RISE может принимать три формы, где устойчивость действует как щит, как связь и как трансформация.⁵

Устойчивость в качестве щита

Если сообщества устойчивы, они присоединяются к существующим окружениям доверия и укрепляют их, которые объединяют и соединяют группы для коллективных действий против конкретной угрозы, которую представляют собой насильственные действия экстремистов. Насильственные действия экстремистов воспринимаются как общая угроза, требующая мобилизации многих групп. Устойчивые сообщества не обвиняют и не подвергают отторжению отдельную группу. Наиболее уязвимых сообщество проактивно ограждает или защищает с помощью активистских стратегий, таких как сети мониторинга сообщества, взаимодействие с местными органами власти и сотрудниками службы безопасности для организации защиты, а также продвижение позитивных нарративов, которые позволяют людям рассматривать свою идентичность с чувством гордости, признавая при этом преимущества обучения у других культурных групп. Культурная идентичность и культурное наследие обеспечивают смысловое наполнение и принадлежность посредством верований, преобразований, празднований и норм.

Во многих поляризованных обществах группы воинствующих экстремистов отражают нарративы «мы против них» и «добро против зла», которые используют государственные и общественные деятели. Устойчивые сообщества стремятся трансформировать общепринятые нарративы, которые маргинализируют или относят к «другим» определенные группы. Вместо того, чтобы противостоять экстремистским нарративам, трансформирующий подход к устойчивости стремится сформулировать позитивные нарративы участия в общественной жизни. Мехелен, город в Бельгии, предвосхищает социальную дезадаптацию с помощью инклюзивных программ для молодежи и семей, а также путем публичных нарративов для укрепления чувства единства и сплоченности.

Устойчивость как щит также включает в себя способность быстро и эффективно мобилизовать ресурсы для оказания помощи наиболее уязвимым членам сообщества, столкнувшимся со стрессорами и потрясениями. Например запасы продовольствия, создание групп взаимной поддержки и разумный расход средств, могут помочь защитить сообщества и их членов от наихудших последствий пандемии, политического переворота или стихийного бедствия. Сообщества с существующими сетями, включающими в себя самых разных членов сообщества и групп реагирования на кризисы, часто могут адаптировать такие сети реагирования к другим потрясениям, таким как насильственные действия экстремистов.

Устойчивость как связь и социальная сплоченность

Члены сообщества — более уязвимые к мобилизации для участия в насильственных действиях экстремистов — в состоянии стать более устойчивыми к таким действиям, если смогут развить сильное чувство связи со своими сообществами. Устойчивые сообщества обладают большей социальной сплоченностью и большим социальным капиталом, чем сообщества, которые являются неустойчивыми или более уязвимыми для расхождения и насильственных действий экстремистов. Социальный капитал — это термин, описывающий сети, которые позволяют людям получать доступ к материальным и нематериальным ресурсам. Согласно определению ООН, «Социальная сплоченность — это степень доверия правительству и внутриобщественная степень, а также желание коллективно участвовать в достижении общего видения устойчивого мира и общих целей развития».⁶ Социальная сплоченность и социальный капитал могут повысить доверие, уменьшить страх и открыть сообщества для (ре)интеграции.

Исследование социальной устойчивости перед лицом террористических атак показало, что страны с высоким уровнем горизонтального социального доверия между группами и вертикального доверия между правительствами и общественностью с меньшей вероятностью будут испытывать страх после террористической атаки.⁷ Страх может усугубить социальные разногласия, помешать просоциальной вовлеченности и ожесточить сообщества против примирения с (ре)интегрирующимися людьми. В отчете Европейской Комиссии «О насильственном экстремизме» от 2016 года описываются общества, которые являются устойчивыми к насильственным действиям экстремистов как те, которые «борются с социальной изоляцией и дискриминацией и поощряют социальную справедливость и защиту».⁸

Человек, который чувствует себя включенным в жизнь общества и имеет отношения с различными группами, более устойчив по сравнению с тем, кто чувствует себя изолированным. Семья с прочными и здоровыми связями между ее членами с большей вероятностью будет устойчивой, в отличие от семей, члены которых не могут или не хотят поддерживать друг друга. Сообщество или общество, которое поощряет разносторонние связи между социальными группами и активно сопротивляется нарративам «мы против них», направленным против некоторых групп и дегуманизирующим их, с большей вероятностью будет устойчивым к насильственным действиям экстремистов, предотвращать другие формы уязвимости и восстанавливаться после потрясений.

Не навреди

Защита людей от изоляции или дискриминации является важным элементом устойчивости. Однако контрнарративы, направленные на то, чтобы оградить людей от выслушивания нарративов, критикующих государственных или общественных деятелей, могут оказаться неэффективными. Экстремистские нарративы часто выражают обоснованное недовольство политической, экономической и социальной изоляцией. Источником уязвимости и экстремизма может быть сам общественный порядок. Устойчивость требует политических действий, направленных на уменьшение такой изоляции, а не на укрывательство людей от описывающих ее нарративов*.

* William Stephens and Stijn Sieckelink, «Being Resilient to Radicalization in PVE Policy: A Critical Examination,» *Critical Studies Terrorism* 13, no. 1 (2020): 148–156; Scott Atran, *Talking to the Enemy: Faith, Brotherhood, and the (Un)Making of Terrorists* (New York: HarperCollins, 2010).

Условия существования социального доверия и сплоченности:

- разделение основополагающих ценностей, присущих человеческому достоинству всех категорий населения;
- стимулирование доверительных отношений между людьми, принадлежащими к разным группам идентичности: путем участия в беседе и коллективном решении проблем (также называемом *горизонтальным* или *соединяющим* социальным капиталом);
- принятие мер для высказывания против насилия или его предотвращения;
- предоставление людям возможности влиять на общественные учреждения, которые на равной основе обслуживают различные группы и демонстрирует доступность таких общественных благ, как безопасность, здравоохранение и образование (также называется *вертикальным* или *связующим* социальным капиталом).

Устойчивость как трансформация

Устойчивые сообщества предоставляют людям возможность располагать свободой выбора и наращивать потенциал для преобразования стрессоров и факторов уязвимости, которыми злоупотребляют движения воинствующих экстремистов.

Насильственные действия экстремистов являются всего-лишь одним из проявлений структурной несправедливости. Системное неравенство также может играть роль в разжигании насильственных конфликтов, межобщинного насилия, в разрыве показателей состояния здоровья, экономическом неравенстве, бедности, межличностном насилии, насилии со стороны близкого партнера, преступности, употреблении вредных веществ и членовредительстве. Государственная политика, которая дискриминирует или поощряет политическую, экономическую, или социальную изоляцию, является важным фактором, способствующим насильственным действиям экстремистов и другим формам насилия. Устойчивые сообщества дают своим членам возможность устранять коренные причины, а не симптомы. Уменьшить любую форму насилия без устранения структурной несправедливости может быть трудно или невозможно.

Незащищенность от политического насилия является еще одним фактором, создающим предпосылки для поддержки движений воинствующих экстремистов. Сообщества, которые организуют контроль насилия на выборах и процессы реагирования на него, могут снизить уровень насилия как вокруг выборов, так и в целом. Беседы граждан и органов безопасности, которые создают каналы связи и доверия, могут смягчить взаимодействие полиции и военных, представить более широкие идеи безопасности человека, а также улучшить общественный контроль и реагирование на насилие и запугивание, осуществляемые под эгидой государства.

Устойчивые сообщества стремятся трансформироваться, а не принимать, адаптироваться или противостоять социальной, политической и экономической изоляции и насилию, которые подвергают их риску эксплуатации со стороны воинствующих экстремистских сил. Многие возможности и стратегии, заимствуемые сообществами для предотвращения или противодействия мобилизации, вторжению или укреплению воинствующих экстремистов, применимы к подходам сообщества к RISE. Общественная активность, которая защищает от участия в насильственных действиях экстремистов лиц, находящихся в группе риска, также направлена на борьбу с динамикой, заставляющей людей продолжать участвовать в таких действиях. Сообщество, которое может применять источники доверия и сплоченности для организации коллективных стратегий и мер, направленных на противостояние гламуру движений

воинствующих экстремистов, на отказ от социального отторжения отдельных лиц и групп в сообществе и на предупреждение карательного насилия после террористической атаки, в состоянии адаптировать эти возможности к основной деятельности RISE в отношении социального отторжения и социальной принадлежности. Решение проблем структурного, экономического и политического характера, которыми злоупотребляют движения воинствующих экстремистов, трансформирует динамику конфликтов в сообществе и устанавливает важные связи между программами, направленными на предотвращение насильственных действий экстремистов, смягчение их последствий, отказ от участия в таких действиях, а также на реабилитацию и (ре)интеграцию.

Гендерные аспекты

Укрепление устойчивости сообщества к насильственным действиям экстремистов требует трезвой оценки рисков таких действий для конкретных лиц и групп. Экстремистские группы манипулируют гендерной идентичностью, чтобы мобилизовать сторонников для реализации своих усилий по насильственному установлению альтернативных политических порядков. Несмотря на это, многие программы, исследующие роль женщин и мужчин в группах воинствующих экстремистов, и пытающиеся противостоять гендерным призывам воинствующих экстремистов, являются последовательно редуccionистскими. Они делают стереотипные предположения о женщинах как о жертвах или миротворцах, а мужчин обычно изображают агрессивными субъектами и преступниками. В результате, стратегии и программы П/ПНЭ и (ре)интеграции часто недооценивают силу гендерно ориентированных подходов воинствующих экстремистских организаций к укреплению сплоченности своих групп и их способности применять насилие.

Для расширения политических и программных вмешательств недавние исследования призывают к лучшему пониманию гендерного насилия и насильственных действий экстремистов. Стратегии по укреплению устойчивости сообщества к насильственным действиям экстремистов должны глубоко интегрировать гендерные аспекты, чтобы оградить членов от мобилизации, обещающей прогрессивные гендерные роли. Также эти стратегии должны интегрировать социальную сплоченность за счет более тщательного понимания роли женщин не только в предотвращении насильственных действий экстремистов, но также в укреплении и поддержке движений воинствующих экстремистов. Помимо этого, эти стратегии должны трансформировать динамику местных конфликтов: путем обращения к их перекрестным воздействиям (женщины и этническая, социально-экономическая и поколенческая идентичность), открывающим группам воинствующих экстремистов возможности для мобилизации и вербовки.*

* Sara Mahmood, «Negating Stereotypes: Women, Gender, and Terrorism in Indonesia and Pakistan,» in *Perspectives on the Future of Women, Gender, and Violent Extremism*, ed. Audrey Alexander (Washington, DC: George Washington University, 2019), 11–21, <https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs2191/f/Negating%20Stereotypes-%20Women%20Gender%20and%20Terrorism%20in%20Indonesia%20and%20Pakistan.pdf>.

КАК ВЫСТРОИТЬ УСТОЙЧИВОСТЬ СООБЩЕСТВ К НЕГАТИВНЫМ ВНЕШНИМ ВОЗДЕЙСТВИЯМ

Аспекты планирования и разработки

Участие сообщества является ключом к разработке культурно значимых программ по укреплению устойчивости. Как подробно описано в этом руководстве, участие разных членов сообщества имеет важное значение, поскольку, исходя из личного опыта, люди могут видеть разные способы повышения устойчивости. Члены сообщества могут провести «мозговой штурм» и расставить приоритеты в плане действий, чтобы определить лучшие способы повышения устойчивости на индивидуальном, семейном, общинном и общественном уровнях.

Приступая к составлению планов, местные жители могут рассмотреть следующие вопросы:

- Как выглядит устойчивость в местных условиях?
- Какие возможности и стратегии сообщества использовали в прошлом для преодоления потрясений и стрессоров?
- Удалось ли сообществу адаптировать эти ответы к другим, отличающимся потрясениям?
- Какие типы устойчивости могут иметь решающее значение для предотвращения насильственных действий экстремистов или противодействия им? Можно ли усилить эти типы устойчивости?
- Каковы возможные показатели устойчивости к насильственным действиям экстремистов? Как сообщество может собрать сведения для оценки показателей?
- Какие стрессоры и динамика конфликтов в сообществе подрывают потенциал его устойчивости и деятельность?
- Какие типы насильственных и экстремистских кризисов или потрясений могут иметь место в местном контексте?
- Какие типы уязвимости могут повлиять на открытость сообщества, принимающего (ре)интегрирующихся людей?

Ввиду того что устойчивость может проявляться в социальных, общинных, семейных и индивидуальных измерениях, программы должны оценивать всю социальную экологию целевых сообществ, чтобы определить отправные точки, которые можно эффективно использовать для повышения устойчивости. Для этого программам следует начинать с оценки доступных положительных ресурсов сообщества, которые могли бы представлять собой факторы устойчивости. Такие факторы устойчивости могут иметься на индивидуальном, семейном, общинном или общественном уровнях. Вместо того чтобы заранее разрабатывать программы, опирающиеся на потенциальные активы, которых у некоторых сообществ может и не быть, разработчики программ должны выявить существующие активы и определить форму программ, которые учитывают местные реалии, подходят в культурном отношении, ориентируются на сильные стороны и не опираются на потенциально ложные предположения.⁹

Как только положительные ресурсы сообщества определены, программы могут отображать переходы и взаимодействия, существующие между этими факторами, для определения точек воздействия, которые могут влиять на несколько измерений одновременно: целенаправленное воздействие на эти комплексные вопросы может усилить влияние программы. Кроме того, разработчикам программ следует использовать результаты этого распределения, чтобы убедиться в том, что совокупность включенных в программу мероприятий охватывает каждый уровень социальной экологии. Например общинные программы, направленные на посттравматическое восстановление, могут повысить

устойчивость как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообщества, за счет повышения потенциала сообщества для работы с коллективными травмами. Аналогичным образом программы, направленные на уменьшение социального отторжения, могут обусловить улучшения на индивидуальном уровне за счет уменьшения самоклеймения, на уровне общины — за счет уменьшения предрассудков и укрепления социальной сплоченности, а на структурном — за счет влияния на разработку более комплексной политики. Программа, которая сочетает в себе кампании коллективных мер по изменению политики, шаги по созданию пространств для праздничных мероприятий и обмена культурной самобытностью, компоненты профессиональной подготовки и источников средств к существованию, а также услуги по охране психического здоровья на уровне сообщества, выстраивает устойчивость на социальном, общинном, семейном и индивидуальном уровнях социальной экологии.¹⁰

Вмешательства и мероприятия

Выстраивание устойчивости сообщества к негативным внешним воздействиям требует разнообразных усилий, направленных на уменьшение уязвимости и рисков, при одновременном поощрении защитных переживаний и условий, поддерживающих связь и трансформацию.¹¹ Чем больше источников устойчивости есть у отдельного человека, семьи, сообщества или общества, тем меньше вероятность их уязвимости перед насильственными действиями экстремистов или полным разрушением сплоченности сообщества во время потрясений или кризисов. Вмешательства могут помочь укрепить все три формы связи между устойчивостью к насильственным действиям экстремистов и (ре)интеграцией.

Вмешательства, вступающие в качестве защиты и щита

Вмешательства могут укрепить источники устойчивости, которые содействуют защите людей от повторного участия в насильственных действиях экстремистов, охраняя людей от нарративов «мы против них», которые отделяют ингруппу от аутгруппы.

Создание пространств для культурной самобытности и принадлежности. Лидеры общины могут выстроить устойчивость сообщества, воспевая культурную самобытность и одновременно подтверждая «принадлежность каждого». Группы воинствующих экстремистов предлагают чувство принадлежности и проявляют солидарность с людьми, которые привыкли часто сталкиваться с унижением, дискриминацией или маргинализацией. Вмешательства, в том числе семинары, беседы, мероприятия по просвещению общественности, информационно-разъяснительная

«Например общинные программы, направленные на посттравматическое восстановление, могут повысить устойчивость как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообщества, за счет повышения потенциала сообщества для работы с коллективными травмами».

работа, защита интересов и кампании по повышению осведомленности, могут создать возможности для разработки и предложения убедительных нарративов идентичности, принадлежности и совместной работы для ненасильственного представления лучшего мира, общества или сообщества. В Нигерии, к примеру, исследование показало, что пользующиеся доверием представители власти, такие как религиозные лидеры, могут быть эффективными посланниками для продвижения мира.¹²

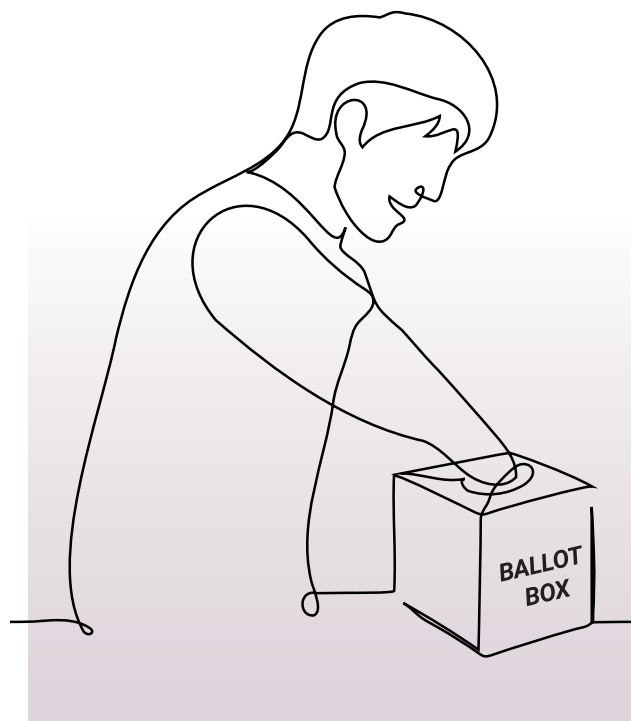
Поощрение чувства свободы действий. Люди могут присоединиться к движению воинствующих экстремистов чтобы выразить свободу действий. Устойчивые личности, семьи и сообщества должны предоставить людям, особенно из маргинализированных групп, альтернативные ненасильственные способы выражения свободы действий. Свобода действий означает способность влиять на ситуацию. Специалисты по кризисному вмешательству могут рассматривать свободу действий в качестве ключевого элемента всех программ, задаваясь вопросом: укрепляет ли программа чувство свободы действий, чтобы работать над ненасильственным представлением о лучшем мире. Например, программы, поощряющие ненасильственные движения или возможности для вовлечения граждан в общественную жизнь, могут предоставить людям ненасильственные возможности для выражения свободы действий в отношении поводов для недовольства.¹³

Вмешательства, которые выстраивают связь

Другие вмешательства могут усилить источники устойчивости, что устраним социальные разногласия и укрепит социальную сплоченность, позволяя сообществам и обществам справедливо обеспечивать благополучие для всего населения.¹⁴

Укрепление семейных связей. Когда у людей крепкие отношения внутри семьи, а также между их семьей и другими семьями, они способны поддерживать друг друга, что может быть источником устойчивости. В некоторых контекстах насильственные действия экстремистов распространяются внутри семьи. Как и в случае с любым из этих вмешательств, самих по себе семейных связей может быть недостаточно для повышения устойчивости, но программы поддержки семьи могут предложить полезные образовательные и ценные ресурсы семьям, которые стремятся оградить своих членов от поддержки насильственных действий экстремистов или от участия в них.

Соединяющие взаимоотношения и социальное доверие. Значимые отношения между людьми из разных групп идентичности могут быть источником устойчивости. Например, одно исследование межобщинного насилия в Индии установило, что сообщества с институционализированными системами, поддерживающими трансформацию конфликта и мир, могут реагировать на потрясения, не прибегая к насилию.¹⁵ Другое исследование

в сообществах, уязвимых к насильственным действиям экстремистов в Кении, показало ценность соединяющих структур.¹⁶ Третье исследование, сравнивающее устойчивые к насилию сообщества с неустойчивыми, обнаружило, что сообщества с прочными внутригрупповыми отношениями более склонны совместно работать над анализом данной ситуации, вместе разрабатывать стратегию и реагировать, используя прозрачные и комплексные процессы. Эти сообщества были устойчивыми из-за того, что могли совместно разработать новый ответ на потрясение вроде насилия. Они организовали сигналы раннего предупреждения и поддерживали общественную жизнь, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам.¹⁷ В Мали исследователи обнаружили, что сообщества выстраивали социальный капитал посредством публичных игр в неформальных клубах, где их члены практиковали принципы равенства и взаимности в регулярных личных взаимодействиях с разными членами сообщества.¹⁸ Специалисты по кризисному вмешательству могут помочь в создании публичных пространств, способствующих построению межгрупповых отношений. Общинные форумы принятия решений, практикующие принцип равенства в процессе распределения ресурсов, могут разрабатываться для содействия повышению устойчивости за счет связей, которые наводят мосты между группами идентичности и укрепляют социальное доверие.

Предоставление стабильной занятости. Программы профессионального обучения и создания средств к существованию часто являются элементом усилий, направленных на предотвращение насильственных действий экстремистов и противодействие им, поскольку эти программы предлагают финансовую и социальную интеграцию, а также поддержку свободы действий в обществе и в собственной жизни людей. Однако исследователи предостерегают от упрощенного понимания трудоустройства. В некоторых случаях не обнаружено никакой корреляции между трудоустроенными людьми и поддержкой политического насилия.¹⁹ Как отмечается в модуле 4, программы трудоустройства для (ре)интегрирующихся людей могут вызвать недовольство в затронутых сообществах, поскольку могут быть восприняты как форма особого обращения. По всей вероятности, особенно высоким уровень недовольства будет в тех сообществах, где другие его члены являются безработными или имеют неполную занятость. Вместо того чтобы обеспечивать занятость ради занятости, развитие «благотворных предприятий», направленных не только на обеспечение занятости, но и на культивирование у работников чувства значимости, принадлежности и связи, может превратить рабочие места в площадки для межгрупповой социальной сплоченности и просоциальных взаимодействий, имеющих решающее значение для устойчивости сообществ.²⁰

Поддержка гражданской активности и вовлечения в общественные работы. Когда люди принимают участие в деятельности, направленной на улучшение жизни их сообщества, таких как местные общественные организации, группы взаимопомощи, спортивные клубы, бизнес-ассоциации и профсоюзы, это может быть источником устойчивости. Вмешательства, направленные на поддержку вовлечения граждан в общественную жизнь, могут помочь укрепить доверие между группами по интересам и продемонстрировать, что коллективные действия могут способствовать выстраиванию устойчивости, устранению поводов для недовольства и улучшению жизни людей. Организация Mercy Corps провела в Сомали два исследования на предмет того, снижает ли образование поддержку насилия и участие в нем. Оба исследования продемонстрировали важность вовлеченности граждан в общественную жизнь, и несмотря на некоторые различия в данных исследований, непротиворечивый результат заключался в том, что образование в сочетании с возможностями для вовлечения граждан в жизнь общества снижает уровень поддержки насилия. В Сомалиленде это сочетание также снизило уровень вовлеченности в политическое насилие. Одним из объяснений этого снижения является приобретение молодежью навыков, позволяющих ей вовлекать свои сообщества и правительства в процесс перемен.²¹

Создание каналов связи. Когда у людей есть способ общения во время кризиса, они могут лучше делиться информацией, принимать коллективные решения и предпринимать коллективные меры, что может являться еще одним источником устойчивости. Например, сообщество может организовать еженедельный форум для межгрупповой беседы в городском конференц-зале или онлайн. Фасилитаторы могут поспособствовать с повесткой дня для беседы, что может помочь сообществу быстро отреагировать на потрясение или пронизательно ответить на общее недовольство. Например организация постоянного форума для беседы между населением и полицией, может содействовать созданию устойчивого канала связи, который поможет сообществу решать проблемы, связанные с работой полиции или безопасностью.

Вмешательства, содействующие трансформации

Третья категория вмешательств может укрепить предпосылки устойчивости, которые позволяют сообществам разбираться с законным недовольством и трансформировать насильственный конфликт в беседу или сотрудничество.

Разработка инклюзивных нарративов. В поляризованных сообществах как группы воинствующих экстремистов, так и основные лидеры полагаются на нарративы «добро против зла» или «мы против них», которые могут дегуманизировать и маргинализировать различные группы населения. Для решения повсеместных социальных проблем, причиной которых могут стать подобные нарративы, лидеры сообществ могут разработать свои собственные общие метафоры и термины, указывающие на интеграцию в жизнь сообщества, а также нарративы, которые подчеркивают общие взгляды. Для сообществ важно демонстрировать эти нарративы, укрепляя социальные институты, такие как культовые сооружения, школы, публичные центры и общественные площадки, которые являются инклюзивными и объединяют множество социальных групп.

Обучение гибкости, инновациям и адаптации. Сообщества с адаптивными лидерами могут помочь повысить устойчивость, способствуя творческому решению проблем в ответ на потрясения. Для преодоления разногласий они могут приглашать разных людей для помощи в оценке затрат и выгод от применения разных вариантов, а также путем компромиссов с другими группами по интересам.²² Обучение навыкам адаптивного лидерства может помочь лидерам сообществ стать более устойчивыми к потрясениям.

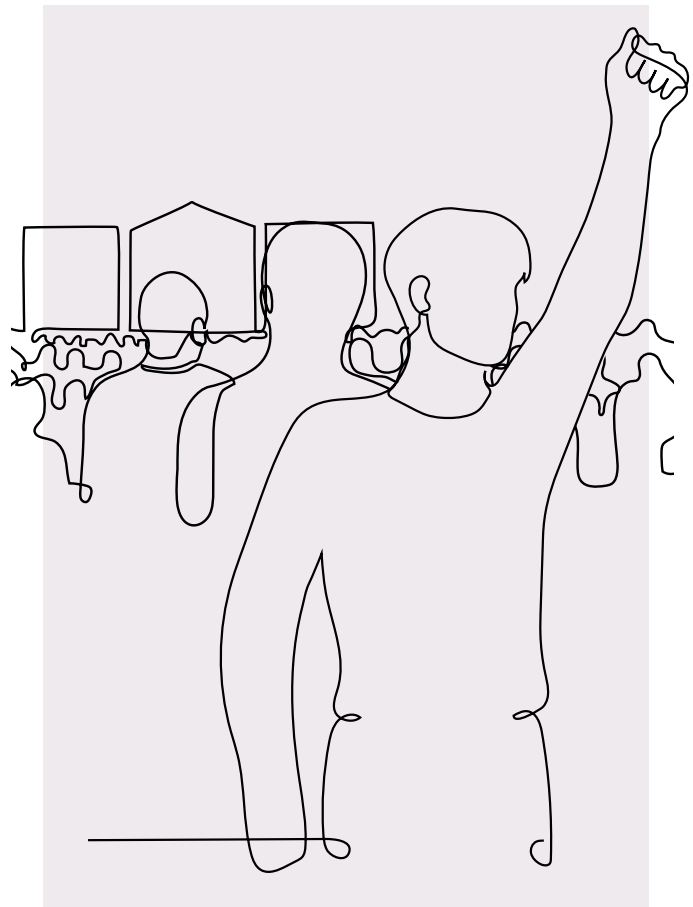
Участие в коллективных действиях. Вера людей в то, что они способны изменить свою жизнь, может стать источником устойчивости, особенно когда эти люди действуют сообща. Коллективное действие означает решение людей действовать не только самостоятельно, но и в тесном контакте с другими с тем, чтобы изменить их общее положение дел. Исследование в Ираке установило, что сообщества показали устойчивость к вербовке группами фанатиков в тех случаях, когда граждане были способны самоорганизовываться и совместно работать для достижения общей цели.²³ Исследование, проведенное в Сомали, обнаружило корреляцию между программой, помогавшей людям сообща бороться с несправедливостью и недовольством правительством, и снижением уровня поддержки насильственных действий экстремистов. Снижение уровня поддержки насилия было связано с увеличением отклика со стороны правительства.²⁴ Исследование в Кении также обнаружило, что компетентность сообщества — способность сообщества использовать коллективные действия для реагирования на потрясения, например посредством своих экономических ресурсов или организации марша мира, чтобы отправить послание правительству, — помогла ему проявить устойчивость к насильственным действиям экстремистов.²⁵

Ненасильственные движения, которые могут предложить людям чувство принадлежности и идентичности, а также миссию по достижению справедливости для большего социального блага, могут быть эффективным способом повышения устойчивости, одновременно удовлетворяя некоторые социально-психологические потребности (ре)интегрирующихся людей. Недовольство государством часто способствует насильственным действиям экстремистов, а люди, участвующие в таких действиях, часто ищут чувство свободы действий и больше возможностей для борьбы со структурными формами насилия. Лица, присоединяющиеся к движениям воинствующих экстремистов, также часто находятся в поисках чувства принадлежности и новой групповой идентичности.²⁶

Политическая активность и социальные движения могут помочь справиться с этой динамикой.²⁷ Во-первых, социальные движения могут катализировать более справедливые и объединяющие формы власти. Социальные движения могут помочь в борьбе с коррупцией в правительстве или политикой, направленной на маргинализацию определенных группы в обществе. Например, в Бразилии одно социальное движение обратило внимание на коррупцию в правительстве и смогло оказать давление на парламент, чтобы тот принял новые законы, запрещающие коррумпированным политикам претендовать на должности.²⁸ Во-вторых, социальные движения внушают чувство расширения возможностей. «Власть народа» означает способности людей работать вместе, чтобы посредством коллективных действий побороть военные или экономические формы власти. Такие тактики, как экономический бойкот, забастовки и мирные демонстрации, во время которой участники стоят с зажженными свечами в руках, являются рычагами влияния массовых акций. В-третьих, социальные движения обеспечивают чувство принадлежности, идентичности и смысла.

Используя такие символы, как флаг, поднятый кулак, демонстрирующий сопротивление, или желтые зонтики, которые были отличительной чертой социального движения в Гонконге в 2014 году, социальные движения предлагают людям возможность почувствовать себя частью чего-то гораздо большего, чем они сами. Подготовка в области ненасильственных действий и социальных движений может дать сообществам идеи о том, какие действия следует предпринять для устранения поводов для недовольства и для выстраивания устойчивости сообщества.

Вовлечение государства. Ключевым фактором индивидуальной мобилизации на участие в насильственных действиях экстремистов являются действия государства, особенно репрессии с его стороны.²⁹ Точно так же была установлена сильная корреляция между политической коррупцией и странами с высоким уровнем экстремизма и политического насилия, хотя специфика этой связи по-прежнему нуждается в дальнейшем изучении.³⁰ Сообщества, устойчивые к насильственным действиям экстремистов, часто разрабатывали методы смягчения жесткой реакции государства, строили доверительные отношения и общине

с представителями местных и государственных органов власти, а также учредили институты и процессы участия на уровне «гражданин и государство» для предупреждения и противодействия насильственному экстремизму (П/ПНЭ). Таким образом, связующий капитал является основным компонентом устойчивости сообщества, укрепляя и улучшая управление на местном и государственном уровнях. В Кении, в соответствии с политическими реформами, направленными на передачу полномочий местным органам власти для предотвращения масштабного насилия, Национальный контртеррористический центр утвердил планы действий по П/ПНЭ на уровне округов. Участие местных сообществ и правительств признает факт того, что все сообщества по-разному переживают угрозу насильственных действий экстремистов, и что организации гражданского общества и местные органы власти, работающие вместе с национальным правительством, имеют решающее значение для адаптивных и определяемых контекстом ответных реакций.³¹ Другие программы, ориентированные на правительство, поддерживают разработку стратегий органов местного самоуправления по П/ПНЭ, которые поощряют вовлечение граждан в определение полномочий правительства, политических рамок и необходимой организационной инфраструктуры для их поддержки.³² Парламентарии из целого ряда стран по всему миру признали важность своей роли в продвижении политики и программ, ориентированных на интересы жертв, и собрались на международном уровне для содействия типовому законодательству, направленному на защиту и поддержку жертв терроризма и потерпевших.³³

Не навреди

В местах, где инакомыслие жестко подавляется или органы безопасности в прошлом злоупотребляли своими полномочиями в отношении ненасильственных движений, то программам следует рассмотреть альтернативные методы выражения свободы действий, которые не подвергают участников угрозе причинения вреда.

Мониторинг и оценка

Для измерения и оценки повышения или снижения устойчивости доступно большое количество инструментов исследования. Например организация Everyday Peace Indicators, работающая с сообществами над созданием их собственных показателей комплексных идей и концепций, призывает сообщества оценить, что для них значат насильственные действия экстремистов, устойчивость и мир и направляет разработку показателей, в основе которых лежат местные знания, опыт и представления о благополучии.³⁴ BRAVE Research Tool представляет собой опросник с самостоятельным предоставлением сведений, использующий пятибалльную шкалу с вариантами ответов от «полностью не согласен» до «полностью согласен», для оценки различных категорий, относящихся к устойчивости. Общественные организации могут поощрять использование этого инструмента для определения факторов уязвимости.³⁵ COSA, the Committee on Sustainability Assessment, разрабатывает ряд показателей, измеряющих устойчивость во время потрясений, в особенности потрясений, вызванных конфликтами или изменением климата.³⁶ Опросник Building Regional Resilience Indicators оценивает устойчивость на общественном уровне.³⁷ Показатели сообщества включают в себя то, до какой степени люди общаются и связаны друг с другом через группы по социальным интересам. Социальные показатели включают в себя данные об экономическом неравенстве и гражданском участии. Одним из способов измерения устойчивости является сравнение скорости, с которой сообщество и общество могут восстанавливаться после потрясений. Например сообщество, которое может быстро организовать для обеспечения всех своих членов едой и водой после нападения правительственных сил, является более устойчивым, чем сообщество, у которого нет налаженных отношений для организации этих услуг. Общество, которое быстро реагирует и привлекает агрессивные действующие силы безопасности к ответу за такое нападение, является более устойчивым, чем общество, которое этого не делает.

Хотя реакция на потрясения и не может быть частью плана МиО, — поскольку заранее узнать, случится ли потрясение и когда именно невозможно, — но можно узнать, как на возможные потрясения отреагируют сообщества. Для учета потрясений часто требуется, чтобы спонсоры проявляли гибкость в финансировании исследований, а исследователи — имели возможность вернуться в сообщество, в котором внедрялось вмешательство после потрясения. Анализ такого типа трудно провести в отсутствие сравнительного примера сообществ, в которых *не* осуществлялось такое вмешательство. В случае с севером центрального региона Нигерии, то насколько сообщества, участвующие в 18-месячной программе миростроительства, смогли справиться с потрясением от конфликта, стало очевидно только после сравнения этих сообществ с другими, пострадавшими от такого же конфликтного потрясения, но в которых не осуществлялось никаких миростроительных вмешательств.

ПРИМЕРЫ

Поддержка (ре)интегрирующихся людей в Индонезии

В Индонезии группа гражданского общества Yayasan Prasasti Perdamaian (Международное миростроительство) предлагает всестороннюю поддержку семьям, (ре)интегрирующимся после насильственных действий экстремистов. Ноор Худа Исмаил, основавший организацию в 2008 году, на своем опыте прекратил участие в насильственных действиях экстремистов. Исмаил хотел показать, что помочь людям отказаться от участия в насилии и примириться со своими сообществами можно посредством миростроительного подхода, а не опираясь на тюремное заключение или насильственные подходы к борьбе с терроризмом. Исмаил утверждает: «Никто не рождается террористом, их формируют люди, с которыми они общаются, и культура, которая их окружает. . . . Большинство террористов движет потребность в дружбе и наполненности смыслом, и если после освобождения из тюрьмы они не найдут этого, то перегруппируются и вернутся к своим старым привычкам». Исмаил открыл ресторан под названием Daroer Bistik (Кухня бифштексов), в котором работает больше дюжины человек, (ре)интегрирующихся после участия в насильственных действиях экстремистов.³⁸ Люди, принимающие участие в программе, отмечают повышение чувства собственного достоинства и самоуважения, что помогает им учитывать интересы общества в своем поведении и отношении, а также изменение своего восприятия других групп и ощущение себя частью более широкого сообщества.³⁹ В программу входит лечение травм, беседа с (ре)интегрирующимися людьми, обучение коммуникативным навыкам и содействие занятости для развития предпринимательства, все это с повседневным сопровождением профессиональной деятельности и финансированием стартапов.⁴⁰ Программа также работает с женами и семьями (ре)интегрирующихся людей, предлагая в среднем 500 \$, чтобы помочь женщинам открыть собственное дело. В обществе, в котором семейно-родственные связи важны с культурной точки зрения, такая поддержка семьи может способствовать устойчивости более широкой семейной системы с точки зрения воссоединения с сообществом.⁴¹

Повышение доверия в Уганде

Базирующаяся в Уганде НПО United Religious Initiative—Great Lakes, запустила проект под названием Building the Capacity of Religious and Community Actors in the Rehabilitation and Reintegration of Violent Extremist Offenders and Returning Foreign Terrorist Offenders in Uganda (Наращивание потенциала религиозных и общественных деятелей в реабилитации и реинтеграции правонарушителей из числа насильственных экстремистов и возвращающихся иностранных преступников-террористов в Уганде). Проект был направлен на повышение социального доверия между сотрудниками службы безопасности и местными общинами и религиозными лидерами, поскольку они пытались удовлетворить потребности общественной безопасности и людей, (ре)интегрирующихся после участия в насильственных действиях экстремистов. Проект способствовал проведению бесед с сообществами, в которых подчеркивалась необходимость поддержки семей и сообществ в процессе (ре)интеграции. Участники стали более доверчивыми друг к другу, чем были до проекта, а также продемонстрировали большой энтузиазм в отношении примирения и большую готовность слушать и узнавать о сложных факторах, связанных с их участием в насильственных действиях экстремистов.⁴²

Укрепление управленческого потенциала в Индонезии

Indonesian Muslim Crisis Center (IMC2) первоначально был связан с Министерством юстиции и прав человека через посредничество другой НПО, но теперь перешел к независимым партнерским отношениям с Генеральным прокурором и местными судами. Он следит за деятельностью местных судов и поощряет соблюдение ими прав человека и справедливости, защищая и оказывая юридическую помощь лицам, обвиняемым в совершении террористических актов. Эта организация во главе с молодежным лидером также работает с семьями и сообществами, ставшими жертвами групп воинствующих экстремистов, чтобы предотвратить мобилизацию и в то же время (ре)интегрировать людей, которые отказались от участия в насильственных действиях экстремистов. В целом ее работа способствует демократическому управлению и уважению прав человека в Индонезии.⁴³

Выстраивание устойчивости в г. Мехелен, Бельгия

Некоторые города в Бельгии в 2014–2016 годах наблюдали большое количество иммигрантов, выезжающего за границу, чтобы присоединиться к ИГИЛ. Но не город Мехелен. Мэр Мехелена отдавал себе отчет в том, что молодые мигранты часто чувствуют себя изолированными и маргинализированными. Он задался целью укрепить социальную сплоченность в городе с помощью молодежных программ, школьных программ, поддержки семьи и городского планирования, чтобы помочь иммигрантам чувствовать себя как дома во всех сферах их жизни. Например, в городе были созданы новые молодежные центры и другие общественные места, где люди разного этнического происхождения могли смешиваться социально и общаться друг с другом.⁴⁴

Выстраивание социальной сплоченности на Филиппинах

На Филиппинах организация гражданского общества Balay Mindanaw разработала программу под названием Advancing and Sustaining Good Governance and Community Action toward Resilience and Empowerment для людей, прекращающих участие в группе воинствующих экстремистов Abu Sayef.⁴⁵ Программа, запущенная в 2017 году, предлагала участникам поддержку семьи, восстановление после травм, укрепление психического здоровья, обучение навыкам сельскохозяйственной деятельности и религиозное образование. Она также представила людей, прекращающих участия в экстремизме, должностным лицам местных органов власти, чтобы начать выстраивать доверие и отношения.⁴⁶ Balay Mindanaw также обучила военное командование миротворчеству, что помогло им разработать «призму мира» для реагирования на насильственные действия экстремистов в регионе.⁴⁷

ИСТОЧНИКИ

SNAP: Synergizing Nonviolent Action and Peacebuilding—An Action Guide

United States Institute of Peace, 2019

www.usip.org/publications/2019/04/snap-synergizing-nonviolent-action-and-peacebuilding

Для стратегического и эффективного использования методов на пути к трансформации конфликта это руководство к действию направлено на возведение мостов между практиками миростроительства и ненасильственных действий. В нем показано, как можно суммировать беседу, навыки прямого воздействия и другие подходы к ненасильственным движениям для продвижения справедливости и устойчивого мира. Это руководство предназначено для инструкторов, фасилитаторов и других специалистов-практиков, работающих со многими организаторами, активистами, медиаторами, переговорщиками и миростроителями, которые хотят изучить глубже способы интеграции ненасильственных действий и стратегий миростроительства в свою работу.

«Strengthening Social Cohesion: Conceptual Framing and Programming Implications»

United Nations Development Programme, 2020

www.arabstates.undp.org/content/rbas/en/home/library/Dem_Gov/strengthening-social-cohesion-conceptual-framing-and-programmin.html

В данном документе предоставлена информация и практические рекомендации по оценке и разработке — путем выявления проблем, рисков и дилемм, а также последствий для программирования — эффективных программ и проектов социальной сплоченности. В нем исследуются способы разработки и адаптации методологий и измерений оценки социальной сплоченности для различных условий. Исследуются и критически оцениваются теории изменений в программах социальной сплоченности, а также предлагаются практические соображения для руководства более эффективной, более комплексной политикой и программой на разных уровнях участия.

«Harnessing Local Sources of Social Cohesion in Niger»

USAID, REAL, and Mercy Corps, 2021

<https://www.mercycorps.org/sites/default/files/2021-04/HarnessingLocalSourcesofSocialCohesionNiger.pdf>

В этом кратком обзоре предпринимается попытка улучшить программу с использованием данных первоначального исследования программы USAID [Агентство США по международному развитию] под названием «Preventing violent Extremism Actions through increased social Cohesion Efforts» (PEACE) в регионе Тиллабери в Нигере, чтобы изучить, какие факторы способствуют изменениям социальной сплоченности на местном уровне. Исследование измеряет шесть параметров: доверие, терпимость, инклюзивность, сотрудничество, взаимодействие между группами и коллективные действия. Кроме того, в исследовании анализируются контекстуальные факторы, такие как правительство, участие женщин и молодежи в урегулировании конфликтов и миростроительстве, а также модели мира и безопасности в сообществе, которые связаны с различиями в местной социальной сплоченности.

«Social Capital and Social Cohesion Measurement Toolkit for Community-Driven Development Operations»

Mercy Corps and the World Bank Group, 2020

https://collaboration.worldbank.org/content/sites/collaboration-for-development/en/groups/community-driven-development-global-solutions-group/documents.entry.html/2020/04/03/social_capital_ands-OhaN.html

Цель этого инструмента состоит в том, чтобы облегчить измерение социального капитала и социальной сплоченности, особенно в контексте оценки иницируемых сообществом программ развития, в условиях уязвимости, конфликтов, миграции и принудительного переселения. Этот набор инструментов предназначен для измерения множества основных аспектов каждой концепции, он удобен в использовании специалистами по анализу и исследователями.

The Building Resilience Against Violent Extremism (BRAVE) Measure

Resilience Research Centre

<https://brave.resilienceresearch.org>

Этот краткий опросник можно использовать для оценки факторов риска и защитных факторов для устойчивости молодых людей к насильственным действиям экстремистов. BRAVE дает общую оценку устойчивости человека к насильственному экстремизму. Он также оценивает в баллах пять областей, имеющих важное значение для устойчивости к насильственным действиям экстремистов: культурную идентичность и сопричастность, соединяющему капиталу, связующему капиталу, связанным с насилием моделям поведения и связанным с насилием убеждениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Scott Atran, *Talking to the Enemy: Faith, Brotherhood, and the (Un)Making of Terrorists* (New York: Ecco Press, 2010).
- 2 Institute for Economics and Peace, «Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism,» 2022, 2, www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web_110522-1.pdf.
- 3 William Stephens and Stijn Sieckelinch, «Being Resilient to Radicalization in PVE Policy: A Critical Examination,» *Critical Studies on Terrorism* 13, no. 1 (2020): 142-165.
- 4 Francesco Marone, «Hate in the Time of Coronavirus: Exploring the Impact of the COVID-19 Pandemic on Violent Extremism and Terrorism in the West,» *Security Journal* (январь 2021), <https://doi.org/10.1057/s41284-020-00274-y>; UN Security Council, «The Impact of the COVID-19 Pandemic on Terrorism, Counter-terrorism, and Countering Violent Extremism: Update,» UN Counter-terrorism Committee Executive Directorate, июнь 2021, www.un.org/securitycouncil/ctc/sites/www.un.org.securitycouncil.ctc/files/files/documents/2021/Jun/cted_covid_paper_15june2021_1.pdf.
- 5 William Stephens and Stijn Sieckelinch, «Being Resilient to Radicalization in PVE Policy: A Critical Examination,» *Critical Studies on Terrorism* 13, no. 1 (2020): 142-165.
- 6 UN Development Program, «Social Cohesion,» UNDP Data Futures Platform, <https://data.undp.org/covid-19/social-cohesion/>.
- 7 Bernard Enjolras, «Does Trust Prevent Fear in the Aftermath of Terrorist Attacks?» *Perspectives on Terrorism* 13, no. 4 (2019): 39-55.
- 8 European Commission, «Supporting the Prevention of Radicalization Leading to Violent Extremism,» 2016, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016DC0379&from=EN>.
- 9 Michael Ungar, «Social Ecologies and Their Contribution to Resilience,» in *The Social Ecology of Resilience: A Handbook of Theory and Practice*, ed. Michael Ungar (New York: Springer, 2012), 13–32; Stevan Weine et al., «Lessons Learned from Mental Health and Education: Identifying Best Practices for Addressing Violent Extremism,» US Department of Homeland Security, National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), 2015, www.dhs.gov/sites/default/files/publications/OPSR_TP_Integrating-Mental-Health-Education_Oct2015-508.pdf.
- 10 Stevan Weine et al., «Rapid Review to Inform the Rehabilitation and Reintegration of Child Returnees from the Islamic State,» *Annals of Global Health* 86, no. 1 (2020): 1-15.
- 11 Heidi B. Ellis and Saida Abdi, «Building Community Resilience to Violent Extremism through Genuine Partnerships,» *American Psychologist* 72, no. 3 (2017): 289-300.
- 12 Graeme Blair et al., «Trusted Authorities Can Change Minds and Shift Norms during Conflict,» *Proceedings of the National Academy of Sciences* 118, no. 42 (октябрь 2021): 1-6.
- 13 Beza Tesfaye et al., «If Youth Are Given the Chance: Effects of Education and Civic Engagement on Somali Youth Support for Political Violence,» Mercy Corps, 2018, www.mercycorps.org/research-resources/youth-chance-education-somalia.
- 14 Исследователи обнаружили, что такие характеристики, как сильные социальные связи, социальные мосты и социальное соединение, приводят к меньшей поддержке насилия, в том числе насильственных действий экстремистов. См., например, Heidi B. Ellis et al., «Relation of Psychosocial Factors to Diverse Behaviors and Attitudes among Somali Refugees,» *American Journal of Orthopsychiatry* 86, no. 4 (2016): 393-408.
- 15 Ashutosh Varshney, *Ethnic Conflict and Civic Life: Hindus and Muslims in India* (New Haven, CT: Yale University Press, 2002).
- 16 Lauren Van Metre, *Community Resilience to Violent Extremism in Kenya*, Peaceworks no. 122, United States Institute of Peace, 2016, www.usip.org/publications/2016/10/community-resilience-violent-extremism-kenya.
- 17 Mary B. Anderson and Marshall Wallace, *Opting Out of War: Strategies to Prevent Violent Conflict* (Boulder, CO: Lynne Rienner, 2012).

- 18 Jaimie Bleck et al. «Drinking Tea with the Neighbors: Informal Clubs, Social Trust, and Trustworthiness in Mali,» Ford Seminar, ноябрь 2020, <https://kellogg.nd.edu/drinking-tea-neighbors-informal-clubs-social-trust-and-trustworthiness-mali-virtual>.
- 19 Mercy Corps, «Youth and Consequences: Unemployment, Injustice, and Violence,» 13 февраля, 2015, www.mercycorps.org/sites/default/files/2020-01/MercyCorps_YouthConsequencesReport_2015.pdf.
- 20 Stone Conroy, «The Private Sector and Violent Extremism,» in *The Ecology of Violent Extremism: Perspectives on Peacebuilding and Human Security*, ed. Lisa Schirch (London: Rowman & Littlefield, 2018).
- 21 Beza Tesfaye, «Critical Choices: Assessing the Effects of Education and Civic Engagement on Somali Youths' Propensity towards Violence,» Mercy Corps, ноябрь 2016, 2, www.mercycorps.org/research-resources/effect-education-civic-engagement-somali-youth; Tesfaye et al., «If Youth Are Given the Chance.»
- 22 Van Metre, *Community Resilience*, 15.
- 23 Ami C. Carpenter, *Community Resilience to Sectarian Violence in Baghdad* (New York: Springer, 2014).
- 24 Rebecca Wolfe and Keith Proctor, «What Works to Prevent Violent Extremism: **Lessons from Employment and Education Programs,**» in *The Ecology of Violent Extremism: Perspectives from Peacebuilding and Human Security*, ed. Lisa Schirch (London: Rowman & Littlefield, 2018).
- 25 Van Metre, *Community Resilience*, 16–17.
- 26 Jonathan Pinckney, Michael Niconchuk, and Sarah Ryan, *Motives, Benefits, and Sacred Values: Examining the Psychology of Nonviolent Action and Violent Extremism*, Peaceworks no. 179, United States Institute of Peace, ноябрь 2021, www.usip.org/publications/2021/11/motives-benefits-and-sacred-values-examining-psychology-nonviolent-action-and.
- 27 Maria J. Stephan and Leanne Erdberg, «To Defeat Terrorism, Use 'People Power,» in *The Ecology of Violent Extremism: Perspectives on Peacebuilding and Human Security*, ed. Lisa Schirch (London: Rowman & Littlefield, 2018).
- 28 Shaazka Beyerle, «Brazil's Digital Resistance against Corruption,» Policy Brief no. 40, Toda Peace Institute, 2019, https://toda.org/assets/files/resources/policy-briefs/t-pb-40-shaazka-beyerle_brazils-digital-resistance-against-corruption.pdf.
- 29 UN Special Rapporteur on the Promotion and Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms while Countering Terrorism, «Human Rights Impact of Policies and Practices Aimed at Preventing and Countering Violent Extremism,» UN General Assembly, Human Rights Council, 43rd Session, 21 февраля, 2020, <https://digitallibrary.un.org/record/3872336>; Marc Sommers, «Youth and the Field of Countering Violent Extremism,» Promundo, 2019, https://capve.org/components/com_jshopping/files/demo_products/Youth_Violent_Extremism.pdf.
- 30 Anga Timilsina and Jide Okeke, «Reducing Corruption Could Help Prevent Violent Extremism,» UN Development Programme, 4 мая, 2018, www.undp.org/blog/reducing-corruption-could-help-prevent-violent-extremism.
- 31 Ben Crisman et al., «Preventing Violent Extremism: Lessons from Kenya,» Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Princeton University, январь 2020, https://issuu.com/woodrowwilsonschool/docs/preventing_violent_extremism.
- 32 См., например, the Strong Cities Network, <https://strongcitiesnetwork.org/en/what-we-do/>.
- 33 Inter-Parliamentary Union, «First Global Parliamentary Summit on Counter-Terrorism: Report on the Summit,» январь 2022, www.ipu.org/resources/publications/reports/2022-01/first-global-parliamentary-summit-counter-terrorism.
- 34 Больше информации о Everyday Peace Indicators, см. на сайте www.everydaypeaceindicators.org.
- 35 Больше информации об инструменте BRAVE см. на сайте <https://brave.resilienceresearch.org/>.

- 36 О Resilience Indicator Library, см. на сайте <https://thecosa.org/resilience-indicators/>.
- 37 Building Regional Resilience предлагает примеры показателей, которые используются в разных регионах США, хотя этот список также может быть полезным и для других регионов мира. См. сайт Building Regional Resilience website, <https://resilience.engagementnetwork.org/about-the-resilience-indicators/>.
- 38 Ben Bland, «Indonesian Scheme Serves Up a New Life for Reformed Militants,» *Financial Times*, 10 июня, 2014, www.ft.com/content/f9992764-e700-11e3-aa93-00144feabdc0.
- 39 Christina Nemr et al., «It Takes a Village: An Action Agenda on the Role of Civil Society in the Rehabilitation and Reintegration of Those Associated with and Affected by Violent Extremism» (The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, август 2018), 19, www.icct.nl/sites/default/files/import/publication/GC_It-Takes-a-Village_WEB.pdf.
- 40 Yayasan Prasasti Perdamaian, «Outreach Division,» <https://prasasti.org/programs/outreach-division/>.
- 41 Krithika Varagur, «Empowering Women to Break the Jihadi Cycle,» *New York Times*, 20 июня, 2017, www.nytimes.com/2017/06/20/opinion/empowering-women-to-break-the-jihadi-cycle.html.
- 42 Nemr et al., «Restaurant Employment for Formers,» 27.
- 43 Margaret Williams, Rachel Walsh Taza, and Saji Prelis, «Working Together to Address Violent Extremism: A Strategy for Youth-Government Partnerships,» Search for Common Ground, июль 2017, www.sfcg.org/wp-content/uploads/2016/12/YouthGovtCVE_StrategyDocument_122116.pdf.
- 44 Preeta Bannerjee, «Mechelen: How a Flemish City Fought ISIS Recruiters,» *Smart Citizen*, 28 февраля, 2017 г., <https://thesmartcitizen.org/citizen-engagement/mechelen-counter-radicalisation/>.
- 45 «From Bandits to House Guests: Ex-Abu Sayyaf Members Tour Batasan,» ABS-CBN News, 14 ноября, 2019, <https://news.abs-cbn.com/news/11/14/19/from-bandits-to-house-guests-ex-abu-sayyaf-members-tour-batasan>.
- 46 Government of the Philippines, Office of the Presidential Advisor on the Peace Process, «Reformation Program for 214 Ex-Abu Sayyaf Members Launched in Basilan,» 25 июня, 2019, <https://peace.gov.ph/2019/06/reformation-program-for-214-ex-abu-sayyaf-members-launched-in-basilan/>.
- 47 Больше информации о Balay Mindanaw см. на сайте <https://balaymindanaw.org/main/>.

БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ ЛИСТ

Авторы благодарят Найджела Куинни за его редакторское руководство, позволившее сделать это руководство практичным и удобочитаемым; тематических консультантов проекта за обеспечение доказательной практики и дискуссий; троих анонимных рецензентов за помощь в улучшении; Эндрю Майнса за рассмотрение десятков содержательных, а иногда и противоречивых комментариев, предложений и рекомендаций рецензентов; Сару Кук-Реймонд, Терри Платтера и Тару Ковач из Impact Marketing за то, что выделили это руководство; а также Майкла Дардена — за систематизацию.

Авторы также благодарят всех экспертов и практиков, принявших участие в насыщенных дискуссиях на семинарах, которые послужили бесценной основой для многих рекомендаций, содержащихся в этом руководстве.

Тематические консультанты

Тереза С. Бетанкорт, МА

Директор Программы исследования, посвященной детям и неблагоприятным факторам, Boston College

Б. Хайди Эллис, Доктор наук

Директор Trauma and Community Resilience Center, Boston Children's Hospital

Нафис Хамид, Доктор наук

Старший научный сотрудник, International Centre for Study of Radicalisation, King's College London

Ким Хартог

Исследователь в области уменьшения социального отторжения, War Child Holland

Тарела Ике, Доктор наук

Преподаватель криминологии и работы органов правопорядка, Teesside University

Брендон Кохрт, Доктор, Доктор наук

Чарльз и Соня Акман, преподаватель глобальной психиатрии, The George Washington University

Ребекка Литтман, Доктор наук

Доцент University of Illinois Chicago

Джарреми Макмаллин, Доктор наук

Старший преподаватель, University of St Andrews

Сальма Мусса, Доктор наук

Доцент политологии, Yale University

Лорен Ван Метре, Доктор наук

Директор по вопросам мира, климата и демократической устойчивости Национального демократического института (Peace, Climate, and Democratic Resilience, National Democratic Institute)

Стивен Вейне, Доктор

Директор Centers for Global Medicine and Global Health, University of Illinois Chicago

Ребекка Вольфе, Доктор наук

Старший преподаватель, University of Chicago

Участники семинара

Айнабат Атаева, Доктор

United Nations Office of Counter-Terrorism,
International Hub for Behavioral Insights to Counter
Terrorism (Контртеррористическое управление ООН,
Международный центр поведенческого анализа
для борьбы с терроризмом)

Фатима Акилу, Доктор наук

NEEM Foundation

Хамсату Алламин

Allamin Foundation for Peace and Development

Фатима Азам

Регистратор клинической психологии

Лульетта Бериша Голлопень

Kosovo Rehabilitation Centre for Torture Victims
(Косовский реабилитационный центр для жертв
пыток)

Мия Блум, Доктор наук

Georgia State University

Клубосумо Джон Борх

Network for Empowerment and Progressive Initiatives

Глэдис Фэдди Каногура

Kitgum Women Peace Initiative

Джон Колкер

Fambul Tok

Ора Мусу Клеменс

Creative Associates International

Эндрю Крейг

International Organization for Migration
(Международная организация по миграции)

Эммануэль Кране, Доктор наук

Université de Paris

Селина де Сола, MSW, MPH

Glasswing International

Кайл Дитрих

Equal Access International

С. Бенедикт Доссен

The Carter Center

Мехрин Фарук

Counterpart International

Грациэлла Фурез, Доктор наук

Université Saint-Louis—Bruxelles

Дебора Б. Фрайтас Лопез

University Research Co., LLC

Али Гохар

Just Peace Initiatives UK-Pakistan

Гайда Хассан, Доктор наук

Université du Québec à Montréal

Табеа Хесслер, Доктор наук

University of Zurich/University College Dublin

Лайза Инкс

Mercy Corps

Вивиан Хедари ДеПьерро, Доктор наук

Beyond Conflict

Шэррон Книсс

United States Institute of Peace (Институт мира США)

Сабрин Лариби

United States Institute of Peace (Институт мира США)

Шерил Любин, Доктор юриспруденции, Доктор наук

California Department of Corrections and Rehabilitation

Джош Мартин

Beyond Conflict

Преподобный Гэри Мейсон, Доктор наук

Rethinking Conflict

Джесси Мортон

Parallel Networks

Холли Нисет Нзитатира, Доктор наук

The Ohio State University

Роуда Олад, Доктор наук

Mandeeq Mental Health

Шивон О'Нил, Доктор наук

United Nations University (Университет ООН)

Стефания Паолини, Доктор наук

University of Newcastle

Жаклин Перри, Доктор наук

International Organization for Migration
(Международная организация по миграции)

Кристина Пекора, Доктор психологии

United States Institute of Peace (Институт мира США)

Мария Элиза Пинто-Гарсия

Prolongar Foundation

Моссарат Кадим

PAIMAN Alumni Trust

Кеннет Рейди, Доктор наук

United Nations Office of Counter-Terrorism,
International Hub for Behavioral Insights to Counter
Terrorism (Контртеррористическое управление ООН,
Международный центр поведенческого анализа
для борьбы с терроризмом)

Мара Ревкин, Доктор юриспруденции, Доктор наук

Georgetown University Law Center (в отпуске в United
Nations Assistance Mission for Iraq (Миссия ООН по
оказанию содействия Ираку))

Ника Саиди

United Nations Development Programme (Программа
развития ООН)

Стейси Шамбер

International Civil Society Action Network

Гульельмо Шинина

International Organization for Migration
(Международная организация по миграции)

Тара Шеппард-Луангхот, MMFT

Restorative Justice 4 All

Рут Симпсон

International Alert

Лесли Снайдер, Доктор, Магистр в области общественного здравоохранения

MHPSS Collaborative for Children, Youth and Families
and Adversity (Save the Children)

Карл Штауффер, Доктор наук

United States Institute of Peace (Институт мира США)

Преподобный Гопар Тапкида, Доктор наук

Africa Peacebuilding Institute

Линда Тропп, Доктор наук

University of Massachusetts Amherst

Ли Такер

United States Institute of Peace (Институт мира США)

Пол Тернер

MSI Worldwide

Майкл Весселс, Доктор наук

Columbia University

Анги Йодер-Майна, Доктор наук

Green String Network

Мэгги Зрали, Доктор наук

MHPSS Collaborative for Children, Youth and Families
and Adversity (Save the Children)

ОБ АВТОРАХ

Д-р Лиза Ширх является заведующей кафедрой им. Richard G. Starmann Sr. и преподавателем практики миростроительства в University of Notre Dame's Keough School of Global Affairs. Ширх была участницей Fulbright Fellow в Восточной и Западной Африке, работала в Афганистане и двадцати других странах. Ширх является автором одиннадцати книг, в том числе *Conflict Assessment and Peacebuilding Planning*, *Local Ownership in Security*, *Synergizing Nonviolent Action and Peacebuilding* и *Handbook on Human Security: A Civil-Military-Police Curriculum*. Ширх также является редактором книги *The Ecology of Violent Extremism: Perspectives on Peacebuilding and Human Security*.

Крис Босли является исполняющим обязанности директора Program on Violence and Extremism в United States Institute of Peace (USIP) (Программы по борьбе с насилием и экстремизмом Института мира США). С 2017 года он руководил работой Института по поддержке правительств и сообществ, пострадавших от действий людей, прекращающих участие в насильственных действиях экстремистов или выходящих из вооруженных экстремистских конфликтов. Босли пришел в USIP из Office of the Director of National Intelligence (ODNI) (Офис Директора национальных разведслужб США), где работал старшим советником по борьбе с терроризмом, насильственным экстремизмом и политической нестабильностью при National Intelligence Manager for East Asia (Руководителе национальной разведкой США в Восточной Азии). До ODNI, Босли десятилетие служил офицером разведки в United States Navy (ВМФ США); его назначения включали в себя Joint Staff, the Defense Intelligence Agency и the USS *Carl Vinson*.

Майкл Никончук является руководителем программы в Wend Collective и входит в состав консультативного совета Counter Extremism Project. Ранее работал директором программы «Травма и насильственный конфликт» в Beyond Conflict. Более десяти лет работал на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, поддерживая местный потенциал для предоставления и масштабирования доказательной помощи лицам, пострадавшим от насильственных конфликтов, экстремизма и переселения, в том числе поддержки возвращения и реабилитации семей иностранных боевиков-террористов. Является автором *The Field Guide for Barefoot Psychology* и ряда публикаций о травмах, экстремизме и миграции.

ОБ ИНСТИТУТЕ МИРА США

United States Institute of Peace (Институт мира США) — это национальный беспартийный независимый институт, основанный Конгрессом и посвященный девизу: мир без насильственных конфликтов возможен, практичен и необходим для США и глобальной безопасности. В зонах конфликта за рубежом Институт работает с местными партнерами для предотвращения, смягчения и разрешения насильственных конфликтов. Чтобы уменьшить вероятность возникновения кризисов в будущем и необходимость в дорогостоящих вмешательствах, USIP работает с правительствами и гражданским обществом над созданием местного потенциала для мирного урегулирования конфликтов. Институт выполняет свою миссию, связывая исследования, политику, обучение, анализ и прямые действия, чтобы поддержать тех, кто работает над построением более мирного и инклюзивного мира.

СОВЕТ ДИРЕКТОРОВ

Джуди Ансли (председатель)

Бывший помощник президента и заместитель советника США по национальной безопасности при Джордже Буше-младшем

Нэнси Зиркин (заместитель председателя)

Исполнительный вице-президент Leadership Conference on Civil and Human Rights (Конференция руководителей по гражданским правам и правам человека)

Джонатан Баркс

Вице-президент, Global Public Policy, Walmart

Джозеф Л. Фальк

Бывший советник по вопросам общественной политики, Akerman LLP

Эдвард М. Габриэль

Президент и главный исполнительный директор, The Gabriel Company LLC

Стивен Дж. Хэдли

Директор, Rice, Hadley, Gates & Manuel LLC

Кэрри Кеннеди

Президент, Robert F. Kennedy Human Rights

Натали Рейес

Президент и главный исполнительный директор, Latino Victory Project

Майкл Сингх

Управляющий директор, Washington Institute for Near East Policy

Мэри Свиг

Президент и главный исполнительный директор, Mary Green

Кэтрин Уилбаргер

Вице-президент по концепциям будущего, Lockheed Martin

Роджер Закхейм, Директор

Ronald Reagan Presidential Foundation and Institute в Вашингтоне

ЧЛЕНЫ В СИЛУ ЗАНИМАЕМОЙ ДОЛЖНОСТИ

Уэра Зейя

Заместитель Государственного секретаря по вопросам гражданской безопасности, демократии и прав человека

Ллойд Дж. Остин III

Министр обороны

Майкл Т. Плен

Генерал-лейтенант ВВС США, Президент Национального университета обороны

Лиз Гранде

Президент и главный исполнительный директор Института мира США (без права голоса)

